

СМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1979

ОТЦОВСКОМУ МУЖЕСТВУ
ВЕРНОСТЬ ХРАНЯ...

Иван Падерин родился в Сибири, на привокзале Богословка Кемеровской области. Перед войной был избран секретарем Купинского райкома комсомола. На фронт ушел вместе с комсомольским активом района. Воевал под Москвой, в Сталинграде, а закончил войну в Берлине заместителем 220-го гвардейского полка.

Его книги «На главном направлении», «В огне Сталинграда», «Когда цветут камни», «Доверие», «Комдив бессмертных», «На крутояре», «Отповский наказ» и другие много раз издавались у нас в стране и за рубежом.

Недавно писателю исполнилось 60 лет. Но, несмотря на возраст, пишет он с молодым задором о своих сверстниках — комсомольцах 30—40-х годов. Они главные герои его произведений.

Документальная повесть «Ожог сердца», главы из которой мы публикуем в этом и следующем номерах, написана по зову памяти, по велению человеческого сердца и рассказывает о боевых друзьях писателя.

Зов памяти — верность традициям старших поколений. Забвение — боль в сердцах ветеранов. В этом суть нового произведения Ивана Падерина.

Иван ПАДЕРИН

ОЖОГ СЕР

Закружили над Кулундой снежные метели. На озимых и на зябях хлопчут полеводы. За ними развернутым строем передвигаются бригады и звенья хлеборобов. Вышли сюда и школьники. Вышли целыми классами с охалками хвороста и самодельными щитами для снегозадержания. Видя, где ветер переметает порошинки снега, они бросаются на перехват белесых змеек поземки. Смотрю и вспоминаю цепи рот и батальонов, поднявшихся в атаку. Идет бой за влагу в почве. Его ведут солдаты хлебного фронта Кулунды. Они готовы собой закрыть зеленющие всходы озимых ради сохранения на них снежных шубок.

«Мы ведем тяжелый бой, несем порой невосполнимый урон, но это не значит, что мы опустили руки, сникли. Ничего подобного», — вспомнились слова секретаря райкома партии Николая Колчanova. Я и сам убедился: кулундинцы не опустили руки, не сникли от ударов ветровой эрозии.

Метель и поземка — крылья зимы над пашнями. Они радуют и огорчают хлеборобов: метель — игривая молодость зимы, поземка — ее седина.

Еще на прошлой неделе Николай Федорович, зная, что я собираюсь возвращаться в Москву, спросил меня с упреком — почему я не побывал в первом отделении Купинского совхоза, где работает Ольга Харитоновна Ускова.

— У меня еле хватило сил и времени навестить семьи однополчан, — попытался оправдаться я. — Побываю, только в следующей поездке.

— Ну и зря. Жалеть будешь.
— Почему?
— Ольга Харитоновна — дочь Харитона Устименко.

— Как?!
— Вот так. Вышла замуж и стала Усковой. А если ты забыл Харитона Устименко, могу напомнить.

— Не надо...
Харитон Устименко. Разве можно забыть человека, который...

Было это 13 сентября 1942 года. В тот день рано утром армейские разведчики вернулись из Гумрака, занятого войсками Паулюса. Они принесли какие-то важные сведения. Важные, потому что их сразу же принял начальник штаба армии. В тот же час я получил задание.

— Связь с бригадой Горохова прервана, — сказал начальник штаба, вручая мне пакет, — передай лично комбригу. Он на командном пункте тракторного завода. Дуй туда без оглядки. Аллюр три креста. Ясно?

По голосу начштаба, по взгляду его воспаленных глаз было понятно, что от того, как скоро будет доставлен этот пакет, зависит судьба завода, подготовленного к взрыву.

— Ясно, — ответил я и выбежал к стоянке мотоциклов. Но после вчерашней бомбежки здесь не осталось ни одного целого мотоцикла, ни одного разгонного «козлика», уцелела лишь одна полуторка. Она стояла в овраге за кучей сваленного сюда металлолома и утильсырья.

В кабине с открытым верхом этой неказистой колымаги сидел Харитон Устименко — тихий, с тоскующим взглядом крестьянин из деревни Чумашки. В руках у него был листок бумаги, испещренный ученическим почерком. Дочь Оля писала отцу: «О нас не беспокойся, я учусь уже в шестом классе, мама работает в поле вместо тебя, помогаем фронту»...

Услев прочитать эту фразу, я спросил Харитона:

— Машина заправлена?
— Заправлена, — ответил он.

До сих пор никто не решался ехать с ним. Да и кто мог решиться на такой риск, если от одного взгляда на машину, которой он управлял, брала оторопь: ни бортов, ни крыльев, кабина без крыши. Тряхнет где-нибудь на ухабе, колеса разбегаются в разные стороны, собирай их потом с «баранкой» в руках, дескать, куда вы убежали от руля.

Однако делать нечего, пешком до тракторного не скоро доберешься. Будь что будет. Показываю Харитону пакет и говорю:

— Аллюр три креста, на тракторный...

Он, видно, и на своем шоферском языке понимал смысл кавалерийского термина «аллюр три креста», нажал педаль стартера, и, едва я успел сунуть себя в открытую дверцу кабины, полуторка рванулась вперед. Если бы кто-нибудь со стороны посмотрел, как это произошло, то немало удивился бы: шутка ли, груды металлолома, зацепив человека, вдруг побежала от свалки.

Как удалось Харитону Устименко вскочить на своей колымаге из оврага по крутым сыпучим тропкам — трудно сказать. Поверив в возможности шофера и его телеги на автомобильных колесах, я, как положено в таких случаях, начал поторавливать:

— Жми, жми...

— Жмем, жмем, — отвечал мне Харитон, имея в виду и себя и машину. В эту минуту, я видел, он как бы срывается с ней.

Под колесами стремительно бежала издолбленная снарядами и минами дорога. Свалившиеся столбы и глубокие воронки оставались в стороне, лишь кое-где куски рваной арматуры царапали своими железными прутьями обшарпанный кузов нашей полуторки.

Мы мчались вдоль берега Волги. Недалеко от заводского поселка перед машиной начали вырастать копыны вздыбленной земли. Я взглянул на небо. Вот, оказывается, для чего Харитон

Устименко не ремонтировал крышу кабины. Так ему лучше было наблюдать, что делается над головой...

Немецкие пикировщики бомбили причалы шестьдесят второй переправы. А участок этот нам не миновать.

— Плохи наши дела — застрянем, — проговорил я.

Но Харитон, не обрасывая газ, жал, что называется, изо всех сил. И только когда очередная вереница пикировщиков нацелилась сбросить бомбы на дорогу, по которой мы мчались, Харитон свернул в сторону и повел машину в узкую расщелину разрушенного квартала.

Пикировщики сваливались в отвесное пике чуть впереди нас, а это значило — наш квартал в прицеле. Я сполз с сиденья, забился куда-то вниз, а Харитон Устименко прикрыл меня собой.

Наблюдая за пикировщиками, он то и дело сообщал:

— Це влево бере... О це вправо... У-у, стерва, це прямо в меня!

Раздался взрыв. Будто колокол раскололся над моей головой. Меня крутануло так, что я оказался лежащим головой там, где до этого только что были мои ноги.

Придя в сознание, я высочил из кабины. Пыль и копотье еще не осели, значит, лежал я недолго. Но где же Устименко, что с ним? И вдруг вижу, сквозь оседающую пыль на меня накатывается наша полуторка. За рулем сидит Устименко. Молчаливый, нахмуренный, он даже не покосился в мою сторону. Смотрит только вперед прямым, неморгающим взглядом.

Я на ходу вскочил в машину, и она понеслась через колдобины и воронки без остановок. Сильных толчков я не ощущал, весь был поглощен движением, а неизбежные в таких прыжках удары головой о потолок кабины меня не беспокоили, потому что надо мной была дыра. Мы неслись по прямой, без виражей и поворотов, как по струне. Когда проскочили заводские ворота, я взглянул на лицо Харитона. Он по-прежнему смотрел прямо, не моргая. На бледном лице появились синие пятнышки. Вцепившись в руль пальцы рук тоже посинели.

— Устименко! — крикнул я. — Приехали.

Он, кажется, улыбнулся. Машина ткнулась радиатором в кучу щебня перед входом в командный пункт, и мотор заглох.

— Приехали, Харитон — повторил я.

Он и на этот раз не отозвался ни голосом, ни движением. Оттого, что мотор заглох, в кабине стало тихо. И в этой тишине я не услышал дыхания шофера. Мотор заглох и в его груди. Харитон Устименко был мертв. На лице его застыла едва заметная улыбка. Он выполнил задание. Пакет был доставлен в срок. И только тут я понял, что он вел машину на последнем дыхании. Его грудь была пробита осколком в тот момент, когда он прикрывал меня в кабине своим телом.

Теперь, через много лет узнав о том, что Ольга Харитоновна Ускова и есть та самая ученица 6-го класса Оля Устименко, которая в дни Сталинградской битвы писала отцу: «о нас не беспокойся... помогаем фронту», мне стало стыдно за то, что я до сих пор не навестил дочь своего боевого друга-однополчанина. И я тотчас же отправился к Ольге Харитоновне: напомнить ей о письме, содержание которого она, вероятно, уже забыла, рассказать о подвиге отца — наверняка ей неизвестны те обстоятельства его гибели, какие известны мне...

И вот уже неделю я не могу расстаться с семьей Ольги Харитоновны. Ее муж Алексей Николаевич Усков — полевод,

В доме, где меня приютили, четыре комнаты. Есть радио, телевизор и хорошая библиотека. Много книг по земледелию: Алексей Николаевич недавно заочно окончил сельскохозяйственный институт. Рассказывает о своих опытных участках так, словно для него не было и нет ничего более важного на свете, как внушить мне веру — кулундинская земля должна быть и будет такой же плодородной, как была до ветровой эрозии почв. Он сразу расположил меня к себе — хоть оставайся с ним тут в поле до следующей осени, чтобы увидеть, какой урожай созреет на опытных участках.

Гордость супругов Усковых — дети. «Старшуха», так они называют дочь Оксану, получив аттестат зрелости, решила годик поработать в полеводческой бригаде отца, а там видно бу-

дет — в какой институт податься. Сыновья Харитон и Алексей — братья-близнецы — еще учатся в школе, в девятом классе и, как видно, пойдут по стопам отца: свободное от учебы время проводят в поле, на опытных участках. Они-то и увлекли меня на расстановку шитов на озимых, куда вот уже третий день выходят ученики старших классов. Азартные, неугомонные в работе. Хорошие, в общем, растут внуки у Харитона Устименко.

Нет, не забыла Ольга Харитоновна содержание своих писем отцу на фронт, знает, где и как он погиб. Еще в войну слушала о нем передачу по радио. А то письмо, на которое не успел ответить отец, попало во фронтовую газету, и сотни бойцов, командиров, политработников ответили дочери погибшего Харитона Устименко клятвенными словами — нещадно истреблять фашистов за смерть ее отца. Писали так, будто она стала для них родной дочерью.

После войны, окончив десятилетку, Ольга стала работать телятницей, хотя ей предлагали должность инструктора райкома комсомола.

— Мать в ту пору тяжело заболела — ноги у нее стали отниматься, вот я и заменила ее, — поясняет мне свое решение той поры Ольга Харитоновна. — Не оставишь же телят без ухода — зачахнут, и останется ферма на целый год без прироста...

— Хворь-то эта пристала ко мне еще с войны, — рассказывала вечером за семейным ужином мать Ольги — Анна Андреевна, коренная сибирячка, вышедшая замуж за Харитона Устименко, первое поселенца с Полтавщины, еще в первые годы коллективизации. Теперь она инвалид, сидит дома и, как видно, давно ждала, кому поведать накопившиеся в душе воспоминания. — Дочь в райком зовут, а у меня поясница дыхнуть не дает и ноги разбаранило. Дойду до фермы, а там на коленях вдоль ясель ползаю. От простуды все это началось, и сейчас в непогоду все кости разламывает, пошевелиться боюсь. В войну-то в одних ольках полевую грязь месили по весне и осенью. Тогда же и поясницу надорвала. Мешки с зерном целыми обозами в фонд обороны откружали. Упадешь, бывало, вместе с мешком на воз — везите меня с этим зерном на фронт, — а на языке и на губах желчная горечь пенится. Печенку, почки вместе с селезенками по-мужицки проклинали, лишь бы горькие думы про свою долю отогнать. А кончилась война, и ноги отнялись. Потом болезнь перекинулась с ног на руки. Так и привязала я к себе в те годы Ольгу. Хоть десятилетку дала ей закончить, но захрясла она здесь.

— Как это «захрясла»? — возразила ей Оксана, тихая и степенная девушка, профилем лица и упрямостью взгляда

напомнившая мне ее деда Харитона Устименко.

— Не захрысла,— поддержал я Оксану и, чтобы не возвращать свои думы к тому грустному часу, перевел взгляд на Алексея Николаевича.

Ольга Харитоновна, по-своему поняв мой взгляд, сказала:

— С Алексеем я познакомилась потом, через год, когда стала самостоятельной телятницей.

— Шибко самостоятельной,— упрекнула ее мать,— хвост дугой...

— Мама... — попыталась остановить ее Ольга Харитоновна.

— Ага, «мама»... Ты не обижайся, я правду говорю. Ноги болят, а голова-то еще не отстала от моих плеч. Я про военные годы хочу вспомнить, чтоб ты и твои дети не забывали, как нам доставалось... Получила я похоронку на Хари-

ДДА

тона, и стены избы гробом показались. Послала тебя в телятник дежурить, а сама убежала в поле. Ночью это было, вет об эту пору. Ветер, колючая крупа в лицо хлещет. На мне одна кофточка. Прибежала на полевой стан, забилась под стог соломы и реву про себя. Потом прислушалась: под этим же стогом, с другой стороны, ребята, подростки, как щенята, скулят. Их послали за соломой, а трактор заглох. Забились под стог, каждый в свою нору. Вдруг стог запластал жарким огнем. С торца огонь начался. Курить какой-то чертенок вздумал, вот и запалил солому. Живьем могли сгореть, проказники. Вовсе деревня без парней осталась бы. Выдернула я их один по одному из пламени и погнала домой. Сама греюсь и ребятам мерзнуть не даю. Ночь длинная была. В испуге чуть не заблудились. На огоньки курс взяли, думали, в окнах коптилки моргают, вроде людям просыпаться пора. Бежим еще пуще, а эти огоньки вдруг разошлись в разные стороны и уже за нашими спинами засветились парами. Тут я поняла: волчица со своим выводком нас встретила. В дальнем колке она плодилась и теперь кралась к телятнику, где ты дежурила в ту ночь... Высекайте, говорю ребятам, высекайте искру своими приспособлениями, от которых прикуривать научились, и давайте огнем волков отпугивать. На поле еще были снопы необмолоченной пшеницы. Подождли мы несколько снопов и бежим к телятнику. Волки забоялись огня и отставили от нас... Ты, тогда шестиклассница, пужать нас судом собиралась за поджог снопов с колосьями. «Каждый колос — это обойма патронов против врага», — говорила, а не усекала, что у меня было на душе горше горшего: похоронку тайком от тебя под сердцем таила.

— Я раньше тебя знала о похоронке. Почтальон целую неделю носил ее то домой, то на ферму. Покажет мне, а от твоих глаз прячется, больно ему было смотреть на тебя. Ты ж была самая красивая солдатка. Горячая, веселая, потому все боялись и словом тебя тронуть, не то что горестной вестью.

— Не в красоте дело,— возразила мать.— Злая я была против лентяев. И на работу была злая. А когда похоронка пришла, стала еще злее. Не покладала рук, пока ноги носили. Теперь сиднем сижу. Ученые подсчитали: за войну наша страна потеряла двадцать миллионов. А вот сколько людей инвалидами стали — такого подсчета еще никто не объявил. Теперь, если к этому прибавить таких, как я, которые от натуги, простуды и голодухи лишились здоровья и детей перестали рожать, после всего этого прикинь, какой урон понес наш народ...

Разумеется, Анна Андреевна не раз рассказывала о себе, о своих думах

Фото Сергея ВЕТРОВА

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

зятю, дочери, внукам, но на этот раз ее слова заставили их — затаить дыхание, задуматься. Сколько людей, рядовых солдат хлебного фронта — женщин, мальчишек, девчонок — сражались за правое дело, не щадя себя, обрекая свою молодость и здоровье на неисчислимые мучения! Не здесь ли истоки той боевой мудрости нашего солдата, удивительного мир своего огнестойкостью в Сталинградской битве и решительностью при штурме Берлина? И что помогло мне выжить в той войне?

Будто подслушав мои думы, Анна Андреевна спросила:

— А ты-то как уцелел на такой войне? Сказывают, воевал под Москвой, в Сталинграде, дошел до Берлина — и уцелел?

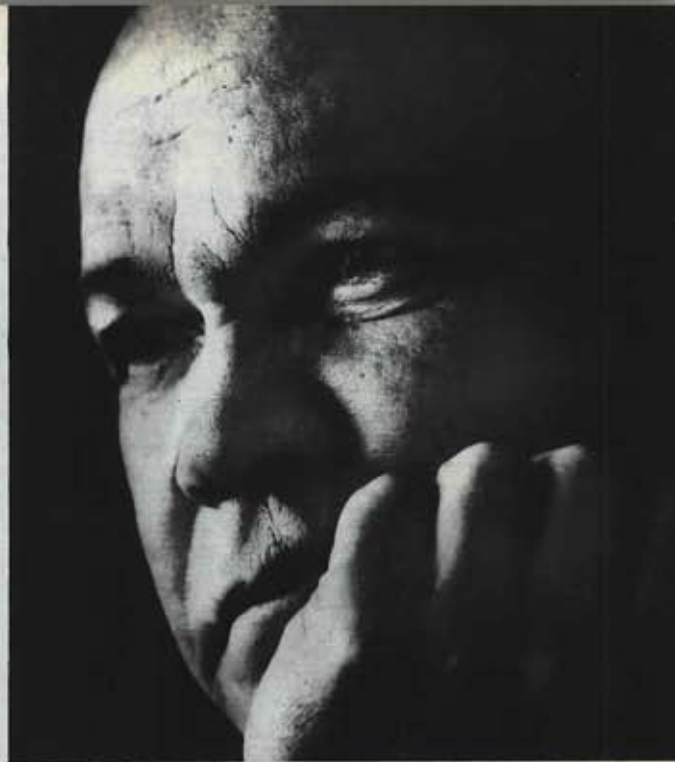
— Уцелел,— подтвердил я.— Вроде повезло. Верным друзьям, таким, как ваш муж Харитон Устименко, благодарен.

— И много было у тебя таких друзей? — Фронтowych недругов не помню. Это мое счастье.

— Значит, сам умел дружбой дорожить?

— Старался,— односложно ответил я, подумав: «Вот, кажется, наступил тот момент, когда придется выслушать все упреки жены воина, прикрывшего тебя своей грудью. Выслушай и не оправдывайся». Но после того, как я рассказал один эпизод из своей боевой жизни, связанный с Харитоном Устименко, глаза Анны Андреевны потеплели. Она дотронулась рукой до моей головы, приговаривая:

— Счастливым ты, значит, счастливым на друзей. Сохрани это счастье до конца жизни.

ПИСАТЕЛЬ-СТАЛИНГРАДЕЦ ИВАН ПАДЕРИН.

песком вместо тротила. Меня ждала мгновенная смерть, а тот, кто начинал эту бомбу опилками с песком, обрекал себя на мучительные пытки в застенках гестапо. Мне ясно одно: этот человек был верным другом нашего народа. Где он сейчас, я не знаю, но верю — ему дышится легко, его не мучает совесть, он вправе гордиться своим молчаливым подвигом перед моими детьми и внуками.

Что это — везение, живучесть или цель счастливых случайностей? Не знаю, не берусь утверждать ни то, ни другое. Мне ясно только одно: цель счастливых случайностей могла превратиться в любой момент. Игра «в счастье» на фронте не бывает продолжительной. Важно иметь верных друзей — они не оставят тебя в беде. Но, кроме верных друзей, нужны опыт, смекалка, изворотливость, наконец, умение находить верные решения, чтобы не стать для врага уязвимой целью. И еще одно очень важное условие жизнестойкости в бою — это чутье. Чутье опасности.

Мне посчастливилось знать, видеть, быть рядом с человеком, которого природа наградила именно таким чутьем. Это Василий Иванович Чуйков.

12 сентября 1942 года он возглавил войска 62-й армии, на которую была возложена оборона Сталинграда. Находясь непосредственно под воздействием всех видов оружия противника, порой в двухстах метрах от переднего края, ему приходилось часто менять расположение своего командного пункта. Я свидетель перемены его КП с Мамаева кургана к Астраханскому мосту, затем в овраг возле тракторного завода, потом на берег Волги перед заводом «Красный Октябрь», наконец, в район лесной эстакады, где сейчас возвышаются трибуны городского стадиона. Всего шесть точек. Пять из них он сменил буквально за считанные минуты до прямого попадания тяжелых бомб и мин в те блиндажи, где находились он и его помощники.

Бывало, держится в одной точке, вокруг которой гремят взрывы, затем вдруг командует — уходи! — и через пару минут за спиной уходящих взлетают бревна разбитых блиндажей и дымятся глубокие воронки. Враг мог торжествовать — армия осталась без руководства. Но не тут-то было: тотчас же в дивизию и полки поступали приказы и распоряжения Чуйкова, где и как следует наносить удары по наступающим частям противника.

...Не помню точно, не то 17, не то 18 октября командир полка вызвал меня к себе.

— Слушай внимательно,— сказал он строгим голосом.— Поговаривают, Чуй-

— Постараюсь,— выдохнул я. Никто, наверное, не знает тех законов, которые в условиях фронтовой деятельности оберегают твою жизнь от роковых исходов. В самом деле, сколько погибло моих ровесников еще на подходе к линии фронта, сколько стало калеками, не успев обжиться в своем окопе, а ты, как заговоренный, побывав вон в каких вихрях свинца, осколков рваного чугуна, железа, стали, что бусовали над тобой всю войну, и остался жив. Что это, случайность или стечение счастливых обстоятельств? Да и нет. «Да», потому что война — хаос случайностей, а участие в любом бою — оборонительном или наступательном — просто исключает веру в неуязвимость; «нет», потому что стечение счастливых обстоятельств в бою — понятие неопределенное, оно живет в сознании лишь для самовнушения: «В этом бою я останусь невредим».

...Та бомба, что уже не свистит, а ревет над твоей головой,— для тебя последняя. К такому заключению мы пришли в дни боев на улицах Сталинграда, где сто дней и ночей наши позиции находились под непрерывными ударами вражеской авиации. Но бывали и исключения. 16 октября на северных скатах Мамаева кургана у входа в мой блиндаж воткнулась ревущая бомба. Воткнулась и молчит. Обливаясь холодным потом, я ждал взрыва. Сколько прошло тех удивительно долгих секунд, я до сих пор не знаю. Для меня они были бесконечностью. Как хотелось мне жить в те секунды! Какая-то конвульсивная сила выбросила меня из блиндажа. Вылетел из него пулей, припал к земле. Вижу, из хвостового оперения бомбы сочится желтый дымок. Сейчас бомба взорвется... Но она не взорвалась. Почему? В теле той стокилограммовой бомбы — «сотки» — оказались опилки с

Наша обложка:
«СЕГОДНЯ
НОЧНЫЕ
ПОЛЕТЫ»

Фото
Александра
КУЧЕРЕНКО.

1 Иван ПАДЕРИН. «ОЖОГИ СЕРДЦА».

4-6 ТРАНСПОРТ: КОМСОМОЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА.

8-12 НАВСТРЕЧУ VII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Рассказ Валентины БАРМИЧЕВОЙ «ЗИНКИНО ВОСКРЕ-
СЕНЬЕ».
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ «СМЕНИ».
Стихи Николая РЕШЕТОВА, Баира ДУГАРОВА,
Татьяны НИКОЛАЕВОЙ, Виктора ЕСИПОВА.

14 КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ.
«ЛЫЖИ». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

16 23 ФЕВРАЛЯ—ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА.
Герой Советского Союза Александр ЩЕБЛАКОВ.
«СУВОРОВЦЫ».

18 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
Юрий МАКАРЦЕВ. «ТИХИЙ ОМУТ».

20 Генрих ГУРКОВ, Сергей ПЕТРУХИН.
ЧТО ТАКОЕ СВЕТОМУЗЫКА.

21 Стихи Анатолия БЫСТРОВА.

22 НАУКА: СЕЙСМОЛОГИЯ.
Эдуард КАРПУХИН. «ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ИМЕНИ ПРОГНОЗ».

24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Заира ЕФИМОВА. «ТАКОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО».

25 Стихи Эдуарда БАЛАШОВА.

26 ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБЗОРИЕ.
Обзор зарубежной печати.

28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1979 г.

ков убит и кто-то другой командует армией под его именем. Сходи, убедись. Возьми пакет: «Лично командующему». Сам он вот такой, плечистый, всегда угрюмый, а голос — скажет «стоять», и мертвый поднимется... Если спросит, как дела, а ты уладишься, что это он, то скажи, мол, держимся, а если поймешь, что не он, то пожалуйся — боеприпасы на исходе и людей мало. Ясно?

— Ясно, — ответил я.

Вышел из блиндажа и не пойму — не то вечер, не то ночь: небо над Мамаевым курганом заволочено толстыми черными тучами дыма. Спустился с кургана, прошел вдоль берега Волги и там возле заводского оврага нашел КП командарма. У входа часовой преградил путь винтовкой.

— Тебе куда?

— С пакетом, лично командующему.

— Проходи.

Вхожу в блиндаж. Посередине стол с телефоном и картой города. На ней шахматы. А он, угрюмый такой, прохаживается вдоль стены. Я к нему с пакетом. Распечатываю пакет и бегло взглянув на текст, сказал:

— Ясно.—И, покосившись на шахматы, спрашивает:— Играешь?

— Играю.

— Садись...

Сделали мы только по семь или восемь ходов, как потолок ходуном заходил и комья земли посыпались на доску, а он будто не слышит ничего, делает ход — шах!

Теперь уже по углам что-то заскрипело, застонало, стойки в дверях перекошились. Вбежал адъютант, запыхавшийся, весь в пыли, докладывает:

— Товарищ командующий, танки, восемь штук, прямо сюда прут...

Он и на это не обратил внимания. Снова объявил мне шах и только после этого повернулся к адъютанту.

— Танки, говоришь?

— Танки. Прямо сюда, восемь штук, — повторил адъютант и, помолчав, подтвердил: — Своими глазами наблюдал.

— Так... Плохи, значит, дела у Паулюса, коль на ночь глядя танками решил пужать... Ты вот что, Федор: вон в углу, под скамейкой, противотанковые гранаты лежат. Возьми парочку, еще раз убедись и тогда докладывай.

— Слушаюсь, — ответил адъютант и убежал с гранатами.

Я видел, как мечутся люди перед блиндажом командующего, а он все поторалливает меня: ходи, ходи. Сделал я еще несколько неудачных ходов — мат неизбежен, — задумался и не заметил, как все стихло. Вернулся адъютант без гранат, докладывает:

— Один танк подбит, другой горит, остальные повернули обратно...

Командующий быстро повернулся к адъютанту:

— Вот это по-братски докладываешь.—И ко мне:— Ну что, мат?

— Мат, — согласился я.

Вернулся я на Мамаев курган глубокой ночью и рассказал командиру полка все, как было. Тот выслушал меня, обрадовался:

— Чуйков нами командует, значит, будем держаться... А тебе повезло — на двух Чуйковых сразу напоролся: адъютант Федя — младший брат командующего. Хорошо знаю его, сызмальства по стопам старшего идет. А ты-то, шахматист первого разряда, продул командарму на пятнадцатом ходу... Ну, ничего.— Командир полка облегченно вздохнул, толкнул меня в грудь.— Еще сыграешь. Раз Чуйков командует, значит, выстоим и сыграешь...

Повезло мне на войне, как говорится, всем смертям наперекор. Земной поклон отцу и матери, родившим меня с такой судьбой. Да, я счастлив тем, что смерть пощадила меня на фронте, но она сделала свое злое дело против меня вскоре после войны. В Германии 18 мая 1946 года нас с женой постигло большое горе — там, на Веймарском кладбище, мы похоронили шестилетне-

го сына Володю. Злобные люди нашли способ отомстить мне за живучесть в войне смертью сына... Но я остался в строю. И вот хожу теперь по хлебоборному полю там, где родился сын, обдумывая ответ на вопрос жены Харитона Устименко, погибшего в Сталинграде: «А ты-то как уцелел в такой войне?»

Вечером, когда все Усковы возвратились с работы, приехал секретарь райкома партии Николай Федорович Колчанов. Не первый раз заезжает он поговорить, посветоваться в домашней обстановке с опытным полеводом и опытной телятницей.

Поблагодарив его за рекомендацию навестить эту семью, я пытаюсь найти наиболее точный ответ на вопрос Анны Андреевны: «А ты-то как уцелел на такой войне?» Рассказываю то, о чем думал сегодня в поле. Николай Федорович помогает мне подсказками, уточнениями, личными выводами. Он тоже фронтовик, хлебнул немало лиха в окопах и на тропах разведчиков, и у него есть основание утверждать свои взгляды и суждения по этому вопросу.

— Но главное, — говорит он, — в любимом бою бойцам без взаимной выручки нечего делать. Боевая дружба — вот надежный щит в борьбе за правое дело. Поэтому и сегодня мы не вправе забывать фронтовых друзей... Тебя тут ищут два письма из Куйбышева, от верных товарищей бывшего комсорга твоего полка Леонида Терентьевича Ладыженко.

Николай Федорович вручил мне два письма. Одно от Марии Максимовны Вельяминовой. Она врач, ветеран нашей дивизии, прошла с нами от Сталинграда до Берлина. Героическая женщина с удивительными способностями глушить боль в ранах одним прикосновением своих исцеляющих рук. На втором конверте буквы и строки надломлены, перекошены каким-то горем. Еще один ожог сердца ждет меня в строках этих писем. И не хватило сил вскрыть конверты до тех пор, пока не распрощался с гостеприимными хозяевами этого дома. Уже в вагоне, когда поезд тронулся, вскрыл письмо Марии Максимовны Вельяминовой. Она пишет:

«Прошу простить за запоздалое письмо, но просто рука не поднималась писать об этом сразу же после похорон незабвенного комсорга Леонида Ладыженко. Да и сейчас, когда пишу, не верится, что нет его. Самое обидное, что после лечения в Москве он поправился, хорошо себя чувствовал, поведал в свое полное выздоровление и вот в таком настроении решился на операцию. Вмешательство предполагалось небольшое, так как считали, что опухоль связана с плеврой, предполагали удалить только верхнюю долю, но по ходу операции возникла необходимость удалить все правое легкое. Операция была очень тяжелой, длилась более четырех часов. Опухоль, по словам хирурга, оказалась раковой. Саркома. Такое заключение дал и патологоанатом.

Первые дни после операции состояние было тяжелым, но не угрожающим. Ждали улучшения. Я поехала в клинику, это было уже на третий день, надеялась, что услышу что-то благоприятное, но Зинаида Александровна — жена Леонида Терентьевича сказала, что состояние его ухудшается, началась пневмония левого легкого. Тяжело мне было в ту минуту подавить свое волнение, но я, сколько было сил и воли, собралась и пошла в палату, и это был уже последний раз, когда я видела Леонида Терентьевича.

Состояние его было тяжелейшее: развивалась легочно-сердечная недостаточность. На постели лежало почти безжизненное тело большого, мужественного воина, такого прекрасного и обаятельного человека. Меня он узнал, но смог произнести одно лишь слово: «Не плакать!» Грудь его заколыхалась, он тяжело задышал. Еще раз сказал «Не плакать!», чувствовалось, что его

душат рыдания, и я поняла сердцем, что в моем лице он в эту минуту прощался со всеми нами...

Я читал это письмо и как бы вновь видел перед собой Леонида Ладыженко, слышал его голос: «Не горюй, замполит, я ранен, но не убит». Так он говорил в последний день штурма Берлина, храбрый из храбрых — комсорг 220-го гвардейского полка.

Впервые я встретился с ним в июле сорок третьего года, в разгар боев на Северном Донце. Бои шли тяжелые: противник пустил против нас «тигры» — мы на своем участке впервые увидели эти машины, и в те дни нам казалось: «тигры» не остановишь. Полк нес большие потери.

Начали подходить резервы. Вот тогда я впервые и познакомился с будущим комсоргом полка.

Первую маршевую роту мы встретили у памятника Артему. Впереди всех шагал высокого роста боец в пилотке набекрень, в хромовых сапогах. На груди у него был автомат, в руке ветка краснотала, которой он похлопывал на ходу по голенищу. Слева угрожающе застучал крупнокалиберный пулемет. Засвистели мины. Рота залегла, а тот с веткой продолжал стоять.

— Пулю схлопотать хочешь? — крикнул я. — Кто такой?

— Агитатор из резерва командования армии, — ответил он.

Да, был тогда в армии такой резерв агитаторов из опытных и обстрелянных бойцов. Их бросали в бой только по личному распоряжению командарма Чуйкова. Это были, как на подбор, сильные, ловкие и смелые воины.

— Тем более не имеешь права влустую героизировать.

— Не героизую, а просто головы не теряю и правильно оцениваю обстановку. Мины — они вон аж где шлепаются.

На рассвете, коротко рассказав агитатору о задачах полка в создавшейся обстановке, я послал его в роту броневой бойцов. Уходя, он оставил мне небольшую брошюру «Памятка агитатора» с вложенной в нее запиской, из которой я узнал, что Леонид Ладыженко, 1923 года рождения, был моим земляком — родом из Красноярского края. До войны работал учителем начальной школы.

В тот день рота броневой бойцов, поставленная в оборону на танкоопасном направлении перед Голой Долиной — бойцы прозвали ее «Долиной смерти», — вступила в неравный бой с семьей «тиграми». Ладыженко пришел в роту как раз в тот момент, когда «тигры» уже начали утюжить окопы боевого охранения. Удары наших броневиков высекали лишь искры из брони «тигров». Положение складывалось критическое. Погиб командир. Казалось, в роте наступит неразбериха. Но этого не случилось.

— Слушай мою команду! — раздался звонкий голос Ладыженко. — Бейте по смотровым щелям, заклинивайте башни!

Никто из бойцов не мог потом вспомнить, откуда у каждого броневой бойца появился листок, на котором был нарисован «тигр», помеченный красными звездочками в уязвимых местах.

«Тигры» тогда отступили.

В дни освобождения Запорожья мы приняли Леонида Ладыженко в партию, ему присвоили звание лейтенанта, и он окончательно закрепился в нашем полку.

Высокий, легкий, подвижный, гибкий, как лозинка, он всегда был там, где трудно, и очень скоро завоевал такой авторитет, что к нему стали прислушиваться и пожилые гвардейцы и командиры. Ругал его только я — за чрезмерную лихость. Но ни я, ни он ничего не могли с этим поделать. Такая уж натура была у человека.

Не однажды его, раненного, отправляли в госпиталь, но каждый раз он удивительно быстро возвращался — как правило, без продовольственного и вещевого аттестата.

— Опять сбежал?..

— Опять. Среди своих быстрее заживает, я молодой, кости срастаются быстро! А убитый не убьют: я заговоренный!

Он и в самом деле верил в свое бессмертие на войне. В атаку ходил с губной гармошкой. Прижмется к земле под огнем пулеметов рота, и он идет туда, пикивая знакомый всем бойцам мотив на губной гармошке. Поднимал залежавших бойцов в зоне губительного огня и вел за собой в атаку, ни разу не падая. Лишь в Берлине, перед имперской канцелярией, упал. Уже проскочил опасную зону, но осколки снаряда, разорвавшегося позади него, изрешетили ему спину. Тогда-то он и сказал мне: «Я ранен, но не убит». И выжил!..

Перед отъездом в Кулунду я встретился с ним в Москве. Побывали вместе в Министерстве здравоохранения — выхлопотали ему направление на исследование легких в институте на Профсоюзной улице. Расстались с надеждой на скорое выздоровление...

И вот через месяц читаю письмо Марии Максимовны:

«Умер Леонид Терентьевич рано утром. Перед смертью очень ждал сына: «Приехал Ленка?» Сына прямо с вокзала привезли в клинику, но Леонид Терентьевич был уже без сознания. Но потом сознание вернулось, сына он узнал, весь как-то оживился, хорошо поговорил с ним. В эти часы появилась какая-то надежда, что наступил перелом к лучшему, но нет, ночью снова стало ему плохо.

Умер он как солдат, ни на что не жалуясь, ничего не просил. До последнего дня болезни оставался директором школы — очень он любил своих ребят. И они платили ему такой же любовью. Навещали его целыми классами — так и дежурили в холле до последней минуты, когда он умирал.

Да, осиротела семья, осиротела школа, весь их район, осиротели и мы, его однополчане. А я так вообще одна теперь здесь в городе осталась. Хоть и редко виделась, а все знала, что рядом друг-однополчанин...

Я вот все думаю: как жестока жизнь. Остались мы после войны живы, так радовались. Потом были еще радостные дни, когда встречались однополчане. И думалось — «теперь уже навеки вместе, нашли!» А безжалостная смерть начала вырывать из наших рядов одного за другим. Нужно нам беречь друг друга. Да только не получается это, не привыкли мы сами-то себя беречь...»

Вскрываю второй конверт. Глаза туманятся, не могу как следует взглянуть в строки письма.

«Умирая, Леонид Терентьевич просил: «Не плакать! Я солдат!» — пишет Людмила Савельева, больничная медсестра, которой довелось дежурить возле него перед смертью...

Буквы, слова, целые строки сравнительно ровные, но надламываются и растворяются на бумаге, когда я, переведя дыхание, читаю дальше: «Его старший сын Саша показал мне осколок, который хирург обнаружил во время операции рядом с позвоночником. Осколок похож на топорик, около ста граммов. И таких было пять! Жить бы ему после освобождения от такого груза войны. Поражаюсь его терпению, мужеству, силе воли. Ведь он всегда был веселым, жизнерадостным, покорял всех своей улыбчивостью, скрывая много лет адскую боль и мучения».

Я бережно положил это письмо в блокнот с записями о поездке в Кулунду и вышел из купе в тамбур — глотнуть холодного воздуха. Под стук колес поезда я мысленно вернулся в Степное, снова навестил родственников погибших на войне однополчан, снова мысленным взглядом перечитал строки писем о смерти боевого друга Леонида Ладыженко и услышал его голос: «Не плакать! Я солдат!»

Какую жизнь в мирные дни подрубил под корень осколки войны!

Война... Будь она трижды проклята!

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

Из подмосковного города Обнинска в редакцию приехала группа школьников и привезла книги в дар уренгойской библиотеке. Это были ребята из разных школ. Все они члены городского отряда юных математиков и историков «Соларис». Прочитав в журнале о комсомольской библиотеке, ученики собрали свои личные книги, а затем отправились в поход по Обнинску, заходили в дома, квартиры, рассказывали о Всесоюзном отряде имени XVIII съезда ВЛКСМ, о предложении «Смены» создать библиотеку на 25 тысяч томов. Жители города охотно откликнулись на просьбу ребят, передав им часть своих книг. В общей сложности в редакцию привезли 240 книг. Трех школьников — Павлика Скакуна, Костю Мишина и Юру Сметанина, собравших наибольшее количество книг, — у нас в редакции торжественно приняли в пионеры.

Редакция получает не только книги и теплые, добрые письма для строителей Нового Уренгоя. Учитель биологии В. Шрам из Омска прислал пакетик семян комнатного растения.

«Как только выйдет в свет моя книжка по фенологии, непременно подарю ее уренгойцам. А пока шлю семена базилика. Пусть комсомольцы выращивают цветы на окне библиотеки. Базилик очень приятно пахнет. Предлагаю обратиться с призывом к цветоводам, чтобы они посылали свои цветы в подарок строителям Сибири».

Надемся, что цветоводы откликнутся на предложение нашего читателя и помогут украсить помещение библиотеки цветами.

Мы получили бандероли от учеников школы № 1 поселка Надвоицы, Карельской АССР, из средней школы

№ 29 Сызрани, Куйбышевской обл., из средней школы № 13 станции Гашун, Ростовской обл., из средней школы № 101 Уфы, от комсомольцев сельхозтехникума поселка Кольвань, Новосибирской обл., от сотрудников Кызылтептинской санэпидемстанции из Бухарской обл., от комсомольской организации «Союзлифтмонтаж» Волгограда, от библиотеки села Хрещатое, Воронежской обл. А районная библиотека Серебрянска Восточно-Казахстанской обл. выслала свыше пятисот ценных книг по искусству, архитектуре, собрания сочинений русских и советских классиков.

Благодарим за присланные книги читателей: Афанасьеву И. из Крымской обл., Белякову Т. из Челябинской обл., Володина О. из Ровенской обл., ленинградцев Добровольского А., Лебединскую Л., Ковалева В., Уксусова И., Зайцева В. и Митюнову Ю. из Москвы, Жеребцова А. из Донецкой обл., Крымова Ю. из Иркутска, Кулигина В. из Краснодарского края, Косцова Н. из Московской обл., Каминскую Н. и Шокарева В. из Запорожья, Митюшину В. из Хабаровского края, Насонову Г. из Тамбовской обл., Нешатаева В. из Архангельска, Парамонову В. из Бердянска, Поликарпова И. из Калининской обл., Рыбальченко О. из Усть-Каменогорска, Соколова Б. из Куйбышева, Усачева П. из Киева, Ястребцеву Н. из Мурманской обл., Ярушину Н. из Новокузнецка.

Ждем от вас новых книг, товарищи. Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторяем, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной.

ПРИНИМАЙ, УРЕНГОЙ, ПОДАРОК ОБНИНСКИХ ПИОНЕРОВ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«ВЗОР», ПО

Посмотрите на карту нашей страны: пересекают ее линии автомагистралей, пункты железных дорог, голубые нити водных артерий. И сейчас, когда вы читаете этот номер «Смены», тысячи тяжеловесных составов, бесчисленные колонны автомашин везут технику и материалы на важнейшие стройки, руду для домен, уголь для электростанций, металл и хлеб... Ритм работы транспорта во многом определяет ритм всего нашего народного хозяйства.

Пятилетка эффективности и качества выдвинула новые требования к железнодорожникам, автомобилистам, речникам и морякам—прежде всего это касается быстрой доставки грузов, четкой работы всего транспортного конвейера. В вопросах улучшения этой работы было уделено особое внимание на ноябрьском (1978 год) пленуме ЦК КПСС.

Огромная армия комсомольцев и молодежи трудится на транспорте. Именно к ним были обращены слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные на XVIII съезде ВЛКСМ: «Что касается транспорта, то здесь можно отметить ценную инициативу ленинградцев—опыт трудового сотрудничества коллективов моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников в Ленинградском транспортном узле. Эти и другие подобные начинания нуждаются в вашей поддержке, дорогие друзья, в вашей энергии, в вашем молодом энтузиазме!»

Работа комсомольцев-транспортников по ленинградскому методу, их инициативы, достижения и проблемы—тема подборки материалов, публикуемых «Сменой».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Владимир ХОХЛОВ,
член Горьковского областного координационного совета по транспорту, секретарь комитета ВЛКСМ облисполкома.

Крупный транспортный узел... У нас, в Горьком, соединяются Ока и Волга—«главная улица России», сходятся железные дороги, трубопроводы, автомобильные магистрали. Самые различные грузы поступают ежедневно: достаточно сказать, что по объему перевалки грузов Горький стоит на пятом месте в Союзе. От работы транспортников зависит очень многое в современной экономике. Леонид Ильич Брежнев говорил на XVIII съезде комсомола: «Каковы же сегодня решающие участки борьбы за эффективность и качество в нашем народном хозяйстве? Их несколько, но в первую очередь я бы вновь назвал капитальное строительство и транспорт. От улучшения дел на этих участках во многом зависят наши успехи на всем экономическом фронте».

У каждой транспортной организации—свои внутренние проблемы. Но самые, пожалуй, сложные возникают на стыках ведомств. Приходит теплоход с грузом—в порту нет вагонов; прибыл состав—опаздывает автотранспорт. Большие простои вагонов под выгрузкой—тоже не редкость. А что значит задержка на транспорте? Это сбой в работе завода, не получившего сырья, это остановка важной стройки, ожидающей лес, стройматериалы... Взаимодействие—вот чего порой не хватает смежникам-транспортникам.

Сейчас все шире распространяется ленинградский метод сотрудничества транспортников. И у нас в Горьком не первый год ведется такая работа. Чтобы обеспечить четкое взаимодействие, создан областной координационный совет по транспорту, в который входят представители всех смежных организаций. По рекомендациям совета строится работа на железнодорожных станциях, в портах, транспортных цехах предприятий, на снабженческих базах.

Одно из главных направлений в нашей работе—это рациональное распределение перевозок по видам транспорта. Понятие эффективности и качества на транспорте можно расшифровать как перевозку с меньшими затратами средств, времени, труда. Как это решается практически? Вот один из характерных примеров.

Борский завод поставлял стекло на ВАЗ в автопоездах. 700 километров до Тольятти—дорога неблизкая (и, отметим, недешевая). А весной, когда отдельные участки перекрываются, становится еще длиннее. Рационально ли возить автостекло на машинах, если буквально рядом, параллельно, проходят железнодорожная и водная магистрали? Нет, конечно. Но проблема не так проста, как кажется... На совместном совещании заинтересованных ведомств мы установили, как нужно подготовиться к перемене вида транспорта, обосновали все экономически. В этом случае мы для решения проблемы привлекли два завода (причем из разных областей) и смежные транспортные организации—речников, железнодорожников и автомобилистов. Разве возможно было бы это без единого координирующего центра?

Если совет решает вопросы, можно сказать, стратегические, то тактическими занимаются координационные группы во всех транспортных узлах. В нашем городе координационная группа собирается ежене-

дельно. Портовики, железнодорожники и автомобилисты утверждают план работ на семь дней, затем в порту составляется ежедневный план-график.

Основа плана-графика—это оперативная взаимная информация о названии и времени прибытия судов, о подаче вагонов и автомашин, о количестве и видах грузов... Ежедневный график исключил неразбериху. Например, раньше все организации давали заявку на автотранспорт на месяц вперед. Нередко возникала такая ситуация: груз лежит на станции, а его не увозят (ведь «можно и завтра, никауда не денется»). При ежедневном графике такое уже невозможно. Короче говоря, наведен элементарный порядок, в пользу которого убедились все.

Что он дает, например, автомобилистам?

На станции Горький-Московский они работают в тесном сотрудничестве с железнодорожниками. У них договор на соревнование, совместные обязательства. Если машина подошла вовремя, водитель уверен: задержки за грузчиками не будет. Здесь созданы шесть комплексных бригад, объединяющих шоферов и грузчиков железной дороги. Каждый квартал они вместе подводят итоги, лучшие комплексные бригады премируются.

Жесткий график, конечно, не позволяет работать по старинке, не спеша. Он заставил каждую транспортную организацию искать новые методы, внутренние резервы. Автомобилисты все шире стали применять контейнеры, приняли на себя от железной дороги до миллиона тонн «короткобежных» перевозок. В свою очередь, это позволило железнодорожникам сократить время обработки вагонов. Например, на станции Металлист вместо 39 часов по норме простой вагонов составляют 9 часов.

В рамках сотрудничества транспортников дельные предложения вносят и комсомольцы. Например, приемодатчики станции Горький-Московский Вера Марфикина и Валя Корякина решили одновременно следить за погрузкой и разгрузкой сразу двух вагонов. То есть каждая из девушек выполняет работу, которую раньше делали два человека. И многие из их коллег уже учатся новому методу. На этой же станции распространяется опыт работы комсомольца, шофера-экспедитора Валерия Сироткина. Следуя четкому графику, он не допустил ни одного часа простоя вагонов.

Комсомольско-молодежная бригада портовых рабочих под руководством Александра Сергеева план трех лет пятилетки выполнила еще в первой годовщине Конституции. Главный девиз этой бригады: ни часа простоя судна, вагона, автомашины. Это основное свое обязательство бригада выполняет постоянно.

На счету горьковского комсомола немало хороших дел, в том числе и на транспорте. Можно рассказать хотя бы о шефстве над доставкой стройкам Поволжья нерудных материалов: эта инициатива комсомола завоевала большой авторитет. Я знаю, например, что капитан судна, которое почему-либо долго не разгружают, может обратиться к секретарию комсомольской организации порта. И получить реальную, действенную помощь.

Теперь на основе сотрудничества смежников появился новый центр, объединяющий работу молодежи—это совет комсомольских секретарей транспортных организаций, созданный при райком комсомола. Что входит в обязанности совета? Взаимный обмен информацией, распространение передового опыта, приемов труда, разработка совместных планов и обязательств—словом, все то, что составляет основу единого транспортного графика.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

Иосиф ПУЗЫНА,
крановщик московского Южного порта.

РИТМЫ РЕЧНОГО ПРИЧАЛА

Однажды зимой наш порт получил срочную телефонограмму: по чьему-то недосмотру на крупной московской ТЭЦ топлива осталось на несколько часов... Все рабочие, вся техника в тот же момент были брошены на отгрузку угля. Наша бригада в то время работала на ремонте порталных кранов, но и мы, отставив текущие дела, пошли на разгрузку вагонов. Наверное, именно тогда я особенно ясно ощутил, как ответственна моя должность крановщика...

А ведь семь лет назад я считал, что устроился на работу в порт временно (тем более что уже имел две хорошие специальности—шофера и электрослесаря). Но как-то незаметно для меня «временная» профессия превратилась в постоянную, о чем, кстати, вовсе не жалею. Почему? Вообще-то у меня пристрастие к технике с детства. А тут, представьте, огромная 47-метровая махина порталного крана повинуется каждому движению руки...

Особенно люблю начало навигации. Запас угля за зиму вывезен, причалы пусты. Забираешь с первых барж новый уголь, видишь, как твоими руками на причале воздвигается новая гора топлива,—картина хорошо знакомая, но, честное слово, каждый раз впечатляет. Кабина моя где-то на уровне четвертого этажа, отсюда хорошо видны и речная ширь, и теплоходы на рейде, и новые кварталы Москвы. Впрочем, это уже лирика...

За семь лет на моих глазах в порту очень многое изменилось. Ну, во-первых, обновилась практически вся техника, пришла малая механизация—доля ручного труда составляет теперь меньше двух процентов. Во-вторых, изменилась и сама организация работы, особенно после того, как мы стали внедрять ленинградский метод. Мне из кабины крана многое хорошо

РЕЛЬСАМ БЕГУЩИЙ

Михаил БЕРЕЖНОЙ,
корреспондент «Ворошиловградской правды».

На разных меридианах трудятся локомотивы с маркой «ВЗОР» — Ворошиловградского завода имени Октябрьской революции. И они давно уже завоевали солидную репутацию. Тепловозы из города над Луганью отмечены высокими наградами ВДНХ СССР и Украины, завоевывали золотые медали на международных ярмарках в Лейпциге и Пловдиве.

...«Первенец» появился здесь зимой 1956 года. Именно тогда предприятием был выпущен «последний из могикан» — паровоз серии «СО» (в честь Серго Орджоникидзе). Выполняя решения партии о переходе железнодорожного транспорта на более экономичные виды тяги, ворошиловградцы приступили к освоению тепловозов. И родился «ТЭ-3», локомотив, в который было «впрыгнуто» две тысячи лошадиных сил и который рядом с устаревшими паровозами казался настоящим красавцем. Его родословная корнями уходила в историю...

4 января 1922 года по инициативе В. И. Ленина Совет Труда и Оборона принял историческое решение, положившее начало отечественному тепловозостроению. Теплотехническому институту поручалось организовать разработку эскизных проектов тепловозов. А в канун седьмой годовщины

Октября первый советский тепловоз, изготовленный совместными усилиями коллективов ленинградских заводов «Красный путиловец», «Электрик» и Балтийского судостроительного, совершил свой первый рейс по Октябрьской железной дороге.

Ныне большинство всех отечественных магистральных тепловозов производится в Ворошиловграде. И все чаще от ворот предприятия берут они курс на восток... Их ждут новостройки Сибири, Забайкалья, знаменитый БАМ... В частности, в Тынде хорошо себя зарекомендовали ворошиловградские тепловозы «М-62», используемые для пассажирских перевозок, и старые, но испытанные и надежные машины «ТЭ-3», которые осуществляют грузовые перевозки. Но с вводом в строй действующих северной линии Тынды—Беркажит объем грузоперевозок намного возрастет, стране нужны ценные угли Южной Якутии, и потому на помощь «старичкам» «ТЭ-3» приходят их более мощные и скоростные собратья серии «ТЭ-10В». Они, кстати, получили отличный отзыв железнодорожников Забайкальской дороги, где условия работы сходны с бамовскими. Около 20 таких машин уже прибыло в Тынду.

Интересно заметить, что вот уже больше года в Тындинском депо трудится маневровый тепловоз «ТЭМ-2» с именной надписью «Пионерский—БАМу», изготовленный из металлолома, собранного пионерами Ворошиловградщины. Подготовлен для этого края и еще один пионерский подарок. Четыре года назад на VII республиканском слете украинских пионеров представителем трех областей—Ворошиловградский, Киевский и Черкасский—выступили с предложением собрать металлический лом, чтобы построить тепловозы для Байкало-Амурской магистрали. Так началась увлекательная операция «ПионерБАМстрой». За это время пионерами собрано такое количество металлолома, из которого можно построить 200 локомотивов!

Символический ключ от тепловоза «Пионеры Украины—БАМу», этот трудовой подарок юных

ленинцев 60-летию ВЛКСМ, принимал молодой гвардеец пятилетки, ударник коммунистического труда, комсомолец Сергей Кипа, которому выпала честь доставить машину до места назначения.

Мчат дорогами Сибири и Дальнего Востока стремительные железнодорожные лайнеры с маркой «ВЗОР». И парк их все время будет пополняться, ибо ворошиловградские локомотивостроители сознают свою ответственность перед сибирскими первопроходцами. Полным ходом ведутся работы по созданию сверхмощного газотурбовоза мощностью в восемь тысяч лошадиных сил, проходит испытания тепловоз серии «2ТЭ-121», строительство которого предусмотрено «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Наконец, завершилась работа над грузовым тепловозом в четырехсекционном исполнении «4ТЭ-130», предназначенным специально для Байкало-Амурской магистрали. Мощность этого исполнения—двенадцать тысяч лошадиных сил. И в создание всех этих машин, как уже действующих, так и тех, которые только что рождаются, вложены труд и инициатива комсомольцев дважды орденоносного предприятия. Таких, как, например, комсомольско-молодежная бригада слесарей-сборщиков из кузовного цеха, которую возглавляет Владимир Гостев. Рабочие бригады призвали своих коллег из других цехов усилить борьбу за экономию металла, сырья и энергоресурсов и за счет этого изготовить к юбилею комсомола дополнительный тепловоз. Их призыв нашел горячий отклик, и в канун комсомольского праздника «Комсомолец Донбасса» вышел на рельсы Комсомольско-молодежный коллектив кузнеца Василия Катаргина за ударный труд был удостоен почетного права сфотографироваться на легендарном крейсере «Аврора». Помня о наказе Ильича—всюду проявлять комсомольскую инициативу и свой почин, работают слесари-сборщики тепловозосборочного цеха из бригады Вячеслава Шерстока и многие-многие другие молодые рабочие и инженеры завода, где рождаются машины с маркой «ВЗОР».

видно: ведь крановщик является как бы связующим звеном всех видов транспорта. И хорошее видно и, к сожалению, плохое.

Если сравнивать то, что было до внедрения ленинградского опыта, и то, что вижу сейчас,—это, конечно, как небо и земля. Самое главное—договор между портом, железной дорогой и автокомбинатом позволил перейти от взаимных претензий к взаимной помощи. Мы, рабочие порта, знаем, что вагонов у железнодорожников не хватает, поэтому стараемся загрузить их возможно полнее, сократили простои на 25 процентов. На погрузке угля «сэкономили» тысячу вагонов—при годовом обязательстве пятьсот. Около 70 процентов вагонов порт отправляет маршрутами, то есть предоставляет железной дороге полностью сформированный состав. При необходимости и железнодорожники идут нам навстречу. Однажды попросили их в порядке помощи вывезти тысячу тонн разных грузов. И что же? Буквально на следующий день наша просьба была выполнена.

И все-таки еще нередко бывают у нас в порту простои, срывы графика. Причины, конечно, есть и объективные (к примеру, капитану теплохода приходится задерживать рейс, чтобы не выходить в неблагоприятный туман). Но многое, я думаю, зависит от нас самих. Ленинградский метод, как и вообще любой хороший метод, сам по себе еще не панацея от всех бед. Ну, хорошо, составили мы непрерывный график, согласовали взаимный договор, но ведь с бумаги его еще надо внедрить в жизнь. Проще говоря, добиться его выполнения каждым ведомством, каждым человеком на своем рабочем месте.

План перевалки грузов в порту вырос до 16 миллионов тонн, но территория-то наша остается прежней. Значит, чтобы справиться с планом, нужно постоянно сокращать время обработки грузов, не задерживать их на причале—это аксиома. Общий план-график нам, конечно, здорово помогает. Но вот что иногда видишь из кабины крана...

Кто-то из отправителей загрузил уголь в баржу, не приспособленную под этот груз. Изрядно пришлось помучиться крановщику: грейфером груз только из центра трюма захватить можно, а из недоступных углов вручную, лопатами выгребали. Сколько же сил и времени лишнего затратили, расплачиваясь за чью-то небрежность!

Работаем мы круглые сутки, в три смены. Я знаю, каково крановщику ночью приходится. Дело в том, что на большинстве теплоходов нет света в трюмах, а переносную лампу достать тоже проблема. А кран мой светит в одну сторону, под собой ничего не видно. Попробуй-ка на ощупь уголек доставать... Мелочь

вроде бы лампа, но сколько таких мелочей, отнимающих время, набирается! Нередко палубная команда забывает поставить лестницу для спуска в трюм, вовремя открыть крышки люков, а нам самим это делать запрещается по технике безопасности. И ждем, бывает, по часу. И еще я одну особенность заметил: если капитаны стоящих на рейде судов буквально рвутся под разгрузку, то после освобождения причал не торопятся. Трюмы уже пустые, а тут выясняется, что или машина не подготовлена, или документы не оформлены, или еще что. Снова задержка. Я думаю, к моим словам присоединятся рабочие многих портов, ведь организация работы везде сходная и теплоходы те же.

Большинство наших рабочих—люди опытные, в критических ситуациях могут как-то наверстать время, ускорить выгрузку. Но не у всех это получается, а хуже всего, естественно, у новичков. Крановщиков у нас готовит учебный комбинат. Занимаются они зимой, а на работу выходят к началу навигации. Тут и начинаются разные неприятности. По опыту я знаю: если где на кране трос оборвали или другое «ЧП», наверняка дело их рук. Может быть, их плохо готовят на курсах? Нет, загвоздка в другом. Начинают они свою трудовую деятельность; как я уже говорил, в горячее время навигации. Наставников за ними закрепляют официально, но фактически наставнику в это время некогда заниматься с новичком—работы по горло. Практическая стажировка молодежи часто сводится к тому, что он со стороны за работой крановщика наблюдает. Ну, а потом, сев за рычаги крана, начинает тресать...

Надо бы сдвинуть время обучения молодежи, с тем чтобы первая стажировка приходилась на зиму. Этот период спокойней, у наставника больше свободного времени, да и новичок может «потренироваться» на несрочных грузах, на выгрузке вагонов и к навигации набраться какого-то опыта. Но почему-то никак не разрешится эта проблема, знакомая, думаю, всем крановщикам.

Ленинградский метод требует ритмичной работы от каждого. Не хочу сказать, что молодежь этого ритма выдержать не может. У нас в бригаде работает комсомольско-молодежное звено—и ничего, справляется, план трех лет пятилетки выполнило на полгода раньше. До недавнего времени в порту, в соседнем грузовом районе, было еще одно такое звено, с которым они соревновались. И не только соревновались, но и помогали, подменяли друг друга при необходимости. Почему я говорю в прошедшем времени? У соседей-молодежное звено по каким-то причинам расформировалось. Вероятно, в силу «про-

изводственной необходимости». А жаль. Я убедился, что звание «комсомольско-молодежный коллектив» не пустая формальность. Где, например, строже дисциплина? У молодежи, если она объединена в один коллектив...

Раньше в порту каждый работал сам за себя, теперь грузчиков и крановщиков объединили в комплексные хозрасчетные бригады. В нашей бригаде, например, около 60 человек. Трудимся на один наряд, зарплата—в общий котел. Дело в принципе хорошее, потому что коллективная ответственность появилась, взаимная требовательность возросла. Но, с другой стороны, сначала получилась уравниловка: и кадровые рабочие с двадцатилетним стажем и зеленые новички стали получать одинаковую зарплату—справедливо ли это? Чтобы как-то ликвидировать уравниловку, ввели КТУ—коэффициент трудового участия. Но проблема до конца не решена. Коэффициент, по идее, должен быть, но как его применять, еще не вполне ясно. Я простой пример приведу. Если грузчик в данный момент не занят зачисткой трюмов, он занимается вспомогательными работами—допустим, уборкой подкрановых путей. В таком случае его коэффициент снижается до 0,5. А почему, собственно, именно до 0,5 и вообще почему снижается? Ведь рабочий не виноват, что судно не подошло вовремя и нет у него работы по зачистке трюмов. Надо объективно оценивать степень трудового участия каждого рабочего. Как же быть? Мне трудно давать здесь советы. Возможно, есть резон повысить значение классности у крановщиков, разрядов у других портовых рабочих.

В общем, ленинградский метод высветил немало внутренних проблем, которые предстоит решить. Часть их вполне может войти в сферу деятельности комсомольских организаций. Скажем, подготовка молодых рабочих. В этом направлении комитет комсомола порта принимает меры: становятся традицией конкурсы профессионального мастерства—хорошая школа, особенно для начинающих. Но этого мало. Конкурс-то раз в году. А вот повседневная учеба на курсах, качество подготовки кадров—они требуют и комсомольского контроля.

Как часто бывает? Возникла проблема—появляются ссылки на вышестоящие хозяйственные ведомства, которые должны-де ее решать. Но разве лампа на причале, лестница у трюма, время стажировки—словом, почти все, о чем я говорил, непременно требуют вмешательства «сверху»? По-моему, во многих вопросах навести порядок по силам комсомолу. А ленинградскому методу комсомольская поддержка очень нужна.

На предвыборном собрании коллектива депо имени Ильича Герой Социалистического Труда машинист электровоза Сергей Егорович ЯЦКОВ выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Станция Вязьма задерживала отправление, а почему, было совершенно неясно.

По расписанию пассажирский поезд номер 194 Калининград—Москва—тринадцать вагонов, пятьдесят восемь осей, общий вес 900 тонн—должен был отойти от вязьминского перрона в 19.23, чтобы через четыре часа одну минуту, в 23.24, быть в Москве, но время вышло, и сигнал к отправлению дали, и голос дежурного прохрипел в динамике под часами, предупреждая, что «поезд отправляется, а граждане провожающие должны проверить, не остались ли у них билеты отъезжающих», но впереди горел неумолимый красный, сыпал мелкий осенний дождь, ветер гнал по перрону, по мокрому асфальту холодную зыбь, и сверху, из окна помощника, казалось, что доколотив стоит на берегу реки и кругом дробятся и плывут корабельные огни.

— Однако по какой причине они задерживают? — сказал Яцков и снял затекшую руку с контроллера.—Время вышло!

Помощник не ответил. Помощник стоял на своем месте, напряженно глядясь в темное лобовое стекло, иссеченное дождем. Форменную фуражку он надвинул на глаза, и тень от козырька закрывала верхнюю часть лица, отчего губы и подбородок его казались совсем детскими и нежными, как у девушки.

Весной прошлого года помощнику исполнилось двадцать три, но он уже успел отслужить в армии, в ракетных частях, был сержантом, имел поощрения от командования, а вернувшись на гражданку, закончил школу локомотивных машинистов, так что можно сказать, что Володя Кузнецов имеет некоторый жизненный опыт, но все равно, особенно в вечернее время, в нервном электрическом освещении, Яцков ловил себя на том, что смотрит на помощника, как на ребенка. И особенно его умиляет и одновременно раздражает прическа. Это ж девчонке впору!

— Володя,—сказал он как-то,—ты бы гриву свою состриг. Все-таки на железной дороге—в строгой организации служишь. Да и неэстетично как-то... Ты ведь машинист, а не машинистка.

Помощник усмехнулся, ответил непонятно: — Все приходит временами и уходит так же. Вот пойми, что он хотел сказать?

— Ты только в голову себе не вбей, что я к тебе придираюсь...

— Да что вы, дядя Сережа.

— Вот и хорошо.

В тот день, когда они должны были вести калининградский 194-й от Вязьмы до Москвы, они уже сделали один маршрут—проехали от Москвы 27-й пассажирский, передохнули в Вязьме два часа и вот теперь, подав локомотив под поезд, под мелким надоедливим дождем ждали «зеленого», а «зеленого» не было, и часы на белой шкале скоростемера жестко отстукивали потерянное время.

— Да что они там в конце-то концов! Запроси, чего мешкают? Время!

— Есть запросить!—отрапортовал помощник и снял трубку радиосвязи.

Отправление дали в 19.28. Вспыхнул впереди зеленый огонь, Яцков мягко стронул поезд, дрогнули стрелки амперметров, тяговые двигатели взяли нагрузку, и электровоз, набирая скорость, покати к Москве.

Пять минут—это в общем-то не опоздание. Но, как говорил один многоопытный машинист, «любой долг имеет тенденцию накапливаться». Он всегда говорил ученикам, что опоздание возникает незаметно. На ровном месте. Опоздать, как споткнуться.

На знакомом пути пять минут всегда можно нагнать, но, как подсказывает практика, тот машинист был кругом прав: иногда, и большей частью в самый критический момент, обстоятельства почему-то складываются не так, как хотелось бы, и пять минут запросто превращаются в семь, потом в десять, а там будто срывает храповик, и колесо времени идет в обратный ход... Десять минут, двадцать, полчаса...

— Закон максимального хамства,—говорит помощник.

— Это как понимать?

— Он же закон падающего бутерброда. Согласно теории вероятности, бутерброд, Сергей Егорович, из ста раз девяносто девять падает маслом вниз, а незаряженное ружье, которое на стенке висит, раз в год стреляет, и обязательно в присутствии начальства.

— Вот это точно! Насчет ружья это ты хорошо сказал.

— Эйнштейн,—скромно уточнил помощник.

Однажды Яцков вот так же нагонял и уже почти вошел в график—что-то там минуты три всего и оставалось,—как вдруг ему дали «желтый», и он почувствовал, что сейчас будет «красный», и если он затормозит перед светофором, то с места уже не стронется, потому что за спиной грузовой поезд с цементом и бетонными фермами—четыре тысячи тонн, а профиль тяжелый, путь лежит на подъеме. Придется резерв вызывать на помощь: еще один локомотив. Его тогда ледяным морозом прошибло с ног до головы, а помощник только шмыгнул носом.

— Ничего, дядя Сережа. В машине полный порядок. Прорвемся на малых оборотах.

И прорвались.

— А ведь могло быть иначе,—строго сказал Яцков.—Надо учитывать силу инерции. Такой поезд тащили!

— Да что вы, Сергей Егорович,—удивился помощник,—с вашим-то опытом. У меня и сомнений не было.

— Ну, это ты мне комплимент. А себе на носу заруби: первая обязанность машиниста—знать профиль пути. Иначе экономии не будет, плана то же самое, ну, и уважения к тебе...

По расписанию первую остановку делали в Туманове. Прибытие в 19.50, отправление—через две минуты—в 19.52.

Навстречу
выборам
в Верховный
Совет СССР

Осенью в 19.50 темно. А тут еще небо с середины дня было пасмурное, леса вдоль дороги стояли в грустной осенней тишине. Шумели неприкаянные ветры, и желтое здание станции Туманова, похожее на старинную усадьбу, с колоннами и лепными карнизами, выплыло из темноты, как видение и символ домашнего уюта и тепла. Захотелось прилечь, закрыть глаза, раскинуть руки, и почему-то вспомнилась далекая станция Сабурово, снега, трескучий мороз и бабка Устинья, закутанная в шерстяную шаль.

Они с бабушкой ехали в Москву к маме. Ему было шесть лет, и на дворе стоял тридцать третий год. Первая пятилетка.

— Дежурный дает отправление!—доложил помощник.

— Сигнал...

Сергей Егорович, трогая поезд, подумал, что на перегоне от Туманова до Гагарина как раз и наверстает пять минут, но вот они уже непредвиденное: кто-то сорвал стоп-кран! Что-то там случилось, пассажир ли не успел сесть, или бабушка-бабуся с корзинкой сойти не успела, или случайно чемоданом задела за рукоятку. Но поезд, едва стронувшись, встал как вкопанный, и сжатый воздух с шипением вырывался из тормозной магистрали.

— Приехали,—сказал Яцков в сердцах,—оно всегда так, когда не везет!

— Еще не полночь,—спокойно ответил Володя и тряхнул своей шикарной шевелюрой.

Пять минут, так мало! Но вот они уже превращаются в семь минут. И это не от тебя зависит, ты поставлен перед фактом. А тебе надо нагонять. Отвечать за чужие грехи. Важен конечный результат. Такая профессия—машинист. И троганье—это лишняя энергия. Совсем это ни к чему!

Первые машинисты с гордостью называли себя механиками. В промасленных тужурках, в фуражках со скрещенными молотками на черных околышах, они сидели в паровозных своих будках, высунувшись из окна по поясу, как хозяева. Хозяева времени и пространства, стянутого стальными рельсами. Ключья упругого паровозного пара лете-

ли вниз под насыпь. И все на свете подчинялось ритму паровозного дыхания, и казалось, что в жизни есть только сама жизнь и еще паровоз. С тех пор все машинисты—люди серьезные и солидные.

У них в селе Иванково машинистов не было. Занимались землей: сеяли рожь и ячмень, выращивали яблоки—антоновку необычайной душистости, а до ближайшей железнодорожной станции надо было полдня ехать и ехать разбитым проселком на лошадях.

Отца Сергей Егорович не помнит. Отец умер в молодости. Было отцу двадцать три, как его помощнику Володе, и вот уже много лет он не может отделаться от ощущения, что старше своего отца. Мать в селе не осталась, подалась в Москву на «шарикоподшипник», на Второй ГПЗ, что на Шаболовке. Вначале жила на коечке, а потом выделили ей в Кожухове за Москвой-рекой жилплощадь в деревянном бараке, и выписала мама к себе сына и бабушку Устинью.

Вот тогда-то, в тридцать третьем, на станции Сабурово он первый раз и увидел настоящий паровоз. Черный, в огнях, в паре. Господи, красотища-то какая! Песня была до войны: «Ох, какая чудная картина, когда по рельсам мчится паровоз!» Все точно!

В Японии, куда он ездил с профсоюзной делегацией, корреспондент вечерней газеты—усталый человек в немнущемся костюме—спросил, когда же пришло к нему решение стать машинистом.

Проще всего было отделаться шуткой. Или назвать какую-то дату. Но они сидели в стеклянном отеле на двадцатом этаже, наполненном холодным кондиционированным воздухом, внизу в цветных огнях пронесился поток машин, и он чуть было не начал рассказывать о своем детстве, а потом понял, что японец так вот сразу его не поймет, и сказал

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОБЫЧ

внятно, чтобы переводчик не ошибся: «Бабушка водила меня смотреть на паровозы...» Корреспондент оживился, закивал, и в его узких глазах вспыхнул доброжелательный ответ: «О, паровозы, это совсем уже история, Яцков-сан».

Его помощник паровозов не помнит. Володя ездит в Москву на электричках, потому что с рождения проживает в Подмоскowie, в дачной местности вблизи Полушкина.

— Сергей Егорович, я,—говорит,—помню электрички, у которых двери открывали сами пассажиры. Помните?

— Ну ты, Вова, совсем взрослый человек. Молодец!

В мае 1977 года Сергей Егорович за досрочное выполнение плановых заданий пятилетки был удостоен звания Героя Социалистического Труда. У них, в депо имени Ильича подсчитали, что он перевез сверх плана 117 тысяч тонн важных народнохозяйственных грузов и сэкономил 20 тысяч киловатт электроэнергии, а всего за двадцать семь лет работы на железной дороге он прошел два с половиной миллиона километров—это несколько раз до Луны и назад, если рельсы поставить и дать контактную сеть.

Чего только он не возил! И цемент, и грузовики, и тракторы... Турбины возил, говядину, живых лошадей, консервы, нефть, игрушки, кирпичи, газетную бумагу... Кажется, нет такого предмета в человеческом обиходе, который не доставлял бы он... И все эти двадцать семь лет, если напрячь память и вспомнить,—это минуты графика: время отправления, время прибытия, время в пути...

Своих учеников он учит мастерству. А мастерство машиниста—это прежде всего точность и бережливость. Хозяйский подход. Курочка—она по зернышку, а машинист—вроде бы по мелочи. По секундам. По минутам. Экономить нужно в мелочах, наставляет он своих учеников. Мелочи складываются в тонны, часы, киловатты...

— На железной дороге нет мелочей,—говорит помощник.

— Молодец! Кое-что начал соображать!

Локомотивный светофор горел зеленым. Дождь перестал. Навстречу прошла «девятка», пассажирский номер девять. Была проверка связи.

— 194-й, как слышите меня?

— Слышу хорошо,— ответил помощник,— по поезду у вас порядок. Счастливого пути. Даю вызов.

— Вызов принял. Счастливого прибытия в столицу нашей Родины!

В общем-то строгими инструкциями желать доброго пути и говорить слова, не имеющие отношения к делу, не предусмотрено. Но если человек, как и ты, находится в рейсе и каждое мгновение неотвратимо отдаляет вас друг от друга, только тоненькая ниточка радиосвязи и соединяет вас, ее нельзя рвать! Машинисту всегда трудно. За его плечами поезд, та же «девятка», в дождевых брызгах пронесшаяся мимо, пассажиры, дети, вещи и ответственность, измеряемая не тысячами тонн, а людскими судьбами,— как же не сказать ему доброго слова. Счастливого пути, товарищи!

— Это ты, Вова, правильно говоришь,— заметил Яцков.— Людям приятно. Ничто не стоит так дешево и ничто не ценится так дорого, как вежливость!

— Это кто сказал?

— Кто, точно не скажу, но головастый человек. Следующая у нас Гагарин?

— Так точно. В 20.12,— ответил помощник и, вежливо намекая на то, что идут они с опозданием, добавил:— По расписанию.

Они опаздывали на семь минут и прибыть в Гагарин по расписанию не могли, потому что взяли сразу семь минут на перегоне от Туманова до Гагарина затруднительно. Но две минутки он отвоёвывал. И было приятно. Пять минут все же не семь. И будто никто не срывал стоп-крана.

Принято считать, что днем машинисту легче. В темное время действительно вести поезд сложнее:

брат Иван Алексеевич, тоже Яцков, и увез к себе, как теперь принято говорить, в дружную семью железнодорожников, в тоннельно-восстановительный отряд.

Дядя был человеком знаменитым, уже тогда Героем Труда, портреты его в газетах печатались и по радио передавали о трудовых подвигах возглавляемого им отряда. Сергей Егорович хотел быть таким же.

Они восстанавливали мосты в Крыму, расчищали новороссийские тоннели. Работы было много, и племянник начальника стал шофером на дрезине.

— А какой на дрезине на вашей двигатель был, дядя Сережа?

— Газовый.

— Сил восемьдесят?

— Поменьше вдвое. Смотри, Вова, лиса!

— Ой ты!— охнул помощник.

Лиса стояла на путях, повернув к ним острую морду, и глаза ее, отражая свет куревого прожектора, горели как два катафота на путевом шлагбауме.

— Красавица...

Лиса вздрогнула и, вильнув пушистым хвостом, метнулась в сторону.

— Охотнику это тяжело видеть,— сказал помощник.

— Ты еще не охотник. Вот когда ружье купишь...

— Так с полочки и куплю.

— Меня возьмешь тогда с собой на охоту?

— О чем речь!

Прошли Уваровку, потом Колодь, знаменитые места. Слева осталось Бородинское поле, и зеленое с белым здание станции Бородино промелькнуло в огнях.

В Можайске они были в 21.17, точно по расписанию. Через три минуты им дали зеленый. Они

Он рванул аварийный кран. Красную тонкую рукоятку, опломбированную свинцовой plombой. Первый раз в жизни. Сколько раз слышал, читал, учил молодых машинистов, что так надо. Но самому не приходилось. А тут некогда было раздумывать. Скорость была около ста километров. Поезд дернуло, но он не почувствовал толчка. В вагонах, наверное, посыпалась со столиков посуда, кого-то свалило с ног. Загудели сигналы, песок пошел под колеса, спустился пантограф, и вырубился двигатель, лишенные тока, но поезд еще шел по инерции, гремели колеса, а он все тянул на себя рукоятку тормоза. И видел летящие навстречу глаза тех людей в автобусе. Любопытство сменилось недоумением и вдруг— ужасом. Почему несущийся на них поезд не останавливается? Неужели машинист не видит? Люди ведь здесь!

Локомотив остановился в пяти метрах от автобуса. Все произошло мгновенно. Шофер все еще пытался завести заглохший мотор.

Они с помощником спрыгнули вниз. На ветру шумели придорожные деревья. Тихо позванивали провода. Пахло осенним теплом. Из автобуса выходили перепуганные пассажиры. С кем-то стало плохо. Какая-то женщина плакала и прижимала к себе ребенка. Автобус столкнули с пути. «Раз, два, взяли!»— командовал Сергей Егорович,— навались, ребята, у меня расписание...

— А я вас и не видал,— оправдывался шофер, пожимая плечами.— Прямо на рельсах заглох. Ну, вот, заглох и все. Думал, со второй передачи в сторону.

— Дурак ты, парень, но счастливый,— сказал Яцков. Что тут еще скажешь?— Судить тебя надо...

За выдержку, мужество и мастерство на этом переезде Сергей Егорович Яцков был удостоен звания «Почетный железнодорожник».

Звезду Героя он в рейс не надевает, а знак носит, и всякий раз, когда подъезжают они к кубинскому переезду, Володя обязательно так или иначе дает понять, что он историю эту знает и уважает мастерство своего наставника. И это, что ни говори, наставнику приятно.

За Кубинкой попали они в туман. Не то чтобы сразу стало совсем белым-бело, ноплыли к ним навстречу белые полосы, и Сергей Егорович заволновался. И так всегда, каждый рейс что-нибудь да преподнесет. Не одно, так другое. В этом смысле обычных рейсов нет, каждый необычный.

Как-то по депутатским делам довелось Сергею Егоровичу быть на кондитерской фабрике. В Моссовете он член постоянной комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства. Если, детские сады, подрастающее, так сказать, поколение— это его сфера.

И вот когда их комиссия закончила свою работу и вечером в клубе была встреча с депутатами, вышла на сцену девушка-комсомолка, от волнения розовая, в руках платочек мнет и говорит, что от имени молодежи рада приветствовать Сергея Егоровича и ей хочется подчеркнуть, что на сэкономленной им за год электроэнергии их фабрика может работать целый квартал и выпекать столько-то тысяч тортов. Ну, и еще благодарил за самоотверженный и благородный труд...

Сергей Егорович смутился. Во-первых, потому что неблагородного труда не бывает, а самоотверженность в применении к его профессии слишком уж торжественное слово. Что он, космонавт, что ли?..

Он просто водит поезд, Грузовые и пассажирские. 243 километра его путь. От Москвы до Вязьмы и назад до Москвы. И учеников своих он учит без лишней торжественности, просто и ясно наставляет, что успех складывается из малых величин— из перевезенных тонн и сэкономленных киловатт, из отвоёванных минут и секунд...

Они шли своим временем. Без опоздания. Пассажиры уже надевали пальто, вытаскивали чемоданы, поездной радиозел транслюровал бодрую музыку.

У Яцкова было хорошее настроение.

— Вова,— сказал он помощнику,— прибываем в столицу...

Они плавно подкатывали к перрону. Справа тянулись освещенные окна багажного отделения. Слева стоял 21-й пассажирский Москва—Прага. Провожаящие махали руками.

Все было, как всегда. Цветы, радостные улыбки. Носильщики везли на тележках чемоданы. Все как всегда, и все каждый раз иначе.

— Вова, прошу взглянуть на часы.

— 23.24,— доложил помощник.— Как в аптеке!

— Как на железной дороге,— поправил Сергей Егорович и рукавом вытер лоб.

НЬИ РЕЙС

глаза устают и нервная система в большом напряжении, но ему почему-то всегда нравились ночные рейсы.

— Вова, ты жениться не собираешься?

— Вы скажете, дядя Сережа...— смутился помощник.

— А чего? Пора тебе. Машинист должен быть женатым человеком, иначе какое к нему уважение?

На роду ему было написано быть сельским жителем, работать в поле, дышать чистым, деревенским воздухом, настоящим на душистом разнотравье, и забыть бы ему тот черный паровоз, пронесшийся мимо станции Сабурово в тусклом угольном зале от трубы до колес, в огнях и пару. Но мама работала в Москве, Москва ему сразу понравилась, а кожуховские друзья-мальчишки все тянулись к технике. Да и как иначе, когда по всей стране лозунг гремел: «Техника решает все!» Он шофером хотел быть, летчиком, пилотом-орденоносцем— звание это ему очень нравилось,— но судьба распорядилась так, что трудовую свою деятельность он начинал у себя на Тамбовщине, в колхозе имени 8-го Марта. Началась война, всех иванковских мужиков позабывали на фронты Отечественной войны, а он из Москвы к бабушке приехал на летние каникулы и как раз попал в тракторную бригаду на колесный трактор «Фордзон—путиловец».

Он рассказывал о своем тракторе помощнику, помощник смеялся.

— А чего тут смешного?— обиделся Сергей Егорович.

— Чудно!— хмыкнул Володя. Он таких тракторов не видел. Разве что в музее.

— В ночные рейсы лучше вспоминается. Когда в машине порядок и все идет по плану, четко и капитально, начинаешь вспоминать,— или это с годами обрастаешь воспоминаниями, как пень грибами,— и надо тебе подделиться, выложить все младшему товарищу и еще раз проверить, все ли было у тебя «путем».

Нет, он на судьбу свою не жалуется. Работал трактористом. Поднимал зябь, сеял и молотил, а в январе сорок четвертого забрал его дядя, мамин

вошли в график, и как-то само собой настроение поднялось. Сергей Егорович достал из портфеля термос, глотнул сладкого чаю. Сказал весело:

— Хуже нет ждать и догонять. Ну-ка, Вовочка, посмотри машинку, на которой едем.

— Есть!— Помощник двумя руками поправил фуражку и вынырнул из кабины.

Теперь они шли до Москвы точно, как положено. Встречные поезда приветствовали их гудками, они отвечали тем же.

— 194-й, скажите номер вашего электровагона!— запрашивала диспетчер.

— 910.

— Вас поняла. Спасибо. Счастливого пути.

Неслись навстречу грузовые составы. Цистерны с бензином, платформы с контейнерами, прошёл поезд, весь уставленный зилевскими грузовиками, пронесся 29-й пассажирский Москва—Калининград—фирменный поезд «Янтарь», и желтые вагоны в свете прожекторов в самом деле казались янтарными.

А там пошли подмосковные дачные места: Дорохово, Тучково... Чаше замелькали встречные электрички. Прошли Кубинку, и, когда показались огни того переезда, помощник сказал:

— Вашего имени переезд. Памятник машинисту Яцкову, который...

— Короче,— оборвал Сергей Егорович и подумал, что тот случай на переезде ему, пожалуй, не забыть никогда.

Это было в шестьдесят девятом году. Он вел «шестнадцатый» Берлин—Москва. Взял его в Вязьме и тоже нагонял: там опоздание было в тридцать минут, но у Кубинки он в график уже вошел. Было начало осени. Леса еще зеленые стояли, и день был светлый. И вдруг он увидел, что на переезде посреди пути стоит большой палевый с красным автобус. На путях суежилась переездная сторожиха в форменной фуражке поверх платка. Шофер сидел на своем месте и, видимо, хотел завести мотор, а пассажиры автобуса смотрели со своих мест на приближающийся поезд и не понимали, что сейчас будет беда.

О Валентине Бармичевой можно сказать, что человек она волжский. Родилась и выросла под Ивановом, жила и работала в Гурьеве, на Саратовщине. Трудовая ее биография началась рано, поэтому много и вместила в себя: работала Валентина и электриком и художником-оформителем, и казахстанская целина знает ее рабочие руки. А вот писательская биография Бармичевой коротка. Что ж, зато с чистой совестью эту биографию называю творческой.

Творчество Валентины, с которым я впервые познакомился на занятиях Студии молодых литераторов при Московском городском комитете ВЛКСМ и Московской писательской организации, привлекло меня светочностью своей, глубоким проникновением в каждую черточку характера человеческого. Проза ее лучистая: светлые образы людей, светлое из состояния — любовь, доброта неизмеримая, чуткость — подчас даже после тяжелейших жизненных испытаний. Валя прекрасно пишет российских женщин, делает это без сусальности, точно раскрывая сложные человеческие отношения. Язык Бармичевой чистый, ключевой, не взращенный в «парниках» высокопарности, ложных душевных движений.

Мне очень приятно представлять рассказ Бармичевой читателям именно «Смены» — журнала комсомольского. Ведь комсомол сыграл добрую роль в творческой судьбе Валентины — она была участницей III Московского и сейчас рекомендована на VII Всесоюзное совещание молодых писателей.

Николай ВОРОНОВ,
секретарь Правления
Московской писательской организации.

Всю осень монотонно и назойливо моросили дожди. Они поливали тронутые первым морозцем суглинки, и сровнявшиеся и укатытые под асфальт дороги поначалу становились осклизлыми, потом раскисали до мутной, тяжело колышущейся жижи и наконец делались подобны непроходимым топям. И тогда на перекрестках в огромных лужах начинали захлебываться и вязнуть грузовики, и скользкие пешеходные тропы жалась к самым завалинкам, выливали по кочкам и насыпям, устилавшись обломками кирпичца, а кой-где, над самыми непроходимыми местами, чья-то заботливая рука перекидывала грубо сколоченные из толстого горбыля бесперильные настилы, вмиг становящиеся такими же скользкими и покатыми, как и сами тропы.

Зинке тащиться в школу — ой-ой, и потому в такую хлябь мать выпихивала ее за порог на полчаса раньше. И начиналась Зинкина утренняя гимнастика. На стадионе надрылся динамик, голосом преподавателя Гордеева под бравый аккомпанемент пианиста Родионова-кричал: «Раз-и — два-а...» И Зинка под этот счет вытягивала одну за другой ноги из круто замешанной грязи, съезжала с осклизлой, покатою кочки, балансировала, чтобы не упасть, и подтягивалась на руках, цепляясь за набухший ставень, а то просто припадала плечом к шершавому набрякшему боку небеленой мазанки. Наконец за крайней мазанкой открывался и сам стадион. К нему-то, к просторной дыре в его аккуратном заборе, вела тропинка — она шла прямо через маленький лужок с окоченнейшей, но еще не пожухлой стелющейся травкой, покрытой слоем стьюлой, прозрачной воды. Если побултыхать ногами и потереть сапог о сапог, то можно прекрасно вымыть голенища. И Зинка долго бултыхалась здесь, мутя воду и уходя от муты дальше и дальше по зеленому лужку. Конечно, мыть сапоги было совсем ни к чему, потому что за дырой, на самом стадионе, тропинка, пересекающая поле по диагонали, была хлипкая, и на ней ничего не стоило оскользнуться и увязнуть по самый рубчик на голенище. И все-таки Зинка мыла сапоги, потому что больше всего на свете любила в это время зеленый кусочек земли в прозрачной хрустящей воде, чудом сохранившийся в той стьюлой рыжей хляби, что со всех сторон нападала на человека. Сначала она рыжим тестом приставала к сапогам, потом, чавкая, воровато плескалась на полы пальто, забиралась, размазываясь по сапогам, на штаны и чулки, иной раз неожиданным фонтаном взбрызгивала в самое лицо или окатывала прохожего сбоку. Люди старательно мыли и скребли сапоги, но грязь проникала за ними в жилища, жидким слоем растекалась на полу в сенях, грязными следами тянулась дальше, замирала у вешалок, пробиралась на кухни и сохла там под жарким семейным огнем. Потом ее терли и выбивали в сенях, и она едкой пылью садилась на лицо, влетала в дом. Ее вымывали, высклабывали, стирали, выплескивали с водой на улицу, и тут она снова начинала липнуть к ногам.

Зинке нравилось мыть сапоги не у дома в старом, загаженном тазу, елозя по голенищам раздерганым голиком, не у школы — в огромном бетонном корыте, наполненном почти такую же жижей, что и в любой взбаламученной луже, — ей нравилось мыть сапоги здесь, на зеленом лужке. Вода холодила ногу, и Зинка забывала даже о том, что не выгулена ода, что опять не заглядывала в ненавистный немецкий; и если нагрянет контрольная по математике, то непременно придется потеть и выпрашивать у классной зубрилки Таньки Асмоловой формулу или выводить ее самой, основываясь на скудных своих знаниях.

Зинка шевелила блестящим сапогом ползучие стебли травки и, ужасаясь и ликуя, обнаруживала крохотный бело-розовый граммофон цветка. И в этот миг весь мир для Зинки наполнялся солнцем и праздником, и ей казалось, что снова пришла весна, и если она ударится сейчас вдоль забора и, ускоряя шаг, побежит, то солнце зачистит в его сквозных прорывах и забьет в глаза счастливым алым светом. Но тут она спохватилась, услышав веселую возню ввалившихся в заборную дырку товарищей.

НОВОЕ
ИМЯ

Навстречу
VII Всесоюзному
совещанию
молодых
писателей

Валентина БАРМИЧЕВА

ЗИНКИ ВОСКРЕС

— Зинка! — зовет ее чей-то веселый голос.

— Иду! — кричит она, подхватывая из воды гибкий намоченный прут, и бежит навстречу, осторожно расплескивая в стороны чистую воду и ведя прутком по набрякшим и глухим клавишам забора.

На обратном пути Зинка останавливается здесь, только если бредет одна. А это бывает теперь не так уж редко.

Нет, не подумайте, что Зинка нелюдимая девчонка, нет! Она очень любит возвращаться домой в своей излюбленной компании. Но когда новая двойка по русской литературе и вызов к директору... Тогда Зинка отмахивается ото всех и на призывы: «Ну ты идешь, Зин?» — только мотает головой. Потом она тащится нога за ногу в сторону дома, лениво балансирует, часто оступается и умудряется вывозиться буквально по уши. Ей почему-то жарко, и она распахивает пальто, скидывает с головы платок и с отчаянием думает: «Хоть бы заболеть, что ли?» Она знает наверняка; что ни за что не заболит теперь, хоть босиком по лужам ходи, потому что она сейчас зда и кровь приливает к лицу, к рукам, к ногам и не даст ее разгоряченный бег проникнуть внутрь ни ледяному ветру, ни пронизывающему холоду воды. Разгоряченная, с отчаянным лицом, она проходит мимо опустевшего базара, где под тесовым навесом одиноко маячит вся завязанная в огромный платок баба, уныло хлопая носом над ополовиненным мешком.

«Семечек, что ли, купить?» — рассеянно решает Зинка и, расстегнув портфель, в котором чего только нет, начинает копать, отыскивая запропастившиеся медяки. Одна монета выскальзывает из кармана и плюхается в мелкую жижу, Зинка наклоняется за ней, и из портфеля валится дневник, и учебник литературы шлепается в грязь, распахнувшись как раз на проклятой оде.

— Ну, все не так! Ну, все не так! — скрежещет зубами Зинка и вдруг вместо того, чтобы поднять злополучный дневник, бешено топчет его тяжелыми от грязи сапогами, все глубже вгоняя в крутое месиво. — Вот тебе, вот!

Баба в платке перестала хлопать носом, в испуге прижала красную скорейшую морозцем руку к губам. Светлая капля задрожала на самом кончике ее сизой пуговки и, дрогнув вместе с хозяйкой, шлепнулась на заветренную руку. Баба вытерла ее о фуфайку, стала пересчитывать Зинкины медяки и нет-нет да и взглядывала изумленно на лужу, где плавал вниз лицом учебник литературы. А Зинка, выслав дрожащей рукой в карман содержимое маленького стаканчика, вдруг уснокоилась и, напевая модный мотивчик, едко взглянула на снова захлопавшую носом бабу и побрела тропинкою, ведущей в сторону базарного туалета.

За ним открывалось чистое пространство, вероятно, предназначенное для площадки, непроходимое ни зимой, ни летом по причине немислимых колдобин и рытвин, залитое сейчас ровной рыжей водой. По левую руку этого моря-океана веселым пятном светился «Голубой Дунай». В этот предвечерний час прореженным гуськом тянулись к нему осторожные завсегдатаи, кто легко, кто грузно, перепархивая с кирпичца на кирпич и с каждым кирпичом приближая к себе вожденную цель.

РАССКАЗ

НО ЕЩЕ

Рисунок
Оксаны
КРИВОНОВОЙ

Зинка знала, что если прийти сюда к тому времени, когда упадают на этот райский уголок хмурые сумерки, то можно увидеть всегда одну и ту же картину: всплеснет «Голубой Дунай» золотой дверью на своем высоком крыльце, и новый сонный посетитель начнет осторожно и бочком сползать с его скользких крутых ступеней. Сползет кой-как — то удачно, то оступаясь и скользя, — сползет, остановится, покрутит головой, взмахнет руками — где наша не пропадала! — и побредет куда глаза глядят, ухая в колдобины и ругаясь — в зависимости от настроения — то зло и отчетливо, то добродушно и невнятно. И часто можно видеть, как стоит себе иная овца заблудшая из «Голубого Дуная» почти на самой середине при базарного океана-моря, вертит в удивлении головой, тычется из стороны в сторону, а там возьмет да и запоет зычным и неверным голосом: «Славное море...»

Зинка взглядывает на «Дунай», представляет его грязное, прокуренное нутро с пятью столиками, крытыми залитыми неведомо чем скатертями, с чавкающей под ногами жижей на полу и вспоминает, как они пятиклашки бегали туда на большой перемене слушать песню слепого мужика в солдатских галифе с расхристанной гармошкой на ремне — жалостливую песню про батальонного разведчика. Она смотрела тогда на его чуткое и подвижное лицо, давно не бритое, серое, и все никак не могла понять, чем отличается оно от таких же серых и небритых лиц мужиков, одаривающих слепца за его расхожее искусство кто порцией хмельного, кто тертым пятак. И только сейчас, вспоминая о нем, Зинка поняла: оно приметно было добро, искательной улыбкой, которой давно не видала Зинка ни в одном из известных ей поселковских лиц.

Дальше Зинка шла излюбленной дорожкой всей их честной компании: мимо универмага, мимо заляпанных палисадов единственной центральной улицы прямо к стадиону, на котором всегда начинались у них самые заветные разговоры, возникали самые отчаянные драки и на котором Толька Кирюхин из 10-го «А» собирался тайно признаться ей в любви. Тогда Толька сунул ей записку и назначил здесь свидание. Зинка испугалась и рассказала своим. И когда гроза поселковых мальчишек, краснея и не поднимая глаз, упорно следящих за ровняющей под ударами его башмака кочкой, тихо сказал, протягивая к ней руку: «Знаешь что, Зин...» — Зинка отступила на шаг, и из-за забора с гиканьем выкатили их ватага, завизжала, запрыгала, крича: «Кирюха, подтяни брюхо!» Зинке и сейчас стыдно вспоминать об этом, и она еще отчаяннее шлепает по грязи и появляется на зеленом лужке в самом потрясающем виде: косы ее растрепались, лицо в красных пятнах, глаза сверкают дико, воспаленный рот приоткрыт, дыхание нервное и злое.

«Ну вот, что делать? — думает Зинка, и ей хочется зареветь. Но она знает, что не заревет. — Ах, какая же я злая! — думает она. — Ну что мне стоило выучить эту дурацкую оду? Или выкрутиться, как с немецким? Ну, что стоило?»

Теперь мать будет плакать, и у нее некрасиво скривится рот и припухнут глаза. И тогда...

И тогда отец посмотрит на нее брезгливо и скажет:

— Господи, хоть бы ты купила себе другое пальто! Все у тебя зеленое! Чистая лягушка!

И мать станет робко возражать, что нету денег, что Зинка растет как черт знает кто и каждый сезон ей приходится то перешивать, то покупать что-то новое. И что в конце концов зеленое ей идет.

И действительно, зеленое ей идет. Теперь Зинка знает это наверняка. Вот уже два месяца присматривается она к матери, и кажется ей, что нет на земле ничего краше, когда ее, Зинкина, мать идет с работы вдоль серого барака из теса, идет в зеленом драповом пальто и шапочке, отороченной каким-то рыжим мехом, и розовое смеющееся ее лицо плывет, плывет навстречу Зинке, оставляя за собой жухлый фон осенней училищной аллеи.

«Вот вырасту большая, — думает Зинка, — обязательно куплю себе зеленое пальто с рыжим мехом!»

Вот уже два месяца Зинка не учит русской литературы, самого любимого своего предмета. Вот уже два месяца с ненавистью смотрит она на Инессу Васильевну, свою любимую школьную учительницу. Зло замечает в ней разительные перемены, и дома, оставшись наедине с отцом, прищуривает глаза и с невинным видом говорит о ней всевозможные гадости. И знает, чувствует даже спиной, что отец при этом смотрит на нее пылливо, весь напрягается и никогда ничего не скажет ей в ответ.

Ноги у Зинки заоченели, но она все еще бултыхается в воде и думает: «Все сегодня скажу ему, все!»

Но когда Зинка приходит домой и видит веселую мать, которая кричит ей от порога горницы: «Что ты так долго, Зинуль?», — ноги ее обмякают, и она чувствует, что и сегодня не изменится ничего, что не посмеет она разбить этого субботнего настроения матери, не посмеет угасить ее безмятежного смеха.

— Да опять комсомольское собрание! — лениво врет Зинка.

— А что же я видала, Алька будто прошел? — походя удивляется мать, и Зинка еще небрежнее врет:

— Известно! Как только объявляется комсомольское — у Альки начинает болеть живот! — И она беспечно смеется в ответ материному смеху. Это ей кажется так, что беспечно. Но мать почему-то спрашивает, не случилось ли чего, не ругали ли на собрании. И Зинка снова врет и, чтобы хоть как-то избавиться от своего мучения, заглядывает в ведра и ахает:

— Воды мало! Побегу!

— Да полно! Хватит на сегодня! — останавливает ее мать. Но у Зинки сейчас будет много работы, которую непременно надо сделать сегодня, чтобы как можно меньше времени оставалось на эти посторонние разговоры: надо сбежать за водой, сходить в сарай за дровами, потом снова туда же, только в погреб — набрать картошки, потом вспомнить, что нет огурцов, и, вытаскивая их из кадушки, обнаружить, что надо помыть заплесневевшие кружки. Потом непременно сходить за черным хлебом, затопить печь...

Когда возвращается отец, в доме жарко натоплено, в горнице старенький оранжевый абажур роиет теплый свет на круглый стол, с которого аккуратно снята бархатная скатерть, потому что мать стрекочет на машинке, установленной здесь, под светом. Шьют новый халат для Зинки. А на стуле, на сложенном бархате, хмурит свой бесстыжие глаза Васья и на стрекот машинки откликается неторопливым, сытым мурлыканьем.

— Что поздно? — весело вскидывается отцу навстречу мать. И отец врет ей Зинкиными словами: «Собрание».

— Зинуль, собирай ужин.

— Ага. — Зинка мечется по кухне, режет синеватую селедку, выкатывает из кастрюли в миску томлящуюся в фуфайке картошку, бросает в нее желтое рыночное масло. Масло принес из сеней отец и теперь мнется около Зинки, не решаясь идти к матери: ведь и ему врать не мед!

Зинка мечет на него злой взгляд, прислоняет к груди буханку, пилит ее столовым ножом и, поеживаясь, говорит:

— Инесса-то наша — ну, чистая фря! Фигуристая стала. Говорят, Таисья из ателье районного в корсеты по блату картонку вставляет. — Зинка небрежно повела плечом.

Отец сердито зашуршал бумагой и пошел в сени. Но только он вернулся, как Зинка продолжала:

— А сегодня в менингитке явилась. В красной. Как шапка у Ивана-дурака. Дураки, они красное любят.

— Ты бы за собой поглядывала, — буркнул отец. — В дневнике-то, поди, опять лебеди плавают?

— А ты уж узнал? — стремительным шепотом спрашивает Зинка, клонясь к отцу и уже не сдерживая гнева. — Не на собрании ли?

— Брысь, проклятуца! — притопнул отец, и Васья спросонок скатился с голубого бархата.

— Ну, что у вас? — на кухню, сияя тихой улыбкой, входила мать.

— Да что, ма, все у нас картошка да картошка? — перевела разговор Зинка. — Давно вкусенького не стряпали. Давай завтра устроим пир. Воскресенье. На рынок сходим. Гуся затеем. Гуси теперь — пальчики оближешь. Варенцу купим, — ворковала Зинка и взглядывала на отца: любил отец и гуся и варенец.

— Ты меня варенцом не купишь, — хмурился отец. — Ты мне дневник давай. Что там за варенцы?

— А дневники у нас собрали, — смело и привычно уже соврала Зинка.

— Ну уж, собрали, — буркнул отец. — Все одно — в понедельник отчет-то держать придется.

— А может, я его утопила, — засмеялась дочь.

— Как это утопила? Где?

— А хоть у «Голубого Дуная»!

Рассаживались за столом. Чайник посапывал на остывшей плите. В окна дупил разыгравшийся дождь. И как было бы хорошо, если бы не было этого разговора, если бы было все, как два месяца назад: мама, отец и Зинка сидят себе мирно за столом, Васья интересуется, что там нынче едят, и, привставая на задние лапы, заглядывает на стол. Отец посмеивается над ним и дразнит куском вареной говядины. Васья вертится на задних лапах и злится. Мама журит: «Ну, полно зверя мучить!» Зинка смеется. Кончат ужинать, пойдут в комнату, затепают абажур. Отец включит свой «Рекорд» и будет смотреть хоккей. И хоть Зинка и морщится от бойкого голоса «Внимание, внимание!», все же весело на сердце, когда в доме мир, когда мама у стола, прищепывая, читает свою

«Медную пуговицу» и никто не видит, что под Зинкиной алгеброй прячется коварный Мопассан.

А наутро они идут с мамой на рынок. Сегодня приморозило, и если идти строго по тропинке, то можно пройти, как посуху. Но упаси бог оступиться! Корочка, покрывающая топ, податливо сломится, и рыжая хлябь услужливо примет твою ногу. С матерью Зинка идет не через стадион, но все равно вспоминает свой лужок. Его быстро вытесняют иные воспоминания, связанные с рынком, потому что этой дорогой Зинка ходит только с матерью и только туда. Вот здесь, у этой жиденькой мазанки, плакала она маленькою, когда потеряла в молочных рядах варежки и поморозила руки. Она плелась за матерью и плакала, боясь об этом сказать. А дома, когда у горячей печки руки стали отходить, Зинка ревела в голос, и мать испуганно тащила к ней ведро холодной воды:

— Что ты, что ты, дурочка! Ну-ка, суй сюда.— И рукам стало легче.

И еще Зинка вспомнила, как летала на рынок одна на своем «Прогрессе» со сварным швом на раме. Отец с матерью уехали в санаторий — они всегда ездили вместе,— и на Зинкином попечении остались Васька и ежиха Тумка. Зинка питалась яичницами, а звери смотрели на нее с ненавистью, когда им не выпадало мясного. И, не выдержав их великого презрения, Зинка катила на рынок и выбирала в мясном ларьке на два своих мятых рубля нежный кусочек темной говядины.

— Парную, сволочи, жрут! — вздыхала она, следя за кровожадным урчаньем двух враждующих сторон: Тумка и Васька терпеть не могли друг друга.— Это только при мне так шикуют! — ворчала она.

А у рынка, несмотря на мороз, все же грязно. Размесишь.

Осенний рынок богат. Белые гусиные тушки поспорят с иными индейками. В крытых марлею горшочках не шелочнется густая сметана, и когда баба в белом, прикрывающем необъятное брюхо фартуке запускает в нее деревянную ложку, кажется, что ложка не выдержит и сломается в тонком основании черенка. На белых тряпичках белеет творог, отливают янтарем круглые лепешки самодельного масла, румяная корочка варенца стягивает горлышко глиняного горшка, и жалко переливать его в бидон: Зинка спрашивает мать купить варенец вместе с горшком.

Ах, улетели двадцать рублей, как не было! Но зато в сумке сидит горшочек варенца, лежит лепешка масла, баночка сметаны отделена от горшка кулечком творога. У Зинки в руке топорщит из сетки свои красные лапы знаменитый лапчатый гусь.

«Голубой Дунай» сегодня крутит пластинки, и у Зинки на душе едва ли не праздник. Она следит за веселым дымком, выходящим над вывеской «Дуная». Она видит, как баба в клеенчатом фартуке, выглядывающем из-под фуфайки, скоблит «Дунаево» крыльцо, и думает: «Зачем? Все одно после перерыва изгадят!»

Но бросается в Зинкины глаза кончик «Русской литературы», недотопленный и застывший теперь в луже, и представляется завтрашнее объяснение с директором по поводу пропавшего дневника.

— Тоска! — говорит она и ищет в рыночной толпе зеленое материно пальто.

Мать раскраснелась на морозе, румяное и круглое ее лицо восторженно от жаркого дыхания, губы приоткрылись, и вся она стала как восторженная девочка. И Зинка любит ее и спрашивает:

— Ма, а ты была в театре?

— В каком таком театре? — не понимает мать.

— Ну, хоть в оперном. На «Аиде».

— Не-ет, — удивляется мать и восстает: — Что ты мелешь? Какой театр? Где ты его видела?

— Ну, ты же ездила в Саратов. Прошлой зимой.

— Ну, так и что?

— Не ходила?

— Зачем? — совсем опешила мать. — И так времени в обрез. Все совещались да заседали. По магазинам не успевала бегать. Помнишь, на платьице тебе привезла?

Зинка только вздыхает. Она во всю свою жизнь не видела театра. И никогда бы, может, не поинтересовалась, если бы два месяца назад Лилька Давыдова, дочка секретаря райкома, не сказала ей, что Зинкин отец на совещании в Саратове ходил с ихней Инессой в театр на «Аиду». И добавила тогда Лилька: — Замечаешь, как она стала следить за собой?

И Зинка стала замечать.

И у Инессы стал обнаруживаться нездоровый интерес к Зинке. Она поднимала ее из-за парты чуть не каждый урок. Сначала Зинка удивлялась, но по любви к предмету отвечала четко. Но когда отец впервые сказал матери про «лягушку», Зинка отказалась отвечать. И вот уже два месяца получает одни двойки и в четверти ожидает столько же.

— Ну и пусть! — решает Зинка. Но тут же сердце жалостно сжимается: — А вдруг узнает мать? Нет, конечно же, не про двойки...

— А давай завернем в универмаг, — робко говорит мать. — Может, и вправду пальто купим?

Зинка готова реветь:

— Ну, на что нам далось это пальто? У тебя же замечательное пальто! Просто чудо, а не пальто!

— Да ведь старенькое. И потом цвет. Зайдем, а? — робко настаивает мать, и Зинка холодеет: «А вдруг она знает?»

— Да пойдём! — соглашается она. — Я что?

И они сворачивают за угол «Голубого Дуная», и из его вентиляционной трубы обдаёт их перегаром.

Универмаг у них двухэтажный, новенький. В поселке всего два двухэтажных дома — универмаг и ателье, где работает знаменитая Таисья. Но все равно они хуже и значительно ниже любимой Зинкиной водонапорной башни, что красуется у самой станции, и, конечно же, ниже серого и разлапистого элеватора. Пол в универмаге кафельный и посыпан опилками. Все здесь очень светло, и для пальто есть отдельный зал с кабинками, занавешенными зеленым, уже линялым бархатом.

Мать щупает какое-то малиновое пальто, смотрит его с изнанки: двусторонний ли драп, можно ли будет потом перелицеовать и перешить на Зинку? Пальто

смотрится каким-то размахаем, и розовое лицо матери начинает вдруг отливать то нездоровым сиреневым, а то синим цветом.

— Фу, гадость! — И Зинка вытаскивает на свет божий строгое пальто. Оно нежно подчеркивает округлую материну фигурку, продавщица перестает лужать семечки, оценивающе кивает головой и говорит:

— Как влитое!

— Опять зеленое, — виновато отказывается мать.

— Какое же это зеленое? — обижается продавщица. — Цвет морской волны. Самый модный.

И от этих высоких слов и от Зинкиного восторга: «Ах, как тебе идет!» — у матери начинает кружиться голова, и она слабо сдаётся:

— Ну, плати!

И Зинка сломя голову несется в кассу. Касса — тоже новое заведение в их районе. И пока она только раздражает покупателей: лишняя очередь, лишняя волокита. И еще эти чеки! Но вот новенькое пальто сложено голубоватой подкладкой вверх, завернуто в бумагу, перевязано бечевкой, и Зинка подхватывает воздушный, еще не умявшийся узелок.

— Здравствуйтё! — Это Инесса Васильевна. Нос к носу.

У Инессы смуглое и строгое лицо, и красная «менингитка» ей, конечно, идет. Инесса играет глубокими, черными и влажными глазами, кокетливо складывает яркие пухлые губы и прикасается к груди длинной красивой рукой. Когда Зинка была маленькой, она, открыв однажды красоту Инессыных рук, часто сравнивала их со своими и долго еще надеялась, что ее короткие, узловатые пальчики выгнутся с годами и примут наконец изысканную форму. Но руки у нее все больше становились похожи на отцовские — с широкой ладонью и крепкими короткими пальцами. И сейчас она с тайною ненавистью смотрит на любимые когда-то руки и находит в их холеной красоте что-то неестественное и отталкивающее.

А Инесса говорит, и Зинка не слушает ее, но знает: жалуется. Ябедничает, дрянная такая, про двойки. Ну вот — и про чрезвычайные Зинкины способности запела!

Мать рассеянно смотрит то на Инессу, то на Зинку, и временами — Зинка видит — у нее начинает жалобно кривиться рот. Но она сдерживается, и в эти минуты Зинка гордится своей матерью.

— Я, Инесса Васильевна, исправлю! — кричит она почти в ненавистное лицо. — У меня, Инесса Васильевна, была депрессия! А теперь прошла. — И она почему-то показала на сверток с пальто. — Пошли, мама.

— Я, правда, исправлю, мам, — тараторит она. — Господи, двойки! Это же такие пустяки! Вот увидишь, все будет хорошо!

И она, осторожно поставив лукошко на тропку, поправляет под мышкою пальто.

Мама улыбается печально. И видно, что все у нее сегодня не задалось: томит предстоящий разговор с мужем, где придется оправдывать и это зеленое пальто цвета морской волны, и эти новости про Зинкины двойки, и варенец, купленный зачем-то вместе с горшком.

Домой они входят тихо и стараются быть незамеченными. Отец подремывает на Зинкиной оттоманке, накрыв лицо свежей газетой.

Тихо складывают они покупки прямо у порога на пол. Тихо идут в горницу, развязывают бечевку, и мать, стоя под ненужным сейчас абажуром, смотрит в зеркало на себя, на пальто цвета морской волны, и губы ее некрасиво искривлены, и слезы льются из милых и печальных глаз.

Отец незаметно появляется в дверях, удивленно таращится на новое пальто, видит отчаянное Зинкино лицо, встречается с печальным взглядом жены и неожиданно для себя говорит:

— Ну, слава богу, новое купила! — и подходит к матери, и целует ее в мокрые от слез глаза.

И оттого-то мама весь день потом ходит счастливая и ослепленная. И потому гусь немножечко пригорел, и не поднялись пироги, и Ваське отдавили лапу.

Отец исчезает из дому перед самым обедом тихо и воровато, как приучился исчезать в последнее время. И потому незачем накрывать на стол и не перед кем оправдываться за пригорелого гуся.

— Мам, может, он в сарае мопед чинит? Я посмотрю? — неуверенно говорит Зинка.

Мама кивает головой, идет к столу, машинально кладет на него нож и долго стоит так, смотрит, уйдя глазами в глубь себя. Зинка подходит к ней и успевает поймать на ее подвижном лице робкую, просительную улыбку слепого «дунайского» певца.

Зинка опускает голову, бредет к вешалке, накидывает платок и ватник, выходит на крыльцо, наверняка зная, что отец ни в каком ни в сарае, а сидит сейчас в маленькой комнатке с двумя окошками, которую снимает Инесса у глуховатой старухи, там, в домике за стадионом. В комнатке у Инессы этажерка с книжками и железная кровать, старый платяной шкаф и к заваленному тетрадами столу придвинут жесткий резной диванчик. И на этом диванчике, должно быть, сидит сейчас отец. Все это убранство Зинка подсмотрела сквозь щелочки между занавесками неделю спустя после сделанного Лилькой открытия.

Зинка бредет в сторону сарая и думает: знает или не знает мама?

«Господи, хоть бы не знала!» — жарко просит она.

Примораживает. И сумерки и тишина тихо подбираются к поселку. Вот видно, как одинокая фигурка бредет от сараев в сторону калитки, по пустому, безлюдному проулку и дальше, туда, где ясно слышны оскальзывающиеся шаги редких прохожих. У стадиона, за поворотом, ветер закруживает одновременно с трех сторон, закручивает подол платья. На стадионе резкими выстрелами хлопает оборванный плакат. Еще в домах не зажигаются огни, но уже ярко горят просторные окна местного заводика. А где-то там, в степи, вырывается из-за поворота золотистая стрела курьерского и, набирая скорость, несется мимо тихого, затепляющего редкие свои огоньки поселочка. В вагонах уютно, там горит яркий огонь, там пьют чай и ведут неспешные разговоры.

Одинокая фигурка тут же запахивает ватник, смотрит на два воспаленных окна и ждет: вот сейчас, сейчас он обернется и в щелочку между занавесками увидит Зинку, родную дочь.

**Навстречу
VII Всесоюзному
совещанию
молодых
писателей**

Год назад при нашем журнале была организована Литературно-критическая мастерская. С той поры в ней постоянно проходят занятия. Редакция приятно познакомит читателей с новыми работами начинающих критиков в момент, когда литературная молодежь готовится к VII Всесоюзному совещанию молодых писателей.

Впереди — новые имена на литературном горизонте. Впереди — внимательный анализ их творчества участниками нашей мастерской.

Литературно-критическая мастерская «Смены»

ПУБЛИЦИСТИКА

**Письма
каждому из нас...**

«Вчера и завтра» (издательство «Молодая гвардия», 1978 г.), книга Виталия Игнатенко, удостоенного недавно Ленинской премии за участие в создании фильма «Повесть о коммунисте», — как бы одна из глав его талантливой работы публициста, цель которой — вдохновенное повествование о людях самоотверженного труда, доброй воли, благородных, отважных сердцах, живущих честно, смело, уверенно, с чувством ответственности за свое дело, где бы, на каком бы конце планеты эти люди ни жили.

Многообразие дел современника, его душевные устремления, жизненная позиция — вот основа, что делает рассказ о герое наших дней зримым и убедительным. Сейчас публицист должен не только глубоко осмыслить все это, но и поработать в «робе» изыскателя, чтобы в ярком разнообразии современности увидеть конкретные черты людей, вершащих ее.

По форме книга составлена из двадцати одного письма автора, который послал их нам, своим читателям, из Сибири и Гвинеи-Бисау, из Средней Азии и Заполярья, с Кавказа и из Америки, с острова Шпицберген и из Японии... Разные, далекие адреса. Различны характеры и судьбы тех, кто, живя вдали друг от друга, одержим близкими мыслями, желанием подарить миру мир, свободный труд, счастье.

Прератить эти помыслы в действительность нелегко. В письме, давшем название всей книге — «Вчера и завтра», — автор приводит слова Героя Социалистического Труда Владимира Прокопенко, утверждающего, что в сознании каждого человека понятия «хочу» и «надо» должны быть равноправными слагаемыми. «Если они равновесны, — человек уверен, смел и могуч вдвойне».

Желания многих героев книги полностью совпадают с тем, что диктует им их долг: испытывают ли они новые самолеты, бороздят ли морские просторы, охраняют ли лесные массивы, защищают ли границы Родины, сражаются ли за свободу и независимость своего народа, как африканские патриоты, добывают ли в немыслимо трудных условиях уголь... В письме, посвященном советским горнякам, представляющим нашу страну на острове Шпицберген и названном очень выразительно — «Там, где Мурманск — далекий юг», — рассказано о том, как ради тепла в домах знакомых и незнакомых друзей в Мурманске и Архангельске они преодолевают жестокий мороз, ледяной ветер. Этот очерк символически для всего сборника: его герои идут на испытания достойно, полностью отдавая себя во имя счастья и радости для других. Широта души, щедрость натуры — отличительные качества таких людей.

Именно подобные качества, как и постоянная готовность к подвигу, призваны воспитывать юных, а иногда и перевоспитывать тех, кто малодушен, страдает, словно корью, затянувшейся болезнью инфантилизма. О путях влияния на таких духовно бедных молодых людей с тонкостью умного педагога тоже пишет В. Игнатенко.

Многие письма литератор-публицист прислал нам из зарубежных стран: он рассказывает о героической, трудной борьбе партизан Гвинеи-Бисау с колонизаторами, о страданиях обездоленных, лишенных работы, а подчас и крыши над головой бразильцев и американцев, о трагическом «атомном» прошлом и тревожном сегодня японского народа. Каждой строкой эти письма утверждают великие преимущества социалистического образа жизни.

Эпилогом звучит последнее письмо, посланное из Москвы. И это закономерно. Вспоминаются слова: «Начинается земля, как известно, от Кремля...» И возвращаются все честные люди земли в буквальном смысле или мысленно к Кремлю, к Москве, чтобы поведать о своих самых заветных думах, мечтах, о своих победах.

Все очерки-письма объединены мыслью о том, что свершенное вчера и свершаемое сегодня обращено в завтрашний день и потому озарено светом будущего. В. Игнатенко пишет: «...60 лет назад наша Отчизна родилась со словами «Мир» на устах. Кто больше нас знает цену мирного неба, тиши лесов и полей, кто больше радуется улыбке ребенка... Кто больше нас скорбит по павшим. Ведь не пришли с войны работники, создатели строители будущего. Они погибли за это Завтра, завещая нам не устывать в труде, допеть, долюбить, дойти!»

Ну, а что мы, читатели, пожелаем автору в ответном письме? Поблагодарим и скажем, что ждем от него новых — столь же публицистически ярких! — книг.

Елена СЕТУНСКАЯ,
студентка

ПРОЗА

Выбирая позицию

В жизни героев повестей и рассказов Анатолия Курчаткина, участника VI Всесоюзного совещания молодых писателей (сборник «Семь дней недели», Изд-во «Современник», 1977 г.), не происходит ничего экстраординарного. Радости и горести, наполняющие ее, знакомы, как дни недели. Но эта узнаваемость тревожит и занимает воображение читателя. В ней он может найти созвучный времени накал внутренней жизни наших молодых современников. Это не мятущиеся юноши и девушки. Основной выбор в их жизни сделан. Но есть еще необходимость найти верную позицию в различных житейских ситуациях, обыденность которых требует не меньшей принципиальности и стойкости духа, чем более острые конфликты и столкновения.

...В жизни слесаря Дерюнова (рассказ «По собственному желанию») настал момент, когда он почувствовал необходимость вырваться из старого цеха, спокойная и налаженная работа в котором стала для него мучительным застоєм. Он понял, что из тягостного состояния неудовлетворенности и тоски он сможет вырваться, если перейдет в новый цех, туда, где его слесарное дело приобрело недостижимое на старых станках совершенство. Но если он уйдет, то не удастся получить новую квартиру — долгожданное разрешение обращено в завтрашний день и потому озарено светом будущего. В. Игнатенко пишет: «...60 лет назад наша Отчизна родилась со словами «Мир» на устах. Кто больше нас знает цену мирного неба, тиши лесов и полей, кто больше радуется улыбке ребенка... Кто больше нас скорбит по павшим. Ведь не пришли с войны работники, создатели строители будущего. Они погибли за это Завтра, завещая нам не устывать в труде, допеть, долюбить, дойти!»

Повесть «Семь дней недели» с хроникальной лаконичностью и последовательностью изображает короткий отрезок в жизни молодого журналиста Гольцева. Он преуспевает в областной газете, его печатает столичная пресса, его считают талантли-

вым... И он продвигается по службе, не делая опротивевших шагов, спокойно и холодно. Слово «какую-то часть души отсек», замечает автор. Эта ущербность, которую сам герой называет трезвым, деловым отношением к жизни, мешает ему по-настоящему полюбить женщину, быть настоящим другом, не дает глубоко разобраться в судьбе человека, в искренности мыслей, высказанных молодежью на редакционном диспуте. Но был когда-то другой Гольцев. Те редкие перебои, которые случаются в отлаженном механизме его холодного и безучастного отношения к окружающему миру, свидетельствуют об этом.

Повесть «Семь дней недели» заканчивается словами «все начиналось заново». «Заново» — какое из возможных значений этого слова больше подходит для дальнейшей жизни Гольцева, повторение или обновление будет в его судьбе? Название второй повести сборника — «Семейная жизнь» — определяет тему, постоянно присутствующую в прозе Курчаткина. Писатель пытается найти ответ на вопрос, почему семейная жизнь не всегда складывается счастливо.

В сборнике «Семь дней недели» читатель встретит целый ряд глубоких и психологически интересных образов наших современников, найдет подлинное понимание тех проблем, с которыми сталкивается молодой человек, выбравший свою жизненную позицию.

Мария БОГДАНОВА,
педагог

ПОЭЗИЯ

**«Только бы душой
не обмелеть...»**

Ему досталось многое. Он дрался за русское поле и хлеб на столе в гражданскую, его казнили в немецких застенках, он чувствовал дыхание промерзшей, развороченной снарядами земли, делил хлеб, который редко выпадал на его долю, мечтал стать теплым ветром, голубой травой. У него не оставалось времени на одиночество.

Но он хотел и ждал от жизни испытаний, потому что комсомольская юность закалила его и научила бороться.

Лирический герой сборника лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Фирсова «Наследство» (изд-во «Современник», 1977 г.) получил в наследство глубинную Русь. Да, говорит он нам, земля везде одна, но тянет к той, где ждут, где верят, где адруг чувствуюешь себя сильней. Ведь есть же какие-то внутренние истоки. Не просто так бросался на танк со связкой гранат молодой боец, не ради похвалы поднимали целинные земли ребята, у которых вся биография состояла из нескольких строчек, не из-за неград по глухим и необжитым местам тянут нынешние комсомольцы магистраль века — Байкало-Амурскую магистраль. Запрятан в каждом из нас тот город, та деревня, где впервые мы увидели солнце. Там, пожалуй, родилось в нас то, о чем поэт сказал — «глубинные истоки». В нас родилась молодость: стремление победить и никому не уступать, отбросить все мелочи и пойти по непроторенной тропе без оглядки. Владимир Фирсов прочувствовал, чем живет каждый из нас в 14, 18, 25. Ведь в этом возрасте мы щедры на щедрость, верны верности. Мы похожи. Нас объединяет одно — комсомол.

Зрелость не изменила лирического героя Владимира Фирсова. Лишь оцумеее стала сопричастность, преемственность. Он верит, что вновь кого-то повторил собой, что бродит по земле человек, которому суждено продолжить его песню. Истина одна. Она в тебе. Тебе дано многое, многое и спросится. «Ты устал?» — спрашивает поэт своего героя. А не ты ли говорил: «Усталость — далеко не старость, а нам и старость не грозит». И все возвращается: юность, открытия, комсомольские свершения.

А память заставляет яснее видеть все, что искренне любил мальчишкой, что ненавидел в юности, и позабыть неумогию первую весну Победы, «кусты черемухи в цвету — забрызганные кровью». И не успокоится сердце, ведь слишком много его осталось в прошлом дне, слишком много времени земного отдано людям.

Но поэт беднее не стал. С ним навсегда осталось самое дорогое и вечное чувство — любовь к родному краю, вера в молодость, умеющую побеждать...

*Любовь к Отчизне не измеришь
И даже смертью не прервешь.
Живя всем тем,
Во что ты веришь,
И веря в то,
Чем ты живешь!*

...Маленькая книжечка в моей руке — двадцать стихотворений. В них — двадцать побед и сомнений, двадцать потерь и находок. И вся комсомольская юность. И большое наследство поколений. Не растерять бы его, не обмелеть душой.

Ольга САСОРОВА,
студентка

Ни к разговору,
Ни ко времени,
Но мне подумалось сейчас:
Весною этой
Больше зелени
И солнца в городе у нас.
И люди чаще улыбаются,
Все дальше дети от войны...
Но чем красивей
Им мечтается,—
Сосредоточеннее мы.

Мне немножечко повезло.
Меня в жизни сполна трясло,
Знал я слезы, нужду и холод,
Ну, а хлеб с водой—то не голод.

Мне немножечко повезло.
Видел я и добро и зло,
Был униженным и хваленым,
Только—миловал бог—не холеным.

Мне с таким багажом под стать
И лелеять и воевать.
Помню,
Прошлое не ушло:
Мне немножечко повезло.

Николай РЕШЕТОВ

О мужестве эпитетов не надо.
У мужества свои колокола.
Мне кажутся обычным камнепадом
Пред мужеством высокие слова.

Не ради них уходят люди в вечность,
Не ради них мы чтим их имена.
Уходят вожаки дорогой млечной,
Оставив в нас стальные семена.

За мужество есть высшие награды:
Мечта и память, словно два крыла.
Высоких слов о мужестве не надо,
У мужества свои колокола.

Когда идет по улице хромой,
Мне больно оттого, что мир такой,
Что все вокруг торопится, бежит
И только он как будто не спешит.

Когда идет по улице слепой,
Свои глаза я прячу под рукою.
Ему ничем помочь я не могу,
И эти мысли угольками жгут.

Не волен я—знать, сердце таково:
Ни стыд, ни боль не обойдут его...
Когда смотрю, идет старик седой,
Мне стыдно оттого, что молодой.

Есть неприметное людское счастье—
Среди людей неторопливо жить.
В их судьбах принимать участие,—
Как высшей человечности служить.

Негромко верить в добрые приметы,
Такие же дарить своим друзьям.
Как хорошо нести в ладонях лето
И знать: тепло не исчезает зря.

Как верю я, что доброта исконна,
А неприметность свойственна судьбе.
И эту тайну древнего закона
Откроем мы когда-нибудь в себе.

Баир Дугаров едва ли не единственный русскоязычный бурятский поэт. Он достаточно образован и достаточно молод, чтобы совмещать занятия стихосложением с изучением истории культуры Востока в аспирантуре Института востоковедения Академии наук СССР.

Родился Баир Дугаров в глубине Саян, недалеко от величайшей вершины Сибири Мунку-Сардыка, и с детских лет постигал законы тайги, законы гор, законы бытия своих предков—скотоводов и охотников долинных поселений, куда и нынче не каждый решится добраться караванными тропами. Только самолетом можно попасть в Орлик, центр древнейшего расселения сойотов, когда-то одного из могущественных племен Прибайкалья.

Мифы, легенды, песни, обычаи своего народа знал Баир Дугаров с детства. С детства он воспитывался в семье учителей, в стихии русского языка и культуры. Не потому ли так естественно для него писать по-русски? Естественно, но не легко. Потому что соединить русский классический стих с национальным бурятским поэтическим мышлением

совсем не просто: слишком далеки языки по структуре, слишком различны принципы стихосложения.

Но именно здесь и кроется, на мой взгляд, успех Баира Дугарова. Там, где соединение несовместимых стихий осуществляется на высоком огне мысли и чувства, рождается органический сплав—поэзия уюного сердца, где история не ссорится с современностью, а вековая созерцательность национального мироощущения оживает в сегодняшних ритмах, в строгих ритмах русского стиха.

Разумеется, пока удачных стихов меньше, чем хочется автору, но его явная одаренность, трудолюбие и деятельное недовольство своей вчерашней строкой заставляют верить в то, что со временем из Баира Дугарова выработается хороший поэт. Что таким образом традиции национальной русскоязычной поэзии, начатые татаринцом Рустемом Кутуем, узбеком Раимом Фархадом, будут продолжены и географически расширены творчеством молодого поэта из далекой Бурятии.

**Анатолий
ПРЕЛОВСКИЙ**

Баир ДУГАРОВ

К снегопаду, к его тишине,
видно, тянет меня не случайно.
В этой зыбкой седой пелене
есть какая-то вечная тайна.

Будто там, у подножья гольца,
близко сходятся Небо с Землею
и беседуют между собою,
как невидимых два мудреца.

И прозрачной времен хоровод.
Словно годы, просторны минуты.
А планета в пространстве плывет,
неизвестно куда и откуда...

Письмена на снегу

Вдоль оранжевой кромки заката
в глубь январских лугов ухожу.
На пушистом листе снегопада
хворостинкой строку вывожу.

Я пишу на свободную тему,
как язычник, доверяясь тайге.
Я бы многое дал за поэму
на забытом лесном языке.

Все, что мною написано ночью,
только тень этих белых стихов,
где за дальней строфой—многоочья
изюбриных глубоких следов.

Памяти Дондока Улзытуева

Мигает звезда. Обрывается миг.
И, песней не ставший, грустит черновик.

Уходит степняк. Но встает на рассвете
из синей травы ая-ганга бессмертье.

И тянется к небу гора Хайранга.
И луны округлы, как след рысака.

В березовых рощах пора кукованья.
И с нею светлеет печаль расставанья.

Но знает умолкшую песню до конца
лишь степь, колыбель и могила певца.

Возраст

Зло пережив, познаешь стыд,
его мучительную радость.
И возраст твердым быть велит,
с романтикою расставаясь.

Приходит трудная пора
вновь утверждать в суровой эре
существование Добра
уже на собственном примере.

Саянская весна

Мои окна выходят на юг.
И всегда по весне
с туч скатившийся солнечный круг
замирает в окне.
И улус у размякших бугров
бодро машет дымком,
обдавая дыханьем коров
и куриным теплом.
Словно полузамерзший баран,
оживает валун:
возвращается в лоно полян
время трепетных лун.
Хорошо, что приходит восход
и что в трещинах льда
проступает в положенный срок
голубая вода.
И плывут и плывут журавли
в дальний сумрачный лог,
где, как лампочка из-под земли,
светит яркий цветок.

Хорошо, что теплеют луга
и, как вечности зов,
остаются, сверкая, снега
на вершинах гольцов.
И за гребнем кедровых границ
в мягкой бездне ветвей
оживают при пении птиц
тропы диких зверей.
В этом светлом спокойном краю,
где от дум не уснуть,
о земля, постигаю твою
сокровенную суть.
Дорожу, как глубокий старик,
каждым вздохом лугов,
где так сладко забиться на миг
у подножья хребтов
и не знать, сколько прожито лет
и осталось еще.
Только небо до горы. Рассвет.
Облака. Хорошо!

В детстве

Я знаю дерево, оно живет совсем недалеко отсюда: всего лишь полчаса на электричке. Оно не так уж велико, но его крона была способна удержать все чудеса, которые я неустанно открывала, набегавшись за долгий летний день. Они мне не давали спать и окружали толпой гостей, неожиданных, как герои

услышанной на сон грядущий сказки. Тень дерева была сладка, как сон зимой. Я дерево поила, как коня, своей доверчивостью... У корней трава росла густая, в ней одичавшая турецкая гвоздика встречалась изредка. Траву я гладила, будто трепала холку.

Мне мало надо

Мне мало надо: предакушеные неба, которое вот-вот мелькнет сквозь ветки.

Мне мало надо: розовый кустарник, растущий у обочины дороги, давно привыкший к выхлопному газу и все же всякий раз упрямо шарахающийся от него в овраг.

Мне мало надо: веру в совпадение, что, проезжая, ты его заметишь и в памяти своей со мною свяжешь... Еще хочу тебя на днях увидеть и удивиться встрече, как обычно.

Мне мало надо: будь все так, как есть, все в настоящем — выдавшийся день, асфальт дороги, розовый кустарник, старухи светлоглазые в платках нарядных.

В марте

Весенний воздух, он еще не пахнет солнцем, скорей бѐлем, которое под ветром рвется и высыхает, не успев обледенеть.

Весенний воздух легок, не изведал еще он листьев тяжесть. Но отчего-то все же дымом тянет, должно быть, это запах таянья снегов.

Чуть потеплеет, за окном зажгут костер, и неохотно встрепенется, вздрогнет сухая прошлогодняя трава.

Холодный долгий год с зимою снежной расстелется по небу лентой пепла и синькой канет в пену облаков.

Шуршанием крахмальным они разбудят город. Дождь пройдет... Наступит лето так же, как всегда.

И платье я цветастое надену, в очередях буду стоять за овощами, вперед старух радушно пропускать.

И тихо про себя: «Вот кончилась зима, протяжным сном прошла», — я как заклятые стану повторять.

Татьяна НИКОЛАЕВА

Стихи Татьяны Николаевой обладают редким качеством — они поэтичны. Это не так уж часто встречающееся свойство, хотя, казалось бы, им должны непременно стихи обладать.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Стихи Т. Николаевой «прозрачны», искренни, нерассудочны, напоминают легкие конструкции, они тонки по ощущению, по мысли. А главное, им свойственна внутренняя «музыка», которая одна и заставляет читателя волноваться.

Татьяна Николаева — начинающий поэт, но уже то, что ею написано, дает основание думать, что она найдет свою собственную тропу в поэзии, ибо в ее творчестве явно чувствуются и свой характер, и свой стиль, и своя манера.

Евгений ВИНУКUROV

...И я забыла, как входила в детстве в море, как нежилась под солнцем и как в холод дробились ярко в печке угольки, чтоб дать тепло.

Привыкла к шуму падающих вод — неровным угасающим ударами по цинку подоконника; к звонкам пустым, когда в ответ на просьбу говорить,

когда в ответ на «Я вас слушаю» и «Да!» — молчание и треск в натянутых усталых проводах.

Привыкла вторить календарной новизне, приветствовать неожиданный первый снег и вновь его плестись белизной, вновь удивляться плавности падения...

...не думая о том, что по весне поранюсь об обломленные ветки.

Виктор ЕСИПОВ

Со стихами молодого инженера Виктора Есипова я познакомился на семинарском занятии в Литературной студии, которая была создана усилиями Союза писателей и МГК ВЛКСМ.

Творчество Виктора Есипова, помню, привлекло к себе пристальное внимание многих, ибо его стихи отличаются той степенью зрелости, когда можно и нужно говорить об их авторе как о талантливом поэте, умеющем по-своему отображать жизнь со всеми ее коллизиями и радостями.

Одно из достоинств Есипова, на мой взгляд, — умение строить поэтический сюжет повествования. Порою ему хватает двадцати строк, чтобы вместить в них целый кусок жизни, связать судьбу своих героев; нарисовать цельную, достоверную картину человеческих взаимоотношений. Старая истина гласит: лучшим удостоверением личности каждого поэта являются его стихи. Прочтите стихи Виктора Есипова и вы поймете, какой он тонкий поэт.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

По асфальту машины снуют, где-то в дымке Тянь-Шаня отроги. Две лошадки и старый верблюд Отдыхают у самой дороги.

День горяч, а тропа далека, Устарела верблюжья сноровка — Новый груз истирает бока, И врезается в ноздри веревка.

Пыль клубится — чихает верблюд, В землю лошади смотрят устало. Пассажиры автобуса ждут Под навесами автовокзала.

Не страшит обжигающий зной, Пузырится в стакане напиток. Лей, но помни, какую ценю Вырос город на месте кибиток.

А вокруг столько новых дорог И тревог! И в бескрайнем просторе, Усыряя горячий песок, Молодое вздымается море.

Новостройка

Сначала рев грузовиков, А после, бытом обрстая, Средь бездорожья и песков Встает застройка типовая...

Есть в общежитии кровать, На стульях — брюки и фуфайки, И лампы, ватт на двадцать пять, В пыли по горлышко, как в майке.

Здесь меж собой вступают в спор, Затронув тему непростую, Бульдозеристы и шофер, С командированным толкуя.

Здесь я в ночи под стук секунд Слагаю в творческом азарте Стихи про населенный пункт, Не обозначенный на карте.

Храпит сосед — опять ему Приснится дочка с русой челкой... Рвут фонари ночную тьму На первых улицах проселка.

Маутхаузен

1
Маутхаузен. Мал городок.
У дороги кирпичная кирха.
Черепичные крыши в рядок.
В ресторанчике чисто и тихо.

Приготовлен стандартный обед
Для гостей — иностранных туристов:
Запах супа и венских котлет,
Пепси-кола — напиток игристый.

Здесь в почете покой и уют,
Бланк меню на роскошной бумаге.
И автобус за десять минут
Экскурсантов доставит в концлагерь.

Вот куда меня случай привел!
Память прошлого, рана больная...

А мальчишки играют в футбол,
И плывут облака по Дунаю.

2
Маутхаузен — каменный двор.
Маутхаузен — фабрика смерти.
Тридцать лет миновало с тех пор,
Как на топках захлопнуты дверцы.

Тридцать лет здесь никто не живет —
Опустела кошмаров обитель.
Но встречает людей у ворот
Самый грустный на свете смотритель.

В десять раз он превысил свой срок,
Поседел, но сумел не согнуться.
Он уехать отсюда не мог,
Или некуда было вернуться...

И встречает нас лагерный двор
Тишиной, незнакомой до жути.
Смотрят черные окна в упор,
Словно черные жерла орудий.

Время счищило сажу и гарь,
Смыло пепел дождем в водостоки,
И стоят по линейке, как встарь,
На плацу аккуратные блоки.

Дверь открылась, ударил каблук
По ступеньке в пустом коридоре.
За окном, как огромный паук,
Над баракком навис крематорий.

Тишина ударяет в висок,
Слышен хрип, слышны стоны из мрака,

И снижается вдруг потолок
На шагнувшего в сумрак барака.

И не крикнуть и губ не разнять,
Не смахнуть наважденья рукою...
Тридцать лет мы не можем понять,
Как могло совершиться такое!

3
Вот и все. За стеклом тополя.
Зря фотограф наводит на фокус:
Так летит под колеса земля,
Так на Зальцбург несется автобус...

И опять мы спешим, мы в пути,
С нами матери наши и дети.
Тридцать лет! Что нас ждет впереди?
Мы за все, что случится, в ответе!

Было это на Кольском полуострове зимой. Понадобилось мне добраться от одного поселка до другого. Путь был не длинный—километров сорок. Половину прошли мы на оленьих нартах. А потом, чтобы не замерзнуть, мой провожатый предложил пробежаться на лыжах. Несколько тяжелее, короче и вдвое шире обычных, они были подбиты нерпичьим мехом и сразу прилипли к ноге. Мы не особенно быстро бежали по ровной тундре, зато легко скользили с пригорков и забирались на них, не пользуясь ни «лесенкой», ни «елочкой»: ворс держал на склонах не хуже шиповок. Ходьба на охотничьих лыжах так мне понравилась, что я попросил моего провожатого продать пару.

— Нет,—ответил он,—было бы для дела, так подарил бы, а в городе они на что? Баловство одно.

Так и не продал. И я понимал, что он прав: охотничьи лыжи стояли бы у меня в московской квартире больше как сувенир, тогда как в его кочевой жизни оленевода лыжи были орудием труда, надежным, хоть и не очень быстрым способом передвижения.

Начал я рассказ о том, как делаются современные лыжи, с воспоминания, на первый взгляд к делу отношения не имеющего, не случайно. Это сейчас для большинства из нас лыжи—развлечение, отдых, спорт, а ведь не так далеки времена, когда на лыжах, и только на них, уходили люди за сотни верст от дома добывать зверя или по другой нужде: иного способа передвижения просто не было—лошадь в сугробах не пройдет, да и не каждый их имел-то, лошадей. А еще раньше были снегоступы—плетенные из веток широкие подошвы, которые привязывались к обуви, чтобы не тонул их хозяин в сугробах.

Материал для лыж брали разный, больше березу, она прочна, легка, гибка. Строгали вручную, не имея понятия о научных принципах распределения нагрузки человеческого тела на поверхность лыжи, но зная древние секреты дела. Поверхности лыж для скольжения смазывали животным жиром, лучшим считался медвежий. В каждой деревне был свой лыжный мастер, знавший, когда лучше брать древесину из леса, как ее высушивать, как доводить до упругости. Особенно славились уральские, сибирские лыжи, сработанные в местах, где процветала промысловая охота. Иные мастера пытались даже расписывать деревянную поверхность лыжи, чтобы отличала их работу еще и красота, но это не привилось—на лыжи смотрели больше как на инструмент, да и служили они не столь уж долго, так что смысла особого украшать их не было.

Ассортимент старинных лыж был невелик: широкие, короткие—охотничьи, разнявшиеся между собой в основном материалом, который шел на покрытие скользящей поверхности; были тут и березовый дуб и мех, и просто дерево, доведенное до

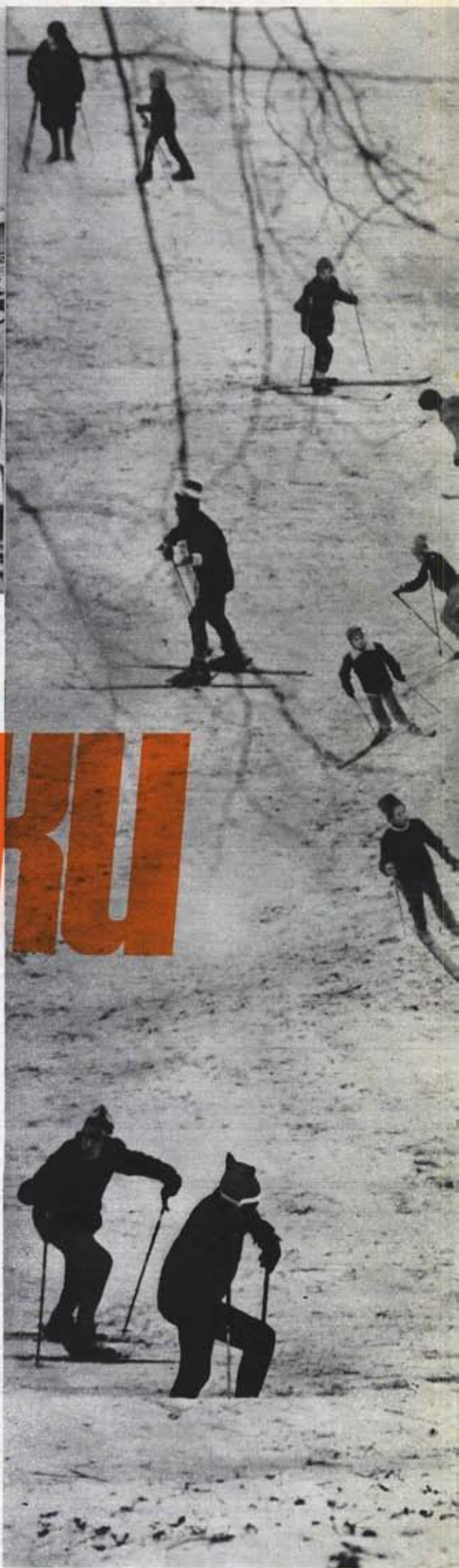
Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

ЛЫЖИ

зеркальной гладкости; беговые (эти появились позже) были подлиннее, полегче, поуже, сделанные из одной цельной доски; катанки—короткие, с сильно загнутыми концами—для ребячьих забав.

И все-таки, как бы ни нуждались в лыжах наши предки, вряд ли тогда имелись они в каждой семье, вряд ли катание на них превращалось в чуть ли не еженедельный праздник сотен тысяч людей, независимо от возрастов и профессий. Сейчас катаются все. Ну если не все, то большинство. Наша страна, если судить по количеству лыж, приходящихся на душу населения,—самая лыжная в мире. Откуда это массовое увлечение, которое завоевывает все больше и больше сторонников? Специалисты считают, что человек, живущий в городе, стиснутый ограниченным пространством квартиры, цеха, лаборатории, общественного транспорта, как никогда нуждается в активном отдыхе, при котором он физически и психологически был бы раскован. Лучшая форма такого отдыха—прогулка за городом. Но просто прогулка большинство людей, привыкших к ускоренному, уплотненному ритму жизни, не удовлетворяет. Нам и на природе нужны смена ощущений, скорость, физическая встряска. Все это дают лыжи.

Вторая же причина «лыжного бума»—качество производимых нашими фабриками лыж. Да, да, качество! Ведь несколько десятилетий назад коньки пользовались куда большей популярностью, чем лыжи. Почему? Да потому, что на коньках кататься было куда приятнее, чем на тяжелых, неуклюжих лыжах того времени—тут тебе и легкость передвижения и скорость. Но конькам нужен лед, а лыжам только снег, которого зимой сколько угодно на большей части территории нашей страны. Благодаря спортивным конструкторам лыжи становились с каждым годом все прочнее, легче, удобнее.

ДАЖЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК НОВЫЙ ОБРАЗЕЦ УЖЕ СОЗДАН, КОНСТРУКТОРОВ НЕ ПОКИДАЕТ БЕСПОКОЙСТВО ЗА ЕГО КАЧЕСТВО.

ФОРМА И РАЗМЕРЫ КАЖДОЙ ЛЫЖИ ДОЛЖНЫ СООТВЕТСТВОВАТЬ СТАНДАРТУ.

Сейчас ежегодно торговая сеть страны продает почти семь миллионов пар лыж—гоночных, спортивно-беговых, охотничьих (делают и такие), слаломных, прогулочных. А выпуск их все увеличивается. Войдя во вкус этого увлекательного спорта, люди уже не удовлетворяются просто лыжами, пусть даже облегченными; модны пластиковые, с особым прогибом, соответствующим весу человека, его шагу, темпераменту. И специальные КБ ищут новые, научно обоснованные пропорции, линии, состав компонентов, совершенствуют технологию изготовления лыж, очень непростую технологию.

Вряд ли кому-нибудь придет в голову, что каждая пара простых лыж проходит больше ста операций. Что лыжа состоит из нескольких компонентов и порой их число доходит до двух десятков. И вообще, чем их больше, тем лучше—лыжа становится пластичнее, прочнее. Но мы не будем утомлять читателя, рассказывая о каждой из ста операций, остановимся на основных.

И хотя на всех специализированных фабриках (а их у нас более двадцати) технологию применяют примерно одинаковую, мы расскажем о том, как делают лыжи в Таллине, на экспериментальной фабрике «Динамо». Адрес нам помогли выбрать не только спортсмены, но и продавцы магазинов, в один голос заявив, что продукция таллинцев пользуется высочайшим спросом. Не случайно гоночные лыжи «Эстония—Элит» были удостоены золотой медали на международной выставке в Братиславе, на них выиграно множество гонок.

Делают лыжи, как мы уже говорили, в основном из березы. Гоночные клеют для облегчения и из ели и из сосны, но и в них береза—основа. Кряж выбирается не лишь бы какой, а не тоньше 15 сантиметров в диаметре, возраст дерева тоже играет роль: слишком молодое—плохо, старое—тоже, нужно двадцатилетнее, в этот период оно как бы входит в пик своей прочности. Старые мастера предпочитают иметь дело с вологодской, архангельской, калининской древесиной, она и прямее, и сучков в ней меньше, и гибкостью превосходит ту, что ближе к югу растет. Заготавливать кряж лучше зимой, тогда он суше. Кряж сразу же отправляют на фабрику (лежать ему на земле лишнего дня нельзя—отсыреет). Там после распила на доски, а потом на заготовки (каждая от 2 до 2,4 метра) дерево сортируют: первый сорт пойдет на верхние и нижние пластины, второй—на средний клин. И в сушку. Восемь дней потрескивает древесина при 80 градусах в камерах, чтобы отдал лишнюю влагу, зазвенеть потом под сталью тончайших пил. Восемь процентов влажности—и ни долей больше!—должно остаться в заготовках: тогда дерево, сохранив жесткость и гибкость, не потеряет линии и формы, которые придадут ему вскоре прессы.

Сухие заготовки распиливаются на пластины. Из них уже собирается блок—основа лыжи. Тонкое это дело—подбор блока. Собирается он из нескольких пород: в середине идут ель, сосна, на края—липа, на нижний и верхний слои—береза. Только такой подбор обеспечивает надежность и долговечность продукции. Гоночные лыжи, требующие особой прочности, снизу окантовываются грабом, кленом, чикором, чтобы защитить наиболее ранимые места. Высокие требования предъявляются к ели, нужна особая—резонансная, та, что идет на музыкальные инструменты, она придает лыже необходимую эластичность. Потом к среднему клину, состоящему из нескольких пород, приклеиваются верхняя и нижняя пластины, длина которых—это уже длина, соответствующая лыжкам. И все это идет под пресс. В течение нескольких минут лыжа (теперь ее уже можно так называть), подвергнутая термообработке, приобретает заданную форму—носок ее загнут, в середине появляется нужный прогиб.

Итак, полдела сделано, лыжа есть, вернее, полуфабрикат. Влагоморозостойкий клей намертво скрепил между собой разнородное дерево. Разве только при тщательном изучении можно заметить стыки, образовавшиеся между клиньями. Но теперь лыжа—уже единое целое, даже при большом старании ее невозможно разделить на составные части. Для того, чтобы проверить ее на гибкость, эластичность, словом, на прочность, по одной из каждой партии отправляют на специальную установку, которая обходится с лыжей самым немилосердным образом. Несколько десятков тысяч раз под воздействием механической руки лыжа выгибается в ту и другую сторону, потом контролер исследует ее и

ОДНА ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ—ЗАЧИСТКА ПОВЕРХНОСТЕЙ.

дает свое заключение—насколько прочной получилась вся партия.

Опять же особый спрос у контролеров с гоночных лыж, так называемых деревопластиковых, скользящая поверхность которых—пластина из полиэтилена высокой плотности. Они должны выдерживать двойную механическую нагрузку и, как правило, выдерживают, несмотря на то, что внутри, в их сердцевине, прорублены четыре канавки для облегчения. Но пластик, точный подбор сортов дерева, совершенство технологии восполняют прочность клина и наиболее уязвимых мест лыжки, а именно—на начало носка.

Но вот первый контроль дал «добро». И полуфабрикат идет дальше, в обработку. Какое же множество операций уготовано лыжкам на этом этапе—отделка носка и пятки, шлифовка поверхностей, фрезеровка желоба, опять шлифовка, затем грунтовка лаком, сушка, вновь шлифовка, окраска, нанесение надписей способом шелкографии, затем четырехкратная лакировка с промежуточной сушкой, пропитка спецсоставом, полировка и, наконец, ОТК. Сюда лыжи поступают, приобретая вполне товарный вид,—яркие, броских расцветок, с фирменными надписями. Осталось последнее—подобрать каждой пару. Операция простая, но одна из самых ответственных. Лыжи должны совпадать по всем параметрам—от носка до пятки, а главное—длине и высоте прогиба, совпадать точно, без всяких допусков, миллиметр в миллиметр. Если пара подобрана небрежно, настоящий лыжник ощутит это сразу же по несоответствию шагов на снегу.

Тут уместен, пожалуй, совет: хорошие лыжи должны соответствовать весу человека. Установить это соответствие можно, только встав на них. Если нижняя поверхность при этом чуть касается пола или имеет едва заметный зазор—это нормально. На таких лыжах, если смазать переднюю и заднюю часть поверхности скользящей мазью, а середину—держажей, можно без усталости пройти не один десяток километров. Для грузного человека прогиб, следовательно, должен быть больше, чем для легкого. Недалеко то время, когда прямо в магазине, предварительно узнав ваши, так сказать, выходные данные и спортивный темперамент, вам предложат именно то, что нужно, и именно для тех целей, которые вы перед собой ставите, приобретая лыжи.

На таллинской фабрике познакомился я с одним человеком, удивившим меня своей приверженностью профессии лыжного мастера. Без малого четыре десятилетия делает лыжи старейший рабочий фабрики Ян Пранно. Попробовали мы с ним подсчитать, сколько же их прошло через его руки. Так и не сосчитали. Строгал он их еще из цельного бруска, применяя старую, ручную технологию, каждая лыжа весила чуть ли не три килограмма. Хлопотная была работа. Потом появились клееные лыжи. Эти стали полегче, но до нынешнего веса пары лыж, которая тянет едва полтора килограмма, было еще далеко. На тех, первых клееных, выиграл Пранно не один крсс. Впрочем, тут удивительного мало, на фабрике едва ли не каждый работающий—ярый приверженец лыжного спорта. По признанию старого мастера, без любви к лыжкам браться за эту работу не стоит.

— Несчастливые получаются, неходкие,—убеждал он.

Пранно доверяют самые сложные заказы. На его лыжах тренируются наши выдающиеся спортсмены, за ними приезжают из других, тоже «лыжных» городов. А сам он каждое зимнее воскресенье встает на те, самые первые, клееные, старые и тяжелые, к которым привык с юности.

— А какими же будут лыжи будущего?—поинтересовался я во Всесоюзном институте спортивного и туристского инвентаря.

— Разными,—ответил ведущий конструктор отдела зимних видов спорта Виктор Тренни.—Химики, механики-прочности, конструкторы, врачи работают над созданием лыж оптимальных параметров, над их ассортиментом, специализацией, всепогодностью. Это должно увеличить скоростные качества лыж, повысить их прочность. Возможно, появятся укороченные лыжи, облегченные, даже специально женские. Но самое главное, недалеко то время, когда наши фабрики перейдут на изготовление цельных пластиковых лыж, которые практически не изнашиваются и устойчивы к любым механическим нагрузкам...

Что ж, пластиковые лыжи—дело хорошее. Все у них будет—легкость, прочность, простота изготовления, только что сами не едут. Одного разве не будет хватать лыжкам будущего—запах дерева, его теплоты. И поэтому, непременно приобретя пластиковые, я повременю избаловаться от старых, деревянных, пусть стоят себе, где стояли.

СУВОРОВЦЫ

Александр ЩЕБЛАКОВ, Герой Советского Союза. Фото Сергея ВЕТРОВА.

КИЕВСКОЕ СУВОРОВСКОЕ — ОДНО ИЗ ЛУЧШИХ В СТРАНЕ.

Едва стихла артподготовка и последняя оранжевая вспышка озарила передовые окопы противника, из леса, подступившего почти к самой речушке, рванулись боевые машины пехоты. Считанные секунды понадобились подразделению для того, чтобы наискосок, по отмели, пересечь реку и, не сбавляя скорости, взлететь на высокий противоположный берег. Дальше начиналось большое овальное поле, за ним — глубоко эшелонированная оборона «синих». Если бы Радомский не знал этого наверняка, он бы никогда не предположил, что деревня, открывавшаяся слева от поля, аккуратные поленицы дров вдоль заборов, белые длинные строения ферм — всего лишь искусная маскировка, скрывающая бетонированные доты и позиции минометных батарей противника.

Спустившись в неглубокий овраг, подразделение перестроилось во взводные колонны и тремя параллельными клиньями устремилось к деревне. Внезапно из глубины кустарника, черневшего справа у самого края поля, по машинам ударил гранатомет. Одна БМП вспыхнула. Не останавливая атаки, Радомский развернул крайний взвод и с ходу накрыл кустарник огнем орудий.

Подразделение было уже почти у цели, до первых окопов «синих» оставалось не больше восьмисот метров, когда вдруг с задней парты раздался взволнованный шепот:

— Стой, Радомский, там же мины!

Капитан Иохов оторвал взгляд от «поля битвы» — большого, искусно сделанного макета, на котором проигрывалась атака «красных» на позиции противника.

— Кто подсказывает? Тимченко, так. Ну-ка, суворовец Тимченко, скажите нам, в каком порядке отделение преодолевает минное поле после того, как в нем проделан проход?

— Впереди пулеметчик, потом командир...

— Правильно, а вот подсказывать не надо, вам как будущему офицеру должно быть ясно, что в настоящем бою подсказок ждать неоткуда.

— Извините, товарищ капитан.

Тут прозвенел звонок, и урок тактики закончился.

Пожалуй, ни один предмет не вызывает столько эмоций у воспитанников Киевского суворовского военного училища, как военная подготовка. Это вовсе не значит, что на уроках алгебры, химии, биологии или английского они менее внимательны, нет, но военная подготовка для них — начало начал, вступление в армейскую жизнь, которой они решили себя посвятить. На огневом рубеже, в кабинете тактики, на занятиях по строевой подготовке они ощущают себя военными людьми. И потому так велики страсти, которые разгораются во время тактических поединков, развивающих способность быстро анализировать ситуацию, чувство военной логики, командирские навыки.

Понятно, что за два года, которые проводят ребята в училище, не научишься управлять сколько-нибудь крупным

подразделением по-настоящему, тем более что, кроме основ чисто военных дисциплин, суворовцам необходимо в полном объеме освоить школьную программу. Но совсем не случайно воспитанники суворовского, поступающие в военные училища, как правило, назначаются там командирами отделений: к тому времени они хорошо знакомы с воинскими уставами, знают оружие, умеют стрелять, водить машину, ходят в строю не хуже бывалых солдат. К тому же их отличают особая армейская стать, решительность действий, умение дорожить воинской честью, трудолюбие. Все это воспитывает в них суворовское училище.

Здесь с первых дней все по-армейски, все самостоятельно: уборка классов, спальных помещений, территории, хозяйственные работы, дежурство по роте. Трудно только несколько недель. Потом втягиваются. Больше того, это становится необходимостью: вчерашние школьники начинают осознавать себя завтрашними офицерами.

— По своему возрасту они, даже прочувшившись у нас год, остаются подро-

стками, — часто повторяет начальник нашего училища генерал-майор Иван Иванович Кауркин, человек замечательной боевой судьбы, прекрасный педагог, военный практик. — Сознанием же, духом, мерой принятой на себя ответственности они должны стать взрослыми. Такова наша главная цель как воспитателей.

Почти тридцать шесть лет, минувшие со дня основания первых суворовских училищ, в том числе и Киевского, не могли не внести изменений в уклад их жизни, в формы и задачи начального военного воспитания. Созданные по решению Центрального Комитета партии и Советского правительства в трудном 1943 году, они взяли на себя заботу о детях, чьи родители погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Вот выписка из истории Киевского (тогда оно было Харьковским) суворовского училища. «В период с 18 по 20 ноября 1943 года в училище прибыли 415 мальчиков из Харьковской, Ворошиловградской, Воронежской, Тульской и Московской областей. Более половины — 253 мальчика — были сиротами, 39 из них прини-

...ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ.

мали участие в борьбе с фашистами, 9 юных воинов имели боевые награды...»

Прошли годы, и, как и прочие недуги, порожденные войной, ушло в прошлое и массовое сиротство. Число суворовских училищ сократилось, сегодня в них поступают не по необходимости, а по призванию. Поступают те, кто не мыслит себя в дальнейшем вне армии.

Из тысячи с лишним абитуриентов ежегодно в наше Киевского училище поступают триста. Это те, кто показал лучшие знания на вступительных экзаменах по основным дисциплинам, у кого есть опыт работы в комсомоле, соответствующие физические, моральные качества. Те, кто на собеседовании сумел убедить командование и педагогический состав училища в абсолютной серьезности и обдуманности своего решения — в дальнейшем стать офицерами. В семьях многих из них профессия военного — профессия потомственная.

УЧЕБНАЯ АТАКА.

КАБИНЕТЫ ОСНАЩЕНЫ ЛУЧШЕЙ УЧЕБНОЙ АППАРАТУРОЙ.

В УЧИЛИЩЕ ВСЕ ПО-ВОЕННОМУ.

ПЛАМЯ ОЦОВСКОЙ СЛАВЫ.

Знакомясь с личными делами суворовцев, я не раз обнаруживал, что не только их отцы, а и деды были кадровыми офицерами, и ребята сделали свой выбор в жизни задолго до суворовского.

Сложилось так, что мне, участнику Великой Отечественной войны, кадровому армейскому офицеру, несколько лет назад предложили работать заместителем начальника Киевского суворовского училища. Не скрою — согласился не сразу, будущая работа казалась далекой от армии, от того, чем занимался раньше. Но первые же меся-

как я!» В результате взвод всегда лучше всех смотрится на строевом плацу, лучше всех стреляет, имеет лучшие отметки по всем учебным дисциплинам.

У них позади уже полтора года учебы, совместной, исполненной общими волнениями, невзгод, страстей, радостей жизни. Ребята притерлись друг к другу, стали коллективом. Их человеческому сплочению способствовало прежде всего единство интересов, общность нравственных исканий, ответственность, которую они приняли на себя перед обществом. Они достаточно определенно ви-

УРОК ТАКТИКИ.

цы убедили меня в том, что воспитывать военную смену чрезвычайно важно и не менее трудно, чем командовать воинскими подразделениями. И эта работа приносит огромное моральное удовлетворение. Наше училище признано лучшим среди суворовских училищ страны и на протяжении нескольких лет прочно удерживает приз Министерства обороны СССР. В нем сложился прекрасный педагогический состав, родились и окрепли замечательные традиции, которые хранятся всеми поколениями суворовцев.

...Я расскажу только об одном взводе (в училище — армейское деление воспитанников на роты, взводы, отделения), которым командует майор Пирожков. Взвод совершенно типичен по своему составу и считается одним из лучших в училище благодаря настойчивости самих суворовцев и умелой, требовательной работе офицера-воспитателя. Майор Пирожков сумел стать вторым отцом для каждого из 25 своих воспитанников. Тонко чувствующий психологию ребят, подчас очень непростую, он вникает во все мелочи их жизни и учебы, болезненно переживает каждый «неуд» в их дневниках, радуется успехам своих подопечных. Пирожков знает великое множество житейских и военных премудростей: как, к примеру, костер без спичек развести, палатку на ветру поставить, ноги в дальнем походе не стереть. А главное, несмотря на уже немалые годы, Пирожков не уступит никому из своих воспитанников ни в маршброске, ни на огневом рубеже, ни на плацу, ни в спортзале. Такова она, первая заповедь командира: «Делай,

дядя свое жизненное предназначение, и это резко отличает суворовцев от некоторых их ровесников, заканчивающих десятилетку в обычной школе.

В суворовском училище все 45 минут урока — это 45 минут работы, динамичной, сосредоточенной, с расчетом на полную самоотдачу. Редко занятие не начинается с контрольной разминки. Перед каждым воспитанником на столе — заранее приготовленное задание: несколько вопросов и пять вариантов ответа на каждый. На решение дается не больше 5 минут. Писать ничего не надо, достаточно установить в нужное положение переключатели на пультах, смонтированных в столы. Преподаватель, включая систему программированного контроля, может следить за ходом работы каждого воспитанника по своим приборам и выводить оценку на общее табло. Полная автоматизация и объективность. Системыми программированного контроля оснащено большинство кабинетов училища. И вообще мы стремимся максимально использовать все технические новинки для научной организации учебного процесса.

В соединении с немалым педагогическим опытом ведущих преподавателей училища, таких, как Мишин, Сулима-Самойлов, Капочинская, Макаров, Барикун, Гапонова, Демченко и другие, НОУЧ (научная организация учебного процесса) дает прекрасные результаты. При поступлении в высшие военные учебные заведения выпускники Киевского суворовского показывают (как утверждают авторитетные комиссии) отличные знания по всем предметам.

Хотя в шестнадцать лет мало у кого богатая биография (школа, комсомол, училище), что-то в судьбах ребят уже различается. Например, доучилищный «военный стаж». Вице-сержант, заме-

ститель командира взвода Александр Пиво (о нем говорят: «Первый среди равных») вырос в военном городке, с тех пор, как помнит себя, мечтал стать офицером. С детства он впитывал в себя армейскую терминологию, к школе наизусть знал основные команды, разбирался в воинских званиях, по шуму мотора мог отличить танк от самоходной установки. Он немного застенчив, но в критических ситуациях решителен и тверд. Как-то в летних лагерях на очередных учениях взвод, пройдя пятнадцать километров, совершенно вымотанный физически, оказался вблизи от «противника». Саша велел построиться и привести в порядок оружие: «Будем атаковать!» И, глядя на него — веселого, какого-то очень прочного, сильного, как будто и не было изнурительного марша по болотам и раскисшим от дождей проселкам, — все тоже повеселели, подтянулись... И они стремительно ринулись в атаку следом за своим командиром, первым ворвавшимся в окопы «противника».

У Саши впереди общевойсковое, он решил это давно и твердо.

А вот Василий Гальперин определился в своем выборе не сразу. До седьмого класса манила его артистическая стезя, даже тайно репетировал перед зеркалом монологи. Но вдруг ворвалась в его мальчишескую жизнь увлекательная игра «Зарница», познакомился Вася с первым своим военным наставником — капитаном Юрием Константиновичем Пановым. Этот человек сумел передать мальчику свое понимание долга мужчины перед Родиной, стремление стать офицером, таким, как он сам. Гальперин — лучший стрелок в роте. Несколько месяцев назад представительная военная комиссия была просто поражена его результатами на стрельбище.

Через книги, перечитывая любимые из них — о летчиках, разведчиках и моряках — по несколько раз, пришел к своему призванию Олег Бессонов, невозмутимый, тихий, сосредоточенный паренек, мечтающий о летном училище. А Юрию Павелко, комсору взвода, статному, громоглазному, категоричному в суждениях, пришлось довольно долго перебарывать сопротивление родителей, людей, далеких от армии, видевших в сыне будущего конструктора или по крайней мере врача. Другой, послабее духом и мечтой, сдался бы, а он на своем стоял крепко — буду военным. Прямота, жизненная энергия, убежденность сделали Юрия комсомольским вожаком в училище. Но для того, чтобы за тобой шли, верили в тебя, особенно сверстники, нужна еще фантазия. Павелко ее имеет.

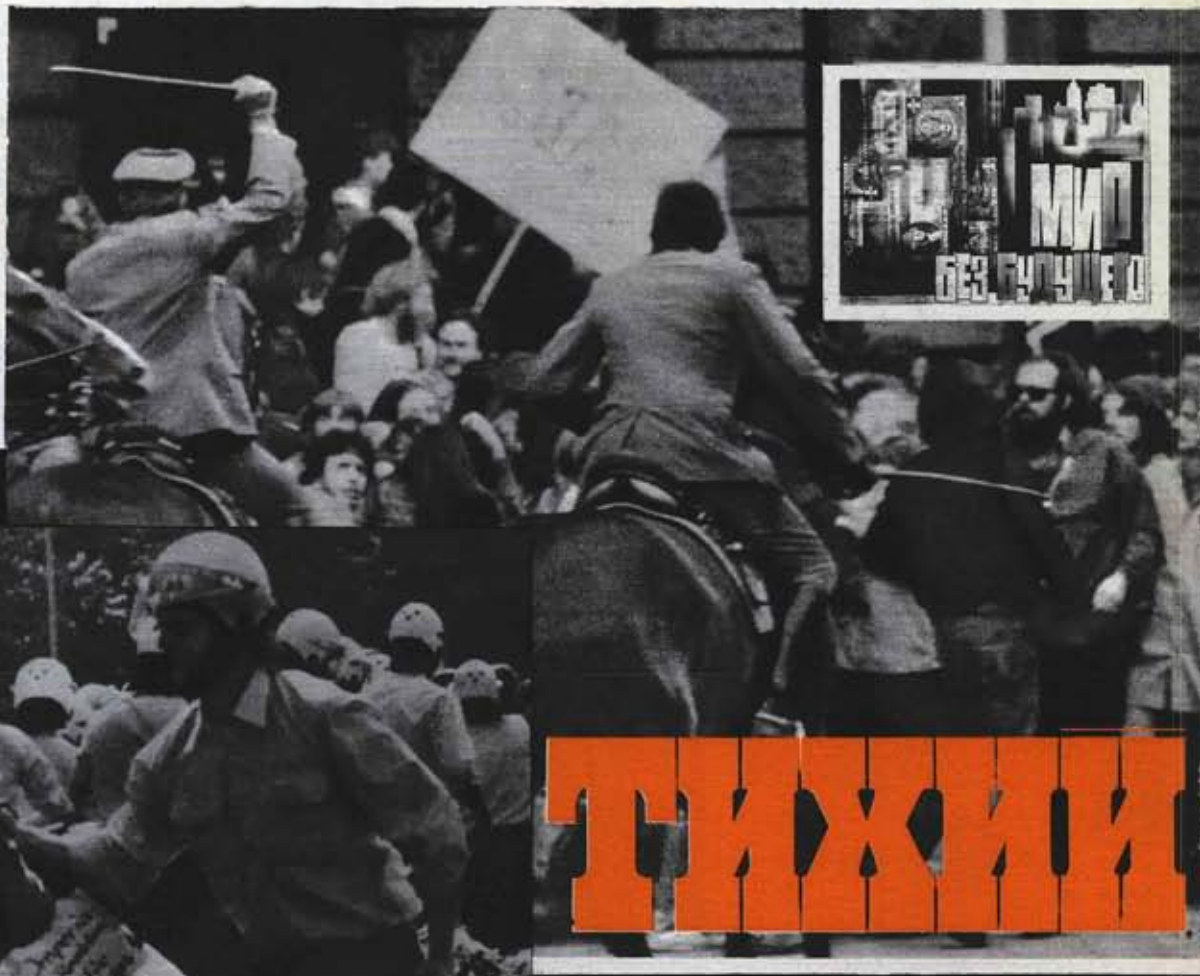
Максимально насыщен день в училище, все рассчитано по минутам: занятия, секционная работа, самоподготовка, общественные нагрузки, служба... Но все же, как и у солдата, есть у суворовца «время личное».

Вот в такие минуты Павелко может подойти к доске и нарисовать силуэт самолета, к примеру, ЯК-3, и предложить товарищам назвать основные его характеристики. Интересно? Да. И как военным людям полезно. В слове «военным», с их точки зрения, нет никакой натяжки. Они давно уже мысленно видят себя военными. Олег Фролов — военным инженером, Мирослав Еремеев — десантником, Сергей Шатохин — военным журналистом, Борис Смоленский — политработником.

От кого-то я услышал, что суворовское училище, дескать, отнимает у ребят частичку детства с его непосредственностью, озорством, беспечностью. Да, что-то из этого, бесспорно, уходит из их жизни, но не во благо ли это им самим, готовящим себя к жизни нелегкой, во всем подчиненной военному порядку, наполненной тревогами, но все же счастливой. Счастливой самим предназначением — оберегать жизни своих сограждан, покой своей земли от незваных «гостей», от самых больших бед человеческих — войн и смерти.

НЕОНАЦИЗМ—
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ
ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ?
ОБ ЭТОМ СПОРЯТ,
ОБ ЭТОМ РАЗМЫШЛЯЮТ
НЕ ТОЛЬКО
В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ...

Фото из журнала «Штерн».

Юрий МАКАРЦЕВ,
собственный корреспондент
«Комсомольской правды» в ФРГ.
Специально для «Смены».

Проснулся я от пронзительного крика. Крик этот захлебнулся на самой высокой ноте, заглушил его нервный вой полицейских машин. Рядом с отелем, где я остановился, явно происходила драка. Когда я выскочил на улицу, то уже не обнаружил никаких следов столкновения. Но было ясно, где искать продолжение «нервного утра».

Я пересек сквер с любопытной по архитектурному исполнению и потому знаменитой в городе водонапорной башней посредине. (В этот день ее высокие ступени станут переполненной трибуной для зевак.) Да, это здесь, в центре Маннгейма, в эти ранние часы уже созрел конфликт. Около трехсот молодых людей выстроились вдоль проезжей части улицы, будто намереваясь ее перейти. Светофор вспыхивает зеленым цветом раз, другой, третий. С десятков смельчаков делают шаг вперед и тут же шупают каблуками кромку тротуара, пятятся, ибо лошадиные копыта чуть не наступают им на ноги. Толпа пухнет на глазах. В ней уже около тысячи человек, но никак молодым людям не удается преодолеть полосу дороги шириной всего в несколько метров. Раненная собственным бессилием, толпа кричит...

Примелькавшаяся картина западногерманской действительности: толпа и полицейское войско. Чем не войско? Впереди — конные, обороняющие свободную от автомобильного движения проезжую часть дороги. Под их прикрытием свыше тысячи полицейских, вооруженных дубинками и пистолетами, сомкнули строй. Пластмассовые прозрачные щиты пока сложены у ног. Так блюстителям порядка до вечера стоять лицом к лицу с молодыми и беспокойными гражданами города Маннгейма.

Реальная композиция из полицейских и гражданских костюмов с прозрачным смыслом. Одни, молодые, хотели бы ринуться и разгромить то, чего быть не должно. Другие, полицейские, мобилизованные в воскресный день на сверхурочную работу, не жалея живота, готовы защищать то, чего не должно быть.

В здании, за спиной у полицейских, в одном из залов «Розенгартена» через полчаса откроется съезд неонацистской национал-демократической партии (НДП) земли Баден-Вюртемберг. Делегаты и гости съезда не торопясь, с написанной на лицах дежурной радостью, просачиваются через полицейский контроль. И я решил попробовать пройти вместе с ними...

Национал-демократическую партию в ФРГ называют наиболее значительной политической организацией неонацистов. Образованная в 1964 году, она уже вскоре имела своих представителей в земельных парламентах, а при выборах в бундестаг в 1969 году НДП получила больше миллиона голосов избирателей. В семидесятых годах влияние НДП сильно упало, объясняют это активными выступлениями прогрессивных и антифашистских сил. Власти ФРГ часто подчеркивают, что, мол, нацизм в стране не представляет никакой опасности. В отчете ведомства по охране конституции (тайная полиция.—Ю. М.) за 1977 год указывалось, что в «области правого экстремизма налицо тенденция к спаду». При такого рода утверждениях, разумеется, прежде всего имеется в виду НДП, насчитывающая что-то около 11 тысяч членов. Ну что это за партия? Персонал иного предприятия больше! Однако печатный орган НДП «Дойче штимме», если его почитать внимательно, дает понять, что национал-демократы имеют «серьезные» намерения: «Когда мы победим, итоги второй мировой войны будут пересмотрены... И тогда держать ответ

тем, кто санкционировал своей подписью раздел Германии».

Впрочем, в тот воскресный день не приходилось вспоминать «старые цитаты» для того, чтобы понять, кто собирался в Маннгейме. Фасад здания кричал словами лозунга: «Германия—это больше, нежели ФРГ». Так смотрели на вещи в этом мире «они».

Я пересек на «зеленый» проезжую часть улицы и протянул полицейским свое удостоверение аккредитованного в ФРГ журналиста. «Смотри, русский»,—удивленно зашептались возле меня. Сумку, в которой лежали диктофон и сигареты, тщательно осмотрели, и только после этого полицейские разрешили мне пройти к парадному подъезду.

Тут уже начинались «они». Это была «их» территория. Высокорослые, уверенные в себе парни с повязками дежурных загораливали дорогу. Но теперь и они выглядели смущенными. Мое удостоверение начало ходить по рукам и преодолело порог здания раньше меня самого. Неожиданный и незванный гость, я стоял на ступеньках и ждал. Наконец появился человек среднего роста и средних лет с залысинами на голове и взялся все уладить.

—Вы по связям с прессой?—спросил я у «хозяйина», пока мы поднимались по лестнице вверх.

—Член правления партии.

Немаленький человек! Надо сказать, он мне помог самым добросовестным образом. Куда-то исчезал, консультировался с кем-то, возникал снова и всегда улыбался. Наверху, уже перед самым входом в зал заседаний, мой аузвайз (удостоверение) опять на время уплыл из рук. Документ вернулся на сей раз с листочком бумаги, на котором стояли написанная от руки моя фамилия и печатная латинская буква «В». С этим «суперудостоверением» я и прошел в зал съезда НДП.

Первым делом меня представили заместителю председателя партии, который, разумеется, уже был оповещен о вступлении советского корреспондента в «священные чертоги».

— Не помешаю?—спросил я.

— Мы свободная страна,—не моргнув глазом, ответил он.

Это означало, что они считают себя естественной

АНТИФАШИСТЫ МАННГЕЙМА ТРЕБУЮТ: «СЪЕЗД НДП—ВОН!» НО... ПОЛИЦИЯ ФРГ БДИТЕЛЬНО И СТРОГО ЗАЩИЩАЕТ ТО, ЧТО ЗДЕСЬ ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ «ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ». В ДАННОМ СЛУЧАЕ—«ПРАВО» НЕОНАЦИСТОВ НА СБОРИЩЕ ПОД ЛОЗУНГАМИ РЕВАНША.

частью западногерманской демократии, политической силой, рассчитывающей сыграть в обществе свою роль. Право, их понимание своего места в стране как-то не вязалось с выкриками уличной толпы: «Наци, вон из Маннгейма!»

Тем временем в «ложу прессы» принесли еще один столик на две персоны. Теперь ложа выросла до размеров двух столов и четырех посадочных мест. Я оказался четвертым, а кроме меня, искали здесь материал для своих изданий корреспондент местной хайдельбергской газеты, корреспондент журнала «Штерн» и заезжий датский радиожурналист. Только непонятно было, зачем нас посадили всего в одном метре от трибуны для выступлений, на виду у всего зала. Но тут же все прояснилось. Так надо было, чтобы делегаты думали: мы тоже не «какие-нибудь», нас почтила своим присутствием пресса.

Но вот съезд неонацистской НДП земли Баден-Вюртемберг начался. Однако машина, не успев набрать обороты, остановилась. За спиной у первого оратора, в двух шагах от меня, выросла фигура председателя партии. «Камераден,—сказал он в микрофон,—есть сообщение криминальной полиции. Угрожают подложить в наш зал бомбу...» Услышав это, один из журналистов покинул нашу ложу и перешел на балкон.

Но делегаты не ринулись из зала сломя голову, они твердо рассчитывали на защиту полиции.

Среди делегатов было немало молодежи. Правда, в основной массе это был народ зрелый, в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Были, конечно, и постар-

шее. Многие, одетые неброско, вроде бы и во внешнем поведении на первый взгляд не подчеркивали свою «особенность». Да как будто и вся обстановка съезда ничем не выдавала присутствия в зале правых радикалов. Потом я слышу в этом зале: «Ну, какие мы радикалы—мы патриоты Германии...» И этих-то тихих людей, их собрание рвалась разгромить толпа?

Председатель партии, человек лет тридцати пяти на вид, с ухоженной бородкой, энергичный и легкий, управляя машиной заседания, все больше и больше воодушевлялся. На трибуне лицо его совсем раскраснелось от возбуждения. Он оказался искусным оратором. Его программная речь выглядела скорее жалобной, нежели воинствующей...

Национал-демократы, говорил он, живут в обстановке клеветы и непонимания. Пресса, мол, искажает сущность целей партии. Нам приклеен ярлык неонацистов, хотя таковых надо искать в других партиях ФРГ. А мы, дескать, партия патриотов, которых возмущает болтовня правительственных и политических лидеров. Национал-демократов, как и весь народ, тревожат рост безработицы, загрязнение окружающей среды, состояние демократии и свободы... Слово «товарищество» звучало в устах председателя трепетно, звало к доверию, к единению рядов.

Обстановка съезда как бы подтверждала существующий официальный тезис о партии, сила которой убывает. Согласно данным ведомства по охране конституции, в ФРГ насчитывается около 150 неонацистских и правозащитных группировок, в них в 1977 году состояло около 20 тысяч человек. Среди них есть и объединения полувоенного характера типа «стрелкового клуба Бухолт» или «военно-спортивной группы» Карла Хайнца Хофмана из Нюрнберга.

Этим летом молодому журналисту из журнала «Элан» Юргену Поморину удалось втереться в доверие к гамбургским неонацистам, входящим в организацию «Фронт действий национал-социалистов». Четыре месяца молодой журналист был на короткое с «коричневыми», пользовался доверием фюрера—22-летнего Михаэля Кюнена, бывшего лейтенанта высшей школы бундесвера, уволенного из нее после очередного общественного скандала когда подвыпившие офицеры школы устроили «символическое

сожжение евреев». «Фронт действий», рассказывает Юрген Поморин в недавно вышедшей книге «Неонацисты», не сидит сложа руки. Молодчики пачкают стены домов нацистскими символами, оскверняют могильные плиты, устраивают провокации против антифашистов, и все это происходит на глазах у властей. В доверительных беседах с Юргеном члены банды поведали: наши ряды пополняются и за счет молодых национал-демократов (молодежная организация НДП).

Что ж, мне удалось поговорить с делегатом съезда, председателем молодых национал-демократов земли Баден-Вюртемберг Рудольфом Энслином.

— Велика ли молодежная организация?

— По стране она насчитывает пять тысяч человек, но сколько еще молодежи, которая одобряет наши цели и нам помогает! К нам не все идут, потому что боятся потерять работу.

— Что-то не слышно в ФРГ о «запретах на профессии» для национал-демократов. С коммунистами, марксистами, даже с социал-демократами такое случается часто. Месяцами иные жертвы ждут от судов решений о праве «возстановления на работу». Что же касается неонацистов, то вот вам только один пример. Административный суд в Маннгейме пришел к выводу, что «принадлежность к НДП не влечет за собой подозрений в нелояльности к конституции».

— А цель вашего молодежного союза?

— Знакомить молодых людей с идеями НДП, вовлекать юношей и девушек в наши ряды.

— Вы ведь не только культурно отдыхаете вместе?

— Да,—воодушевляется Рудольф,—мы готовимся к выборам в земельные парламенты, обсуждаем, как использовать любой шанс для завоевания позиций в ландтагах.

— Как вы относитесь к тому, что вас в ФРГ называют неонацистами?

— Это надо еще доказать.

— Ну, а ваш лозунг, что висит на фасаде здания и в зале: «Германия—это больше, нежели ФРГ»—разве он не реваншистский?

— По моему мнению и по моему, это было подтверждено решением федерального конституционного суда в городе Карлсруэ, разделении Германии, возникшее после второй мировой войны, не является окончательным. Это временная оккупация немецких областей. Наша цель—воссоединение Германии на основе свободы и права всех немцев на самоопределение. ФРГ—это только часть того, что временно прекратило свое существование...

Хотя он волнуется, отвечая на вопросы, но чувствует, что это одержимый молодой человек. Не похоже, что он из партии, которая умирает. Мы беседуем, стоя у окна. Мы видим полицию. Видим множество людей, протестующих против неонацистского собрания. Некоторые стоят с утра. Протесты соотечественников не смущают моего собеседника. Я думаю, что, может быть, перед глазами его в эту минуту стоит «родная» статистика, которая и придает ему силы, внушает бодрость. Число эксцессов со стороны правых радикалов по сравнению с 1975 годом в прошлом году удвоилось. Печатная пропаганда неонацистов всех мастей набирает размах. Они издают сто девять газет, журналов, бюллетеней общим тиражом около двухсот тысяч экземпляров. Они планируют создать в ФРГ даже собственную службу информации. В Гамбурге уже вышло первое издание бюллетеня, содержащего материалы «Об истории нацистского движения после 1945 года». А ведь, согласно параграфам уголовного кодекса ФРГ, в стране запрещено и наказуемо распространение публикаций, пропагандирующих идеи бывших нацистских организаций.

Что же происходит? Упомянувшиеся выше издательства работают на всю катушку, «вписываясь в законы» страны. Я сам слышал, находясь в зале съезда НДП, как здесь много раз звучали обращения к конституции ФРГ, которая, по мнению национал-демократов, дает им право на жизнь и политическую деятельность. Таковы два взаимоисключающих и в то же время уживающихся вместе лица западногерманского правопорядка.

Примечателен сам факт, что меня пустили на съезд национал-демократов. Но ведь пустили, любезно опекали, потому что национал-демократам сегодня важно утвердиться в глазах общественного мнения. Мол, мы такая же легальная организация, как и другие партии. Мол, мы действуем на основе легальных методов, мы «вытекаем» из принципов нашей демократии, мы... И этим они еще более опасны, чем духовно им близкие организации, действующие полуподпольными методами.

Мой сосед по «ложу прессы», буржуазный журналист, что-то подчеркивает на листке, протягивает мне. Это листок с предложениями, вынесенными на обсуждение съезда. Что же в них? Иностранцам рабочим, живущим в ФРГ, никаких льгот, никаких премий. Детей «гастарбайтеров» изолировать в спе-

циальные национальные классы, убрать подальше от немецких ребятишек.

Кто с такого рода националистических шуточек начинал и чем все это закончилось, мир знает. Мир это почувствовал, заплатив миллионами человеческих жизней.

Но, пожалуй, пора посмотреть, что делается на улице. Покидаю зал, дежурные прилипли к окну, наблюдая за маневрами толпы и полицейских. Людей там, на улице, уже, верно, за тысячу. Меня опять сопровождает «их» человек, тот самый—по связям с прессой.

— Вам не обидно слышать то, что скандирует толпа?—спрашиваю я.

— Несправедливостей в мире хватает,—хладнокровный ответ.—У нас ведь нет ничего общего с национал-социалистами.

— Как вы все-таки расцениваете этот общественный протест?

— Он заставляет нас задуматься... и работать.

Мы подходим к книжному прилавку. «Хозяин» щедро одаривает меня «своими» книгами, «своей» съездовской атрибутикой. Получаю марки с изображением территорий ФРГ, ГДР, Австрии и надписью: «Мы единый народ». Они вполне достойны того, чтобы на них взглянуть с точки зрения международного права. Подобную «филателию» можно квалифицировать как международную провокацию.

А вот овал, выполненный как наклейка для автомобиля. На нем изображение тех же трех государств и два броских слова: «Немецкий рейх». Так называется у национал-демократов бывший третий рейх.

«Хозяин» протянул мне несколько выпусков журнала «Мут» («Мужество»). Читаю, разглядываю снимки нацистских времен. Подборка материалов называется «Так делал Гитлер». Текст прозрачный, выдающий ностальгию по дням умершим: «Тогда Гитлер нуждался в семи миллионах немецких рабочих—почему сегодня не удается занять миллион безработных?»

Сидящие в зале люди явно требуют серьезного к себе отношения. Ничего, что их ряды числом невелики (впрочем, кто точно скажет?) и сами они пока не угрожают никому вслух, как молодчики из иных неонацистских организаций. В тихом омуте... Ведь ни для кого в ФРГ давно не секрет, что эти люди стали прямыми наследниками идей национал-социалистов.

Портрет законченный: они отрицают историческую вину Гитлера, требуют амнистии фашистским преступникам, выдвигают территориальные реваншистские притязания. Возмущаясь вслух современной действительностью, которая, по их мнению, возвращает и разобщает молодежь, они выдвигают идеал авторитарного государства, где будет покончено с беспорядками, где левые окажутся разгромленными и вся организация жизни обретет привычные—по «добрым старым временам»—формы...

Вот, собственно, кто они.

Известно озабоченное письмо председателя СДПГ В. Брандта канцлеру ФРГ Г. Шмидту об активизации неонацистских группировок в стране. Оно замечено мировой прессой. Известны требования коммунистов и других антифашистов. Ведя последовательную борьбу с коричневыми, антифашисты, демократы предупреждают: искоренить их можно только путем соответствующих изменений в западногерманском законодательстве. Запрета неонацистских групп, группировок сегодня все настоятельнее требует прогрессивная общественность ФРГ.

Тот день в Маннгейме ничего нового для понимания глубины проблемы не принес. Проблема известна, оттого в печати о событии появилось крайне мало сообщений. И касались они в основном столкновения демонстрантов с полицией. Журнал «Штерн» дал со съезда всего одну страничку, в основном снимки.

«Маннгейм,—говорится в невольном журнальном репортаже,—пережил «кровоное воскресенье». А ведь за отмену неонацистского съезда антифашисты боролись всеми силами. Власти рассудили по-своему...

К вечеру толпа перед зданием составляла, вероятно, более двух тысяч человек. Далеко не всех сюда позвали гражданские чувства и убеждения. Многие явились, рассчитывая увидеть зрелище. Стихийный протест мог обернуться какими угодно неожиданно.

Молодежь в толпе кричала полицейским: «Защитники нацистов!» Блюстители порядка молчаливо сносили заслуженные оскорбления. Но были начеку.

Вдруг кони и люди смешались. Войско перешло в наступление. В воздухе замелькали дубинки, обрушиваясь на головы демонстрантов. В двух шагах от меня полицейские тянули парня за руки и за волосы. Его бросили животом на железную ограду. Наверняка сделал парня калекой, полиция отомстила толпе за словесные оскорбления.

Был уже вечер. Там, в здании, принимались решения «тихой» партии, готовой продолжать дела вчерашних вершителей судеб «немецкого рейха».

ОМУТ

ше. Многие, одетые неброско, вроде бы и во внешнем поведении на первый взгляд не подчеркивали свою «особенность». Да как будто и вся обстановка съезда ничем не выдавала присутствия в зале правых радикалов. Потом я слышу в этом зале: «Ну, какие мы радикалы—мы патриоты Германии...» И этих-то тихих людей, их собрание рвалась разгромить толпа?

Председатель партии, человек лет тридцати пяти на вид, с ухоженной бородкой, энергичный и легкий, управляя машиной заседания, все больше и больше воодушевлялся. На трибуне лицо его совсем раскраснелось от возбуждения. Он оказался искусным оратором. Его программная речь выглядела скорее жалобной, нежели воинствующей...

Национал-демократы, говорил он, живут в обстановке клеветы и непонимания. Пресса, мол, искажает сущность целей партии. Нам приклеен ярлык неонацистов, хотя таковых надо искать в других партиях ФРГ. А мы, дескать, партия патриотов, которых возмущает болтовня правительственных и политических лидеров. Национал-демократов, как и весь народ, тревожат рост безработицы, загрязнение окружающей среды, состояние демократии и свободы... Слово «товарищество» звучало в устах председателя трепетно, звало к доверию, к единению рядов.

Обстановка съезда как бы подтверждала существующий официальный тезис о партии, сила которой убывает. Согласно данным ведомства по охране конституции, в ФРГ насчитывается около 150 неонацистских и правозащитных группировок, в них в 1977 году состояло около 20 тысяч человек. Среди них есть и объединения полувоенного характера типа «стрелкового клуба Бухолт» или «военно-спортивной группы» Карла Хайнца Хофмана из Нюрнберга.

Этим летом молодому журналисту из журнала «Элан» Юргену Поморину удалось втереться в доверие к гамбургским неонацистам, входящим в организацию «Фронт действий национал-социалистов». Четыре месяца молодой журналист был на короткое с «коричневыми», пользовался доверием фюрера—22-летнего Михаэля Кюнена, бывшего лейтенанта высшей школы бундесвера, уволенного из нее после очередного общественного скандала когда подвыпившие офицеры школы устроили «символическое

сожжение евреев». «Фронт действий», рассказывает Юрген Поморин в недавно вышедшей книге «Неонацисты», не сидит сложа руки. Молодчики пачкают стены домов нацистскими символами, оскверняют могильные плиты, устраивают провокации против антифашистов, и все это происходит на глазах у властей. В доверительных беседах с Юргеном члены банды поведали: наши ряды пополняются и за счет молодых национал-демократов (молодежная организация НДП).

Что ж, мне удалось поговорить с делегатом съезда, председателем молодых национал-демократов земли Баден-Вюртемберг Рудольфом Энслином.

— Велика ли молодежная организация?

— По стране она насчитывает пять тысяч человек, но сколько еще молодежи, которая одобряет наши цели и нам помогает! К нам не все идут, потому что боятся потерять работу.

— Что-то не слышно в ФРГ о «запретах на профессии» для национал-демократов. С коммунистами, марксистами, даже с социал-демократами такое случается часто. Месяцами иные жертвы ждут от судов решений о праве «возстановления на работу». Что же касается неонацистов, то вот вам только один пример. Административный суд в Маннгейме пришел к выводу, что «принадлежность к НДП не влечет за собой подозрений в нелояльности к конституции».

— А цель вашего молодежного союза?

— Знакомить молодых людей с идеями НДП, вовлекать юношей и девушек в наши ряды.

— Вы ведь не только культурно отдыхаете вместе?

— Да,—воодушевляется Рудольф,—мы готовимся к выборам в земельные парламенты, обсуждаем, как использовать любой шанс для завоевания позиций в ландтагах.

— Как вы относитесь к тому, что вас в ФРГ называют неонацистами?

— Это надо еще доказать.

— Ну, а ваш лозунг, что висит на фасаде здания и в зале: «Германия—это больше, нежели ФРГ»—разве он не реваншистский?

— По моему мнению и по моему, это было подтверждено решением федерального конституционного суда в городе Карлсруэ, разделении Германии, возникшее после второй мировой войны, не является окончательным. Это временная оккупация немецких областей. Наша цель—воссоединение Германии на основе свободы и права всех немцев на самоопределение. ФРГ—это только часть того, что временно прекратило свое существование...

„КЛАВЕСИН ДЛЯ ЗРЕНИЯ“ И КОМПЬЮТЕРЫ

Генрих ГУРКОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Специальные корреспонденты «Смены».

«Океан высоких кристально чистых нот плескался сияющим, необычайно могучим, радостным синим цветом. Тон звуков все повышался, и сама мелодия стала неистово крутящейся, восходящей спиралью, пока не оборвалась на взлете, в ослепительной вспышке огня.

Симфония кончилась...»

*И. Ефремов,
«Туманность Андромеды».*

«Уважаемый товарищ! ЦК ВЛКСМ, Татарский обком ВЛКСМ, Центральное правление НТОРЭС им. А. С. Попова и Казанский авиационный институт планируют провести в июне—июле 1979 года в Казани Всесоюзную школу молодых ученых «Свет и музыка». Будут работать пять секций: «Эстетика» (теоретические аспекты светомузыки); «Скрябин, Чюрленис» (история отечественной школы светомузыки); «Техника» (конструирование светомузыкальных устройств); «Функциональная светомузыка» (прикладное применение светозвукового синтеза); «Цветной слух» (психофизиологические аспекты светомузыки)».

*Из приглашения,
разосланного в 500 адресов.*

«— Слава богу, среди вас нет фанатиков... Вы молодцы! Рационалисты, а не психи,— сказала журналистка.— В этом залог вашего будущего.

Вот тебе на—нет фанатиков? Как раз в то самое время ребята, оставшись одни на все лето в пустом институте, строили установку «Прометей-2». И сделали ее—громоздкую, как троллейбус,— как песню пропели, в одно дыхание...»

*Из статьи Булата Галеева
«Искусство светящихся звуков».*

...Комната напоминала выпотрошенный телевизор или разгромленный радиомагазин: в пространстве, хаотически опутанном всевозможными проводами, сплетенными в немислимый, несусветный гордиев узел, тут и там торчали какие-то предметы, имеющие отношение к электронике и радиотехнике.

— Руст, ну что там у тебя?— ворчли-

АККОРДЫ СВЕТОМУЗЫКИ.

**СКБ «ПРОМЕТЕЙ»— ЭТО МЫСЛЬ,
ВДОХНОВЕНИЕ, ПОИСК. И— ТРУД,
ТРУД...**

во спросил Галеев. Глаза у него чуть воспаленные, но взгляд не усталый, а, наоборот, острый, пылкий, с умной грустинкой этакой.

Сайфуллин нажал кнопку. Оркестр заиграл. А на портативном экранчике, реагируя на музыку и соединяясь с ней, задвигались, заиграли, завращались, запрыгали цветовые пятна, блики, геометрические фигуры, непринужденно и весело менявшие формы.

Мы постояли, послушали, посмотрели. Рядом рыжий паренек, склонившись к тискам, сосредоточенно что-то пилил.

— Эту установку мы делали для оператора, работающего в условиях сенсорного голода,— сказал Галеев.— Представьте себе: замкнутое пространство, человек в нем продолжительное время находится—контролирует, предположим, работу той или иной системы. Монотонность его и раздражает и убаюкивает. Светомузыкальный индикатор, с одной стороны, вредные последствия сенсорной изоляции ликвидирует, с другой—быстроту реакции оператора повышает. Возникла аварийная ситуация, индикатор даст знать и звуковым сигналом и световым.

Мне показали, как это происходит. Завыл тревожно и резко динамик, замелькали на экране сполохи огня...

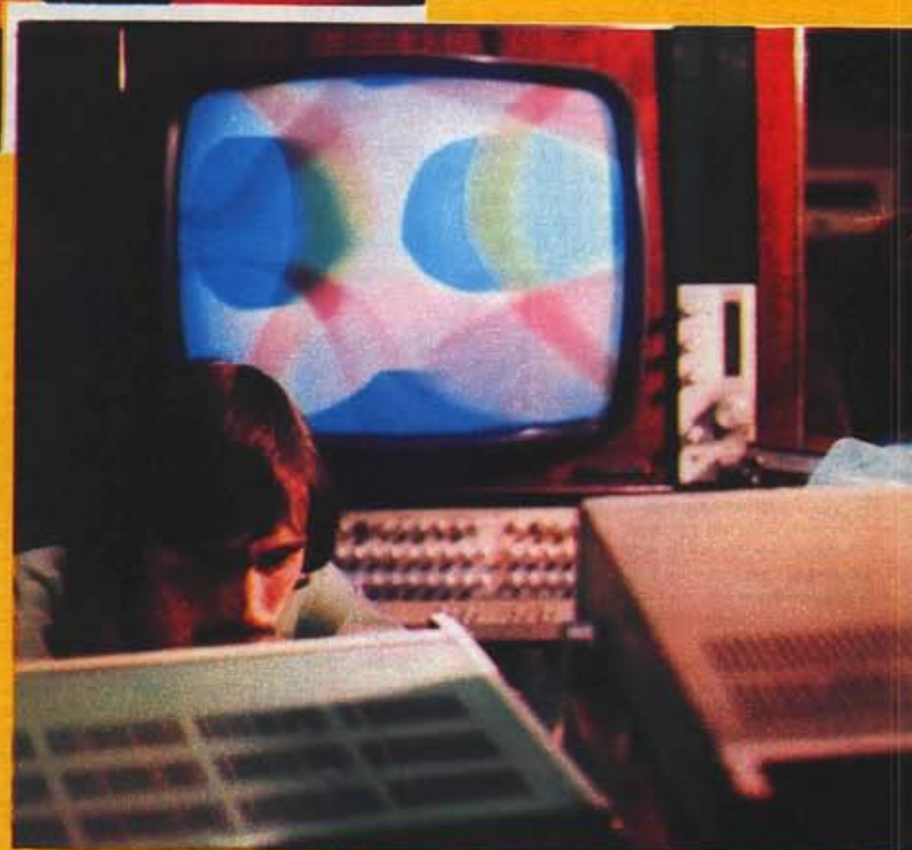
— У нас сегодня портфель заказов внушительнее, чем у иного НИИ приличных масштабов,— почему-то мрачно-то произнес Галеев. Помолчал. Потом уточнил:

— В последнее время серьезных заказов больше, много больше стало, но все еще давит, к сожалению, светомузыкальный ширпотреб. Многие считают: присоединил к усилителю несколько разноцветных лампочек, вот тебе и светомузыка. Монтируй, где придется и как придется...

Снова помолчал.

— Коммерцией мы, естественно, не увлекаемся. Однако о том, чтобы не быть в институте иждивенцами, думаем...

«Я хочу, чтобы были симфонии огней. Это поэма огня... Вся зала будет в

переменных светах... Вся музыка и все вообще должно быть погружено в этот свет, в световые волны, купаться в них...»

Так писал Скрябин, создавший в 1910 году первое светомузыкальное произведение—симфоническую поэму «Прометей». В партитуре обозначен инструмент, который должен был исполнять световую строку «Luce»: «Световой орган».

...В апреле 1962 года студенты и преподаватели Казанского авиационного института и консерватории провели впервые в СССР концертное исполнение «Прометей» с партией «Luce».

«Мы с нежностью и умилением вспоминаем пульт нашей установки «Прометей-1» с автотрансформаторами, из которых сыпались искры и несло горелым маслом; огромный, во весь зал, экран... из папирсной бумаги...»

Это опять Галеев.

«Во время исполнения свет в зрительном зале был выключен, белый экран позади эстрады и поверх голов музыкантов был испещрен пятнами и полосами света различных оттенков, которые не имели никакой связи с музыкой...»

Скрябин, возможно, работал в иллюзии, которая обычна для всех вырождающихся невропатозов, а именно, что он расширяет границы искусства. Может ли читатель лучше понять поэму или исследование, если он сидит на гвоздях или стоит на горячей печке? Подобным образом вспыхивающие и беспоконные краски мешают сосредоточенному вниманию при слушании музыки».

Рецензия, слова из которой я процитировал, появилась не в шестьдесят втором и не в Казани. Ее написал американский музыкальный критик после первого в мире исполнения «Прометей» со световым сопровождением. Было это в 1915 году в Нью-Йорке. С тех пор у светомузыки друзей прибавилось, но и оппонентов да и просто хулителей не убавилось, и полемика далеко не всегда бывает деловой. Случается—и до сегодняшнего дня, увы,—просто ругательной...

Города, как и люди, интересны своей неповторимостью. Память и блокнот зафиксировали приметы Казани—то, что видел, о чем слышал.

— А малиновый звон на Спасской башне Кремля тебе там показывали?—спросил один из друзей уже в Москве.

Так и спросил: «Звон показывали?»

Тоже работа Галеева и его единомышленников...

Сожалее, не видел.

Не заиграл, не зазвучал «малиновый звон» в дни, что я провел в Казани. Почему, не знаю. Утверждают, что все было в порядке, пока «прометеевцы» сами и за исправностью аппаратуры следили, и лампы в прожекторах меняли, и все остальное, что требовалось, делали. Ну, а сейчас так случается, что те люди в городском хозяйстве, кому «малиновый звон», так сказать, в должностные обязанности вменен, его порой чем-то иным подменяют, тоже имеющим отношение к звону или, если точнее говорить, к пустозвонству. Вот и умолкают тогда колокола и гаснет сказочное сияние на Спасской башне Казанского Кремля...

Нет, малиновый звон я не видел. А вот другое произведение галеевской неутомимой команды—да, смотрел. Называется оно так: «Динамическое освещение здания Казанского цирка с реактивным на состоянии среды». Красиво? Я бы сказал, любопытно, впечатляюще, необычно. Меняется ли температура, начинается ли дождь, усиливается ли

ветер, и, воспринимая эти перемены, улавливая дыхание природы, мерцает в огнях огромная «летающая тарелка» цирка...

Кому нравится, кому нет. Но, как мне показалось, в студенческом конструкторском бюро «Прометей», вот уже больше пятнадцати лет работающем под крышей Казанского авиационного института имени А. Н. Туполева, и не претендуют как на всеобщие восторги, так и на формулирование истин в последней инстанции. Здесь весьма в почете слово «спор». Особенно когда оно соединяется основательно и поделовому с другим словом — «аргумент».

«Светомузыка — следующее за кинематографом искусство, рождение которого связано с привлечением новых технических средств (прежде всего светотехники и электроники)» — так определяется предмет исследований в брошюре «Художественные и технические эксперименты СКБ «Прометей».

Итак, новое искусство?

«... Не нужно формально-технические эксперименты, имеющие исключительно научно-вспомогательное, лабораторное значение, выдавать за искусство. Ни за новое, ни за какое вообще» — пишет в книге «Изобразительное искусство и музыка» один из убежденных

оппонентов Галеева — профессор В. В. Ванслов.

Кто же прав?

Свою кандидатскую диссертацию Булат Галеев назвал «Философские проблемы светомузыкального синтезирования как формы отражения действительности». Тезис, который он защищает, таков: не «перевод» музыки в изображение, а их синтез создадут то, что еще должно получить право называться искусством. Синтез звука и света в рамках единой музыкальной формы, по законам музыкальной логики. Синтез сознательный и преднамеренный...

— Возникает проблема: создать инструмент, позволяющий музыканту получать управляемое движение любых орнаментальных фигур, меняющихся в размере, фактуре, форме, в интенсивности и насыщенности цвета. Пока эту задачу наука и техника полностью решить не смогли. Уверен, что смогут.

Это мнение Галеева

«Как получилось, что ваше СКБ так долго держится? И что это за тема для авиационного института — светомузыка? Наверное, в ректорате у вас одни меценаты?»

Вспоминая о записке, полученной на конференции по организации студенческой науки — она состоялась в Томске, — Галеев смеется.

— Я им рассказал притчу о двух мышатах, попавших в крынку со сметаной. Ну, которые барахтались, пока сметана не сбила... Нам тоже пришлось барахтаться — и в первое время еще как! Потом появилась твердая почва под ногами: первый хоздоговор, второй, третий... Четырнадцать медалей ВДНХ мы получили. Дипломов всевозможных — масса. Участвуем в выставках научно-технического творчества молодежи, всевозможные конференции проводим — вы уже знаете, в этом году очередная состоится... Одной линии мы твердо придерживаемся: поискового, исследовательского направления во всем, что замыслим и исполняем. Чем бы потом «прометеевцы» ни занимались, «почерк» творческий не теряют. И это ценит институт. Для будущих инженеров исследования в неизведанной области всегда великолепнейшая школа. Наши ребята написали уже десятки курсовых работ и несколько дипломных проектов, получивших самые высокие

КОМУ В КАЗАНИ НЕИЗВЕСТНЫ РАБОТЫ ГАЛЕЕВА И ЕГО «КОМАНДЫ»?

оценки. Показывали мы свои установки на всемирных фестивалях, на советских выставках в Берлине, Монреале, Вашингтоне... Работаем...

Вот одна из конкретных, в высшей степени предметных тем, которой в СКБ «Прометей» занимаются сегодня: создание установки, обеспечивающей как бы своеобразную «производственную гимнастику» для зрения и слуха, восстанавливающую нормальную работоспособность в цехах конвейерного типа с однообразным характером труда...

Еще один взгляд в историю...

В XVIII веке ученый монах Луи Кастель, опираясь на идею Исаака Ньютона о соединении звука с цветом, соорудил инструмент, который назвал «цветным клавесином». При нажатии клавиш отдергивались шторы и открывались различные цвета по принципу «гамма-спектр». Тон «до» связывался с синим цветом, «ре» — с зеленым и т. д. В 1742 году «клавесин для зрения» обсуждался в Российской Академии наук — и участники обсуждения согласились с мнением академика Крафта, что «самовольно очень раздал тоны цветам честной отец Кастелий». Идея светомузыка была отвергнута.

Конечно, между цветным клавесином ученого монаха и, скажем, светомузыкальной установкой «Идель-1», которая была подарена отряду космонавтов СССР и установлена в Звездном городке, не просто два с лишним века времени, но два с лишним века великих открытий, изменивших решающим образом и понимание человеком мира и технические возможности это понимание применять и обогащать. Еще Руссо и д'Аламбер высмеивали саму мысль о серьезности светомузыкальных экспериментов. Но эксперименты эти не прекращались. Пожимая плечами, уходили с концертов зрители. А фанатики и энтузиасты нового искусства продолжали искать. Десятилетие за десятилетием... Не свидетельство ли это жизненности идеи? Ведь не за «философским камнем» охотятся, не «вечный двигатель» изобретают...

Купола Казани и компьютеры, вознесенные под эти купола, компьютеры, управляющие светомузыкальным действием, — это уже стало сегодня одной из неотъемлемых примет города на Волге, города насыщенной интеллектуальной жизни, города, где трудно получить прописку — хотя бы временную — безкусице и где очень ценят пылкую, беспоконную, деятельную мысль.

АТТРАКЦИОН

ЧЕЛОВЕК НЕВИДИМ

Анатолий БЫСТРОВ

Я нашёл березовую зыбку
И спросил,
Волнения не тая:
— Чья она?
Ответили с улыбкой:
— Дедова, отцова и твоя.
— Дорогие, съезд на крылечко.
Помолчим, оглядывая путь...
Прикипело к матице колечко
И ничем его не отвернуть.

Как будто шумное застолье
С цветастой песней на губах,
Нарядно клеверное поле
От светлых платьев и рубаш.
Стоит жара предгрозовая.
Да и работа горяча.
И я, распаренный, срываю
Рубаху белую с плеча!
Уже под кромкой тучи синей
Кричат со стога: «Подайвай!»
Последний пласт наверх закинув,
Я небу крикну: «Поливай!»
Едва укрылись под навесом,
Смесь, толкаясь и шутя,
Смычками тронул перелесок
Тугие струны у дождя.

Перевозчик

Расшумелась ракета
Над рекой — до утра.
Перевозчик Никита
Задремал у костра.
Добровольно, бесплатно
Перевозит народ.
Намечали оплату —
Ни за что не берет.
Ух, вода ледяная!
Вон, на том берегу,
Костерок полыхает.
Прокричи костерку:
— Э-гей! Дедко! Никита!
Весла стукнут в ночи.
Он причалит сердито:
— Не глухой! Не кричи!
Недовольно и строго —
Из-под буйных седин:
— Много вас на дороге...
А Никита один.

Рябина

У Ксеньи день рождения.
Она гостей зовет.
Сегодня снова Ксенья
«Рябину» запоет.
Ее поддержат дружно
У щедрого стола
И полсела замужних
И вдовых полсела.
Давнишнюю кручину
Заложат в песню ту
Про тонкую рябину
У тына на ветру.
О, грусть моей России!
Всем недругам назло
Твое лицо красиво,
Спокойно и светло.
— Где ты, родной, любимый?
Скажи: под небом чьим?...
Растет в саду рябина,
Посаженная им...
Поют и пляшут гости.
Радущья полон дом.
Рябиновые гроздья
Алеют за окном.
Я на мороз остынуть
Через порог шагну
И под окном рябину
С волнением обниму.

«...Из всех стихийных бедствий землетрясения вызывают самый панический ужас, ибо больше всех остальных грозных явлений природы они ставят под сомнение неизбежность основ человеческого существования; ставят нас лицом к лицу с жестокой реальностью: мы живем и мыслим на подвижной поверхности гигантского шара, страшные содрогания которого — единственный язык, говорящий нам хоть что-то о тайнах его недостижимых глубин...»

Тазиев. Когда земля дрожит.
Издательство «Мысль», М., 1976

«...В отличие от других людей мы ждем землетрясений, поскольку изучаем их. Для нас это — прежде всего необходимый материал, обеспечивающий работу. Землетрясение для геофизика, занимающегося прогнозом, — это эксперимент, конкретная точка на графике...»

А. Сидорин, геофизик-сейсмолог

«...В самом феномене землетрясения участвует много физических факторов. Прогнозный материал — ситуация многофакторная, большой разброс данных. В этом, пожалуй, основная трудность проблемы. И дело не в том, что ситуации неповторимы, а в том, что в каждом регионе возможно свое сочетание характерных особенностей перед землетрясением...»

В. Халтурин, геофизик-сейсмолог

«...Сейсмический прогноз должен быть надежен. Если он ненадежен — он бессмыслен, даже вреден. Сделать необоснованный прогноз землетрясения в пределах города — значит, остановить город, вывести его из строя, что, конечно же, недопустимо... Вопрос надежности очень остро стоит в прогнозе; это самое больное место в геофизике...»

И. Нерсесов, геофизик-сейсмолог

Гарун Тазиев — талантливый французский ученый, путешественник и журналист — известен по книге «Встреча с дьяволом» и фильму того же названия. Бесстрашный исследователь вулканов в своей новой книге «Когда земля дрожит» знакомит нас с другими проявлениями активности земных недр — с землетрясениями...

А. Сидорин, В. Халтурин, И. Нерсесов — ученые, с которыми мне довелось познакомиться прошлой весной. Все трое имеют самое прямое отношение к землетрясениям. Игорь Леонович Нерсесов руководит работой Комплексной сейсмологической экспедиции Института физики Земли АН СССР; экспедиция обосновалась в Гармском районе Таджикской ССР... Виталий Иванович Халтурин — «первопоселенец» Гарма, возглавивший здесь, в отрогах хребта Петра I, одну из первых геофизических станций еще в 1950 году... Александр Яковлевич Сидорин — начальник отряда глубинного зондирования земной коры — представитель «второго поколения» геофизиков экспедиции, но тоже с «постоянной гармской пропиской»...

Гарм. В окружении скальных громад, подступающих к базовой поселку почти в осязаемой яви и близости, вот уже более двадцати лет работает Гармская КСЭ. Более двухсот сотрудников — ученые и инженеры. Совершенная аппаратура, вычислительная техника, точные приборы. Обширная сеть станций, разбросанных на десятки и сотни километров: ведь чуткие приборы установлены и размещены не там, где удобно или хотелось бы, а скорей наоборот — в районах удаленных и местах труднодоступных.

Первый в мире прогностический полигон. Именно здесь, в Гарме, получены первые результаты, позволяющие говорить о прогнозе землетрясений как о реальности. Но сами сейсмологи говорят об этом сдержанно, высказываются осторожно, даже с неохотой. И кто с иронией, кто с усмешкой, кто с нескрываемой обидой упоминают публикации на тему прогноза, бойкие сообщения, отдающие незрелой сенсацией и привкусом «развесистой клюквы», которая якобы уже родится и здесь, в отрогах хребта Петра I, где бурная река Сурхоб легла четкой границей между двумя горными системами — Памиром и Тянь-Шанем...

РАССЧИТАННЫЙ РИСК. «Предмет этот настолько серьезен, что полезно не упускать случая — сделать его немного занимательным!» — говорил Блез Паскаль о математике. Это шутивное суждение пришло мне на память в Душанбе. Случай, что называется, представился: я стоял под вывеской Таджикского института сейсмологии, а у ног, прямо под дверью, сидели два самых что ни на есть черных кота в позах эдаких портативных

сфинксов... Потом директор института Сабит Хабибуллаевич Негматуллаев весело и снисходительно пошутил, что, мол, эти коты-общественники вовсе не дискредитируют серьезного научного учреждения, поскольку могут рассматриваться и как биологические предвестники землетрясений. Шутить, как видите, умеют и сейсмологи...

Таджикистан — один из самых сейсмичных районов континентальной части Советского Союза. 80 процентов всех землетрясений нашей Средней Азии приходится на долю этой республики. В 1976 году в Таджикистане зарегистрировано более 6000 подземных толчков! Вот уж приоритет так приоритет!..

Статистически достоверно: большинство землетрясений, за редким исключением, происходит там, где им и положено быть. А «редкое исключение» для территории Таджикистана — это три катастрофы нынешнего столетия: Каратаг — 1907; Серез — 1911, Хайт — 1949... А Ашхабад — 1948, Ташкент — 1966, Газли — 1977?! И нет, наверно, занятия более рискованного; чем предсказывать землетрясения... Но тем не менее сегодня сейсмологи уже могут — в большинстве случаев! — давать вероятностный прогноз: оценку общего числа землетрясений для каждого определенного района. И это очень важно для такой республики, как Таджикистан, где сегодня возводятся такие энергетические и промышленные гиганты, как Нурекская и Рогунская ГЭС, Яванский электрохимический комбинат, работают Анзобский горно-обогатительный и Регарский алюминиевый заводы, строятся новые города и поселки.

Таджикские сейсмологи как раз и занимаются выяснением и оценкой сейсмической опасности площадок под строящиеся объекты. И как бы вносят в проекты необходимые уточнения и поправки, извлекая практическую пользу из своей науки. При девятибалльной угрозе рекомендуют рассчитывать сейсмостойкие конструкции на 9 баллов. Где восьмibalльная опасность — там следует строить с учетом 8 баллов. И в восьмibalльной зоне мы не застрахованы от девятибалльного толчка; но время жизни, скажем, одного промышленного объекта здесь несопоставимо со временем проявления одного девятибалльного землетрясения; и мы, попросту говоря, можем пренебречь такой вероятностью... А ведь наценка на один балл антисейсмических мероприятий — всего на один балл! — составляет 7 процентов от общей стоимости сооружаемого объекта. Но те же самые затраты там, где они действительно необходимы, в случае катастрофы сохраняют от разрушения 80 процентов капитального сооружения... Сделали беглый подсчет: экономия

столетия. Что мы знаем о них? То, что дни, к счастью, случаются не повседневно и не на всей территории, а только на ее части; что периодичность их незакономерна... Статистика, к сожалению, отказывает, когда речь заходит о событиях редких и редчайших, каковыми являются сильные землетрясения.

Именно сильные землетрясения стимулируют интерес общества к проблеме их прогнозирования — проблеме глобальной, насущной, равно как и сложной и специфичной.

Специфика прогнозных исследований заключена в самом объекте изучения. Если, скажем, биолог занимается микроструктурами, которые доступны изучению в пробирке, то сейсмологу приходится оперировать Землей в целом, оперировать процес-

Наука: сейсмология

Эдуард КАРПУХИН,
специальный корреспондент «Смены»
Фото автора.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ИМЕ

за пятилетку по республике в целом составит не менее 200 миллионов рублей!

Риск? Да, риск. Но рассчитанный. И такой риск оправдан, потому что целесообразен: предвидеть опасность — значит наполовину обезвредить ее... И уже существует и действует Комплексная карта сейсмического районирования территории Таджикской ССР, которая отвечает на вопрос: как часто могут возникать землетрясения той или иной силы в каждом конкретном районе республики. Она по достоинству оценена строительными организациями.

Результат многолетней работы геологов, геофизиков, сейсмологов, карта эта, естественно, не исчерпывает круга изысканий таджикских ученых; но их заключения о сейсмической опасности для проектируемых ГЭС и предприятий есть не что иное, как вполне достоверный и обоснованный прогноз. И, отражая современный уровень знаний в сейсмологии, карта эта — в региональном аспекте — как бы знаменует собой целый этап прогнозного направления...

Говоря «прогноз землетрясений», мы хотим знать точно: где, какой силы и когда произойдет землетрясение. Место и силу возможного землетрясения ученые уже в состоянии оценить. Но ведь это не решает всего дела, не упрощает проблемы прогноза в целом. Напротив, выдвигает на очередь самый трудный вопрос, оставляя его открытым...

Когда мы говорим «прогноз землетрясений», то имеем в виду прежде всего сильные землетрясения, которые и есть то самое «редкое исключение». Не те 6000 в год, не причинившие ощутимого вреда, а те самые три катастрофы — 1907, 1911, 1949, — происшедшие на территории Таджикистана в текущем

сом, который не контролируется. Сейсмолог, в отличие от того же микробиолога, не волен назначить часа своего эксперимента: ведь вся «кухня» землетрясения спрятана глубоко в недрах... А ведь шар наш — единое целое, и поверхность его не изолирована от событий, которые происходят, допустим, на противоположной стороне от выбранной нами точки измерений. Крупные события, по всей вероятности, причинно обусловлены: проявления активности в одном месте, по-видимому, предполагает ее усиление или ослабление в другом. Но это всего лишь предположения...

Сложность проблемы не в том, что современный уровень знаний о физических свойствах земной коры, характере и интенсивности протекающих в ней процессов еще далек от ясности, а в том, что сама постановка натуральных, природных исследований требует больших усилий и затрат, наблюдений непрерывных, экспериментов целенаправленных, жестких...

«Где, какой силы и когда?» — в такой четкой формулировке понятие «прогноз землетрясений» появилось совсем недавно, от силы лет двадцать назад. Хотя сейсмология, как научное направление, существует давно — более ста лет, — но до недавнего времени вся она сводилась, по существу, к накоплению сейсмологических данных и выяснению географии землетрясений. По мере создания сейсмологических наблюдений на Земле удалось получить точные карты расположения землетрясений по всему земному шару, позволившие вести уже какую-то «сортировку» территорий по сейсмической опасности. Материалы, накопленные в последние десятилетия, открывают ряд новых подходов к жизни планеты в целом

КОНКРЕТНАЯ ТОЧКА НА ГРАФИКЕ. Но вернемся в Гарм, где подготовка работ по прогнозу землетрясений начата давно и работы эти стали одним из ведущих направлений Института физики Земли АН СССР.

Понятно, сейсмологи относятся к землетрясениям иначе, чем «простые смертные». Для каждого из нас землетрясение — это стихия, в худшем случае стихийное бедствие; а для геофизика-сейсмолога это прежде всего возможность проверки выдвигаемых гипотез, лабораторных моделей, порою чисто интуитивных результатов. Ведь чем многофакторнее ситуация, чем больше «разброс данных», тем большую роль играет интуиция, «понимание второго рода», способность задумываться над предметом с неожиданной стороны...

ПУСК ГЕНЕРАТОРА.

ПРОГНОЗ

мируется. Только масштабы времени другие, а живет Земля так же энергично, как и атмосфера, где возникают бури и смещения, существуют строгие течения... Вот, кстати, на фотографиях, сделанных со спутников, замечено, что и в Мировом океане перемещаются колоссальные вихри, получившие наименование «синоптических вихрей». А ведь это не что иное, как аналоги тех циклонов, которые действуют в нашей атмосфере. Только перемещаются они существенно медленнее... Можно, по-видимому, предположить, что аналогичные «вихри», подобные образованиям действуют и в самой Земле, в ее толще. И перемещаются они еще с меньшей скоростью... Но результаты их движения тем не менее накапливаются. И вот в Гарме мы фиксируем: на нас надвигается хребет Петра I... Большинство геологов считают это результатом «наползания» Индийской плиты на Евразию. Получены убедительные пояснения и доказательства, что плита эта, отколовшись от древней Гондваны — 180 миллионов лет назад! — пересекла весь Индийский океан примерно от Мадагаскара и 20—30 миллионов лет назад «уперлась» в Евразию, продолжая по инерции двигаться. Геодезисты, вооруженные лазерными установками, уже измерили скорость «наползания»: два сантиметра в год!..

И. Л. Нерсесов. Выбор Гарма определялся именно высокой степенью сейсмической опасности этого района и большим числом землетрясений, достаточно сильных, для которых прогноз имеет смысл...

Что из себя представляет Гарм — сказать пока трудно. Но, по-видимому, это граница двух крупных геологических единиц. Они очень подвижны, очень динамичны и вызывают большое количество сейсмических событий как следствие...

Что такое землетрясение? Это разрыв земной коры в результате, скажем, сжатия двух горных массивов. В качестве примера можно привести движение льда в открытом океане под действием течения. Массив льда начинает постепенно раскалываться. На границах образовавшихся блоков начинается более интенсивное дробление. Нечто подобное происходит и в земной коре, когда два больших блока, сочленившись, начинают взаимодействовать между собой, создавая в контактной зоне своего рода торошение... На границе этих блоков развиваются большие деформации. В результате этих деформаций и происходят нарушения сплошности земной коры.

Геодезические измерения позволяют нам отмечать перемещения, то есть деформацию земной коры. Геодезия существует достаточно давно, так

ры. Это и механические методы в виде геодезии и прямых измерений деформации специальными приборами деформографии. И измерение наклонов земной поверхности. Эти методы применяются во всех странах, которые так или иначе подвержены землетрясениям. Правда, в ряде стран исследования ведутся с несколько более пестрым подходом, и потому сопоставление данных оказывается более трудным, чем, скажем, у нас в Гарме, где один институт под единым научным направлением ведет очень целенаправленные работы.

Сопоставление методов прогноза очень существенно с точки зрения выбора методик для разных геологических условий. Ведь надо иметь в виду, что при разной, так сказать, системе геологических взаимоотношений массивов условия возникновения землетрясений могут быть несколько различными. И мы не можем сейчас утверждать, что единая методика может быть применена в любом месте земного шара. Но твердо знаем, что повсюду необходимо измерить деформационный процесс — всю его динамику, все его развитие во времени. И методы, конечно, должны быть аналогичными, хотя в одном месте акцент будет на одни методы, в другом — на другие. Но измерение деформаций останется основой прогнозных работ...

А. Сидорин. Известно, что очаги землетрясений располагаются на разных глубинах. Вот, скажем, румынское (4 марта 1977 года) было очень глубоким, порядка 150 километров. Значит, нужно контролировать не только верхнюю часть, но и те слои, в которых происходят изменения, — на различных глубинах, различных объемах... Тут напрашивается сравнение с медициной. Вы приходите к врачу; и одно дело, когда врач пытается, скажем, стетоскопом прослушать, что там у вас внутри; и совсем другое дело, когда вам назначают рентген... Так вот, электрическое, или глубинное, зондирование — чем, в частности, занимаемся мы — можно, по-видимому, сравнить с таким вот активным источником, как рентген. То есть мы как бы просвечиваем земные недра...

Механизм электрического зондирования прост. Закапываем в землю два электрода и включаем между ними некий генератор. Распределяясь по земной коре, ток пронизывает различные глубины... На некотором расстоянии от генератора ставим измерительную станцию — закапываем два таких же электрода — и начинаем измерять напряжение между ними. Понятно, что величина этого напряжения будет зависеть от сопротивления земной коры. Стоит теперь произойти каким-то изменением в земной коре — появилась некая область с изменяющимся сопротивлением, — значит, должен измениться и уровень принимаемого напряжения. Отношение сигналов — зарегистрированного и посланного генератором — изменится. По изменению этого отношения мы и следим за изменениями, происходящими в коре: какие они, где происходят... Увеличивая мощность генератора, мы можем увеличить и расстояние между приемной станцией и генератором. С увеличением расстояния увеличивается и контролируемая глубина, и мы можем получать информацию с больших глубин...

И. Л. Нерсесов. Что сдерживает прогноз, что мешает ему стать надежным и «выйти в люди»? Ну, во-первых, сама специфика природных исследований. Ведь все наблюдения должны вестись непрерывно и на достаточно высоком уровне, чтобы не пропустить ничего, чтобы все «работало»... По долгосрочным предвестникам состояние предварительной тревоги мы можем установить достаточно заблаговременно. Но чтобы обеспечить прогноз во времени, необходимо наладить довольно сложную обработку данных, поступающих со всех точек наблюдения, учитывая и те признаки, которые развиваются в очень короткий срок и определяют окончательную тревогу, необходимо сравнить эти данные, оценить степень их надежности, чтобы не пропустить собственно тот критический момент, о котором мы должны сообщить населению... Детальность наблюдений на последней стадии и темп обработки геофизических данных постоянно возрастают.

Следует учитывать, во-вторых, что прогноз землетрясений несет в себе психологический фактор. Представьте, мы сегодня объявим, что через неделю ожидается сильное землетрясение. В каком состоянии будут жить люди эту неделю? А если к тому же произошла ошибка в наших расчетах? По-видимому, пока мы не сумеем быть уверенными в надежности прогноза, пока он будет находиться на уровне экспериментов, объявлять о нем, конечно, нецелесообразно.

Но прогнозные исследования движутся довольно быстро, и есть надежда, что через сравнительно короткий промежуток времени прогноз станет надежным.

В. Халтурин. Конечно, в «подготовке» землетрясения участвует гораздо больше физических факторов, чем, скажем, в метеорологии. Ведь погоду определяет Солнце, от него зависят и нагрев поверхности, и движение воздушных масс, и перепад давлений, и распределение температур, и скорость ветра, и циклоны, и антициклоны. Все это сегодня легко контролируется в десятках тысяч точек на земном шаре, включая искусственные спутники. И рассматривается доступнее и легче подвергается математическому описанию. Но фактор случайности и здесь велик. Да, ошибки. Но ошибки метеорологов не в том, что они дают прогноз, скажем, «пятьдесят на пятьдесят». Конечно же, нет. Это мнение на уровне людей неосведомленных... На самом деле изменилось направление движения циклона, и он проходит чуть в стороне, ну, скажем, в двадцати километрах от той же Москвы. И предсказанная погодная ситуация для Москвы не реализуется. А мы уже думаем, что синоптики — люди несерьезные, а метеорология — наука сомнительная... На самом деле все несколько сместилось, сдвинулось километров на 20—30... Вот эта недетерминированность, непредсказуемость направления развития циклона и есть один из источников так называемых «ошибок метеорологов».

В этом смысле сейсмологи не в лучшем положении. Тут разнообразие причин, пожалуй, побольше: электромагнитные поля, акустические поля, геологические структуры, изменение характера поверхности, деформации этой поверхности. Проявление геофизической жизни многообразно. Ведь это нам только кажется, что все неподвижно. На самом деле и в Земле происходят интенсивные движения: все поднимается, опускается, сносится, трансфор-

что материалы здесь накапливаются уже довольно длительное время, и мы располагаем большим количеством данных, позволяющих судить о характере движения в таких вот подвижных зонах, где происходят землетрясения...

Наиболее характерная особенность деформации земной коры заключается в том, что какое-нибудь постепенное направление движения, например, поднятие, убыстряется, а затем меняется знак. Появление смены знака движения участка земной коры — один из таких признаков, по которому уже можно судить о приближении землетрясения.

С определенного времени целый комплекс геофизических наблюдений начал развешиваться здесь именно с целью самого прогноза.

Удалось уже получить определенную зависимость между временем существования предвестников и силой будущего землетрясения. Зависимость крайне важная, поскольку она дает некоторые довольно точные оценки того, в каких пределах следует ожидать землетрясения. Особенно важно в этой зависимости то, что предвестники могут быть разбиты на два класса: предвестники длительного существования и класс очень быстро протекающих процессов, которые возникают в самый последний момент перед землетрясением. Совокупность двух классов предвестников и позволяет думать, что прогноз возможен. А наличие в последней стадии готовящегося землетрясения целого ряда процессов, которые развиваются в течение часов и суток, создает, собственно, базу для реального прогноза...

В Гарме мы фактически разными методами измеряем один и тот же процесс — деформацию и изменение напряженного состояния внутри земной ко-

Заира ЕФИМОВА

В 1975 году в Копенгагене открывалась Неделя советских фильмов. В огромном здании столичного кинотеатра к актрисе Евгении Симоновой подбежал распорядитель:

— Госпожа Симонова, переводчик вас ждет.

— Пожалуй, он не потребуется.

Женя, скрывая волнение, вышла на сцену и достаточно хорошо по-английски рассказала о себе, о первых шагах своих в кино, которому она робко «представилась» на первом курсе театрального училища имени Щукина. Знакомство состоялось. И шаг за шагом — уже небольшой путь...

— Мне было тогда всего семнадцать лет. Полная неумеха... А предложили мне роль девушки-летчицы в фильме «В бой идут одни старики». Маша, так ее звали, погибла в воздушном бою с фашистами. Она любила и была любима. Юношу звали редким именем — Ромео. Он тоже был летчиком, служил в соседнем полку. О них можно сказать: они жили счастливо и умерли в один день — Ромео погиб одновременно с Машей. Жили?... Разве успели они пожить? Нет, о них лучше сказать: они любили друг друга и героически погибли. Ромео и Джульетта — так звали их однополчане... Только народившись, погибли светлое чувство. Грустно...

Любовью освещены все мои, пока немногие роли. По-разному выказывали свое отношение к ней мои героини, по-разному переживали ее. Но именно в этом и проявлялись их характеры, раскрывался их внутренний мир. Вот Алена из телефильма «Вылет задерживается» — она молода, кокетлива, склонна к фантазерству, но ей достаёт душевного здоровья, чтобы отличить очередную свою фантазию от любви. А в фильме «Пропавшая экспедиция» чувство это оказалось не только среди «исходных данных» очередной роли, но пришло в мою жизнь: партнер по съемкам стал моим мужем. Действительно, роли мои осветила любовь...

Английский язык и непосредственность актрисы были награждены дружными аплодисментами. Зарубежному зрителю импонировала милая, веселая двадцатилетняя девушка, которая, по их мнению, совершила в кино взлет как по мановению волшебной палочки.

Что же за «волшебство», с помощью которого Евгения Симонова, столь молодая, стала заметной — не сказать еще очень известной — актрисой, снялась в десяти фильмах, нескольких телефильмах, а за последний год к этому прибавилась первая роль в театре имени Маяковского?

В семье Симоновых считают, что детство и юность — именно та пора, когда человек должен приобретать максимум знаний. Женя училась в английской и музыкальной школах, занималась балетом в Доме пионеров. Это не было данью моде, просто с детства она проявила незаурядную музыкальную одаренность и способность к языкам. Когда уставала, мама говорила ей: «Переключись с одного дела на другое». Так Женя привыкла к максимальной нагрузке. В школьные годы участвовала в самодеятельности — пела на английском языке, танцевала. В девять лет вместе с тремя девочками из музыкальной школы выступала в телевизионной программе «Музыкальный киоск». На первую кинопробу Женя Симонова попала из музыкальной школы. Льву Кулиджанову в фильме «Преступление и наказание» нужна была девочка-шарманщица. Но Женя была в те годы толстушкой и до кинопробы так и не добралась: не смогла натянуть на себя костюм, предназначенный для этой роли. Единственную свою «детскую» роль разыграла дома со старшим братом — последняя сцена из «Ромео и Джульетты», которую они решили исполнить под впечатлением гастролей английского Королевского шекспировского театра.

Поступить на актерский факультет Женя не собиралась, да и надежды какой-либо не было, особенно после того, как однажды она «пробовалась» в школе-студии МХАТ. Ректор школы-студии прослушал ее и сказал: «Если и есть способности, то только для дома, для семьи...» Друзья и близкие полагали, что после такого провала Женя будет поступать в институт иностранных языков. Но она неожиданно для всех, очевидно, по какому-то наитию, движению души, идущей навстречу судьбе, за два месяца до конкурса решила подать документы все-таки в театральное училище — на этот раз име-

ни Щукина. На экзамене по мастерству читала хорошо, но слишком смущалась: ведь практически раньше не произнесла со сцены ни слова. И когда Женя почувствовала, что педагоги сомневаются в ее одаренности, попросила разрешения показать отрывок из английского фильма-мюзикла «Моя прекрасная леди». Когда пела на английском языке и лихо отплясывала, застенчивая девочка преобразилась на глазах, становилась актрисой. «Необыкновенно музыкальна», — сказал председатель приемной комиссии Ю. Катин-Ярцев, будущий руководитель курса.

Хотя в училище не поощрялось участие студентов в съемках, из киностудий часто приходили режиссеры и помрежи в поисках будущих героев. Для Жени несколько кинопроб окончились неудачей. И когда уже перестала надеяться, ей предложил сниматься Леонид Быков.

— Один добрый человек нашелся, — шутит Женя. Главное — педагоги не запретили сниматься: так сумела организовать свое время, что учеба не страдала.

Роль в фильме «В бой идут одни старики» состояла из шестнадцати слов. Но здесь-то и заключалась основная трудность. В нескольких крохотных эпизодах ей предстояло раскрыть героический и в то же время глубоко лиричный, нежный характер Маши. В таких случаях актеру необходимо умение и способность додумать: зрительно, образно увидеть то, чего нет в сценарии. Начинающая актриса сумела в коротком экранном времени прожить недолгую, но яркую жизнь своей ровесницы, погибшей за Родину. Первая роль Симоновой запомнилась советским зрителям, фильм тепло был принят в Дании, Колумбии, Перу, Мексике. Дебют первокурсницы подтвердил: Женя не ошиблась в выборе профессии.

На втором курсе Симонова получила приглашение сниматься в телевизионном фильме «Вылет задерживается», о котором ее однокурсники вспоминают как о «трудовом подвиге». Съемки начались в самый разгар учебного года. К двенадцати ночи она спешила в Домодедово или на аэровокзал, а к девяти утра, без опоздания, на занятия в училище. Особенно трудными были десять дней, когда на сон оставалось по два часа в сутки, да и то спала в машине — по дороге на съемки и обратно. Спасала молодость, собранность, дисциплина, привычное умение переносить предельные нагрузки. Режиссер Л. Марягин приводил Женю в пример: всегда готова много работать, никогда не жалуется на усталость.

Но, пожалуй, самым трудным стало для нее лето 1973 года. Тогда ее утвердили одновременно на роли в двух фильмах: «Афоня» и «Пропавшая экспедиция». В то лето студенты театрального училища выезжали с концертами на Камчатку, в Анадырь, а после поездки у Жени тотчас начинались съемки, причем съемочные периоды накладывались один на другой. Из Анадыря она поехала в Белорецк, где уже шла работа над «Пропавшей экспедицией» режиссера Дормана. Кроме съемок, постоянные встречи с кинозрителями на предприятиях, в кол-

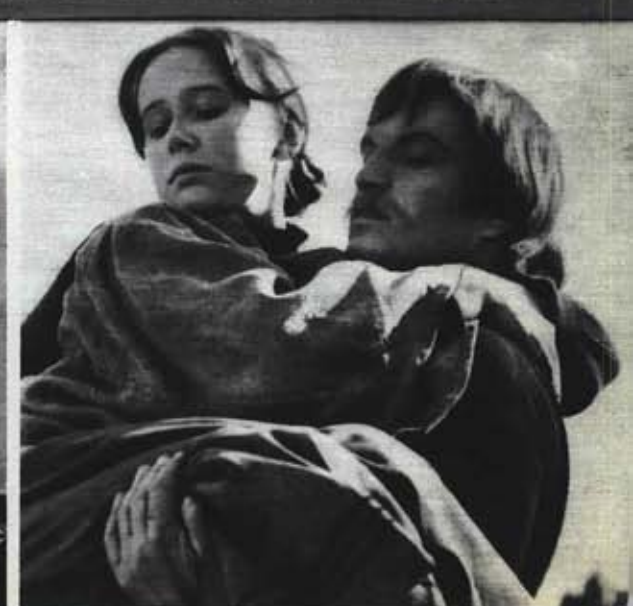
АКТРИСА ЕВГЕНИЯ СИМОНОВА.

хозах. Порой приходилось добираться к пастухам верхом на лошади. А потом — поездки из Белорецка в Ярославль, где снимали «Афонию», и обратно в Башкирию. Нередко режиссер Г. Данелия на несколько дней задерживал съемки, чтобы дождаться Симонову. Многих удивляло: почему Данелия идет на это, не лучше ли пригласить на роль другую актрису, которая сейчас нигде не занята? «Можно, конечно, — отвечал Георгий Николаевич, — можно и другую, но тогда не будет праздника». А Жене говорил во время съемок: «Собери все, что в тебе есть хорошего, и увеличь в сто раз».

Женя вспоминает, как первый раз читала роль Кати в фильме:

— Я просто читала, текст казался естественным, так его и произносила. Не было каких-то особых

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ: «В БОЙ ИДУТ ОДНИ СТАРИКИ», «ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»

ВЕННОЕ ЧУДО

интонаций, какой-то игры. Катя—совсем не мой характер, но для того, чтобы «вжиться» в него, понять, не надо напряжения, насилия над собой. С самого начала работы над ролью внутренне пережила все, что происходит с Катей: первую безоглядную любовь, стремление помочь любимому стать хорошим человеком.

Чем же поразила нас Катя, скромная медсестра «Скорой помощи», не блещущая красотой, не совершающая героических поступков? Думаю, ответ будет одинаков: прежде всего складом души, ее богатством и щедростью, необыкновенной, где-то отчаянной, а где-то и наивной верой в любимого человека.

У актера много путей постижения образа, всех не назовешь, не перечислишь, даже не угадаешь. Ведь не всегда достаточно личного опыта, особенно если он не так уж и велик. Но одно из свойств таланта—использовать с помощью художественного мышления все запасы своих знаний, жизненных наблюдений, культуры. Суметь понять, что происходит с людьми в той или иной ситуации, предугадать, как поведет себя в ней человек, обладающий определенным складом ума, тем или иным характером. Здесь непременно участвует ассоциативное мышление, умение наблюдать, сопоставлять, отбирать. Актеру необходимо «чувствовать», ощущать каждым нервом внутренний мир создаваемого образа. Именно это и удалось сделать Евгении Симоновой в роли Кати.

Да, у актрисы и Кати в фильме действительно разные характеры. Но есть в человеческой личности Евгении Симоновой черты, которые заставили режиссера, мечтавшего сделать картину «о теневых сторонах жизни светлой и поэтической за счет образа Кати», увидеть в роли именно ее.

На просмотре фильма Женя искренне и горько плакала. Ее хвалили, никто не мог понять причины слез. А Женя вспоминает:

— Хвалили меня еще во время съемок. И поэтому возникло высокое мнение о своей игре. А когда посмотрела фильм, стало стыдно, ужасно: беспомощная девчонка, а не актриса, ничего, что хотелось, не сумела сделать... К сожалению, это не единственный случай. Во время съемок все как будто удается, а увидишь первый раз работу в целом—и... Но в кино, когда фильм смонтирован, уже ничего нельзя поправить...

Узнав, что я собралась о ней писать, Женя просила:

— Не пишите обо мне сейчас. Ранние мои работы, пожалуй, неинтересны. И потом у меня был перерыв в работе: родилась дочка. Подождите, посмотрите новые роли, может, тогда...

Перерыв в работе у Симоновой оказался небольшим—несколько летних месяцев. И вот новые работы: кинофильм «Школьный вальс» режиссера П. Любимова и телевизионный спектакль «Лица» режиссера И. Унгурияну.

— До фильма «Школьный вальс»,—говорит Женя,—мне приходилось играть «светлых» девочек, чистых, хороших, правильных. Я бы так и могла играть их до тридцати лет. Но мне, как актрисе, это

неинтересно. Хочется попробовать себя в ролях разного плана, играть разные человеческие судьбы, сложные характеры...

Дина в «Школьном вальсе» даже внешне не похожа на прежних героинь Симоновой. Она поражает яркой, броской внешностью, не расстается на людях с некой маской исключительности и неуязвимости. Дина—одаренный, незаурядный человек, но ее крайний эгоизм в сочетании с сильным характером становится разрушающей силой. Именно эгоизм не дает ей понять, что нужно любимому человеку, и ее семейное счастье оказывается мнимым. От настоящего горя не может спасти ни шикарное платье, ни хорошо обставленная квартира. Мастерски проводит актриса кульминационную сцену фильма, где Дина на короткое время сбрасывает привычную маску. Под Новый год выходит на лестницу одна, может быть, в поисках человеческого участия... И слышит детский плач. Но за закрытой дверью мальчик, оказывается, поет, а не плачет. И только этому мальчику признается она в своем горе: ее никто не любит, она одинока. У зрителя появляется надежда, что Дина все поняла и еще можно что-то исправить. А через мгновение эта надежда рушится—перед нами жестокая, безобразная в своей злобе женщина. Вместо горя и осмысления своей вины—ненависть к человеку, которого, ей казалось, она любила. Образ, как принято говорить, отрицательный, но в этом фильме Женя сделала заявку на «взрослые роли», доказала, что ей доступны характеры непростые.

Роль Лики в одноименном спектакле актриса считает вехой в своей биографии. Работа шла в маленьком творческом коллективе: актрисы Лариса Малеванная и Евгения Симонова, режиссер Ион Унгурияну. Эта работа много дала Жене как актрисе. Она впервые была занята в сложном жанре современной притчи, в спектакле, построенном на диалоге двух исполнительниц. А у Лики—еще и длинные, на четыре страницы, монологи. В спектакле сталкиваются два мировоззрения, два отношения к любви, к жизни. С одной стороны—щедрость истинной любви, которая порождает красоту и доброту, с другой—скудость расчета, обкрадывающего душу. Лика на наших глазах теряет целый мир и находит целый мир: будучи взрослой женщиной и имея нерастраченную душу ребенка, она становится зрелым человеком.

Унгурияну увлеченно рассказывает о работе с Женей над этим спектаклем:

— Во время работы с Симоновой я часто попадал в парадоксальную ситуацию: я ее хвалю, а она собой недовольна. Сначала не мог понять—то ли это мудрая тактика, то ли непосредственность актерской натуры. А потом понял—нет, не лукавство это, а невероятная, граничащая с жестокостью требовательность к себе. У Евгении врожденное чувство правды, любая неестественность причитает ей физические страдания. Даже снялась в спектакле в своей одежде, потому что искала подлинность. В работе с ней мне пришла в голову перефразировка мысли Чехова, что в этой актрисе все подлинно: и мысли, и чувства, и одежда...

За последний год Симонова получила около пятнадцати предложений из киностудий. Приняла два. Снялась на киностудии имени Горького в фильме «Баламут» режиссера Рогового, а недавно, в первый день нового года, мы увидели молодую актрису в телефильме «Обыкновенное чудо», поставленном Марком Захаровым. И как не вспомнить слова Жени о том, что роли ее одухотворены любовью! Ведь в прекрасной сказке Шварца главный герой именно она—любовь.

С ролью Женя справилась тонко, точно, бережно. Зрители увидели в принцессе из мира чудес свою современницу, но вместе с тем актриса не растратила сказочного обаяния героини.

Евгения Симонова любит и умеет учиться. Студенческие годы позади, но и сейчас она продолжает учиться—у своих товарищей-актеров, режиссеров театра, кино, телевидения. Трудом упорным, повседневным постигает она тайна актерской профессии. Творческий поиск, стремление к совершенству, неудовлетворенность сделанным, мысль, что она может и должна играть лучше,—вот ее главные внутренние «движители».

В этой всепоглощающей, деятельной любви к труду, к профессии и заключается «обыкновенное чудо» актрисы Евгении Симоновой.

Эдуард БАЛАШОВ

Цветок

Природы хрупкое создание,
Пылая яркой головой
Над запыленной травой,
Он терпеливо ждет свиданья
С пугливой девочкой—пчелой.
Он глух, и нем, и слеп от страсти,
И глуп на посторонний взгляд.
Залог бессмысленного счастья
Его немислимый наряд.
Он ждет и ничего не просит,
Кивая встречным облакам...
И кто сорвет его, кто бросит
И к чьим ногам?

А люди?—Люди станут боги...

Ф. Глинка

Никто не знает неба так, как птицы.
Простор бескрайний. Даль без берегов.
Придуманные сферы и границы
Неведомы для птиц и облаков.

Не могут птицы в небе заблудиться.
Как никому, им видно далеко:
И как земля свои меняет лица,
И как луна ныряет в молоко.

А воздух-то живой, крылу послушный,
Когда легко дается каждый взмах,
То, как настой, густой, для сердца душный,
То крепкий, хоть танцуй на небесах.

Вон птица в небе! Гордой одиночкой
На сильных крыльях уходя в зенит,
Покуда хватит глаз, она летит
И кажется едва заметной точкой.

Мы поднимаем в небо самолеты.
Мы говорим: мы птицы! Мы летим!
А с высоты пусть птичьего полета
Таких ж маленькими кажемся мы им.

Мужайся, справедливая природа,
Преодолен твой бережный магнит.
Уже пылят колеса лунохода,
И жадный бур нам чуждый грунт сверлит.

Никто не знает неба так, как птицы.
Никто, как птицы, в небо не летал.
И человек, что к звездам,
Вдаль стремится,
Сравнился с богом, с птицей—бог не дал.

Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста,
Куда заносит человека
Его мечта.

И было первое мгновенье
Тем самым сном,
Что так похож на откровенье,
На первый гром.

Я погрузился с головой
В ту чистоту,
Что превзошла голубизною
Саму мечту.

И я дышал твоей водою
И рыбой стал,
И в небо за речной звездой
Шутя всплывал.

В час, когда нет вокруг никого
И от теплого взгляда заката
На душе далеко-далеко,
Вот тогда-то, тогда-то...

Хорошо, удивительно так
Ощущать в себе отзвук былого,
Наблюдать, как живет в облаках
Вечный ветер вращения земного.

И своим не поверив летам,
Задыхаясь, взбежать на пригорок
И читать эту даль по складам,
Точно первую книгу ребенка.

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ШЕКСПИР—ПСИХИАТР?

Великий английский драматург, как известно, психиатром не был, но... Недавно его произведение проанализировала американский врач-психиатр Нэнси Андреасен, а результаты этого любопытного исследования опубликовало Американское общество врачей. Доктор Андреасен установила, что в пьесах Шекспира много удивительно достоверных клинических описаний различных психических заболеваний или отклонений. Шекспир был превосходным наблюдателем различных особенностей человеческого поведения.

Доктор Андреасен утверждает, что Шекспир, очевидно, превосходно разбирался в таинствах медицинской науки своей эпохи. Он был также знатоком современных ему трактатов по черной магии, которые получили популярность, когда шотландский король Яков VI в 1597 году выпустил книгу «Демонология». В этом труде державный монарх осудил тех, кто считал причиной психических заболеваний чародейство и вмешательство высших сил. Когда Шекспир писал свою пьесу «Макбет», он принимал во внимание это обстоятельство. Макбет знает с ворожеями, руководствуется в повседневной жизни магическими предсказаниями, страдает от наличия комплекса вины и в конце концов становится жертвой одолевших его галлюцинаций.

Одним из наиболее тонких наблюдений «доктора» Шекспира является образ короля Лира. Гор-

дый и тонко чувствующий, не умеющий прощать человек, он с самого начала проявляет клинически четко выраженные старческие изменения в деятельности головного мозга, ему уже не удается верно оценивать жизненные ситуации и давать правильную оценку поведения окружающих людей. Потеря королевства, друзей, влияние неблагоприятных метеорологических факторов—все это вызывает у него характерную стрессовую реакцию. Ее проявлениями становятся потеря ориентации, нарушение процессов мышления и зрительные галлюцинации, то есть признаки, характерные для типичного реактивного психоза.

Шекспир, конечно, не ставил своей целью изучать особенности и отклонения человеческого поведения ради чистой науки. Прежде всего он был драматургом и стремился, чтобы из-под его пера выходили хорошие пьесы. Однако, по мнению доктора Андреасен, его способности как художника делают из него не только великого драматурга, но и тонкого знатока человеческой психики во всех ее проявлениях. В этом последнем аспекте уровень его знаний наверняка превышал профессиональный уровень большинства современных ему врачей. Очень вероятно, что материал для создания многих своих образов он мог собирать путем тщательного наблюдения над поведением больных в психиатрических лечебницах.

«ПУЭН», ФРАНЦИЯ

БЕЗРОГИЕ НОСОРОГИ

Не так давно в Кении ввели запрет на охоту на диких животных. Первые месяцы новых правил—разрешение на отстрел выдается лишь в виде исключения—показали, однако, что число носорогов продолжает сокращаться. Причина—браконьеры, получающие за рог этого животного большие деньги. (В традиционной народной медицине из размельченного в порошок рога делают пользующиеся необыкновенно большим спросом лекарства.)

Как воспрепятствовать нелегальному отстрелу носорогов? Группа

кенийских врачей предложила оперативным путем удалить у молодых носорогов рога, чтобы животные перестали представлять интерес для браконьеров. Известно, что носороги, лишённые рога, растут и развиваются не хуже рогатых. Согласно этому проекту, в национальных парках Кении жили бы только безрогие носороги—до того времени, когда будут найдены более эффективные способы защиты их от браконьеров.

«ПОЗНАЙ СВЯТА»,
ПОЛЬША

Тазер— «мирное оружие»?

В американской печати промелькнуло сообщение о нападении на бензоколонку в штате Майами. Событие, что и говорить, для американских нравов довольно заурядное, если бы не то обстоятельство, что напавшая на владельца бензоколонки женщина была вооружена так называемым тазером. Получивший сильный удар электрическим током владелец остался жив, лишившись лишь вбурчки за несколько дней, а вот хозяину ювелирного магазина в Нью-Йорке не повезло: напавшие на него два бандита выстрелом из тазера умертвили его и скрылись, унеся с собой 100 тысяч долларов.

Так американцы впервые узнали слово «тазер». Выпускающая это устройство фирма «Тазер системз» утверждает, что ее новшество является якобы «альтернативой пистолета». Тазер, который можно приобрести за 200 долларов, по форме напоминает электрический фонарик. При нажатии на спусковую кнопку из него на расстояние до пяти метров вылетают две иголки, которые тончайшим проводом присоединены к источнику тока. Слегка коснувшись тела жертвы, они посылают сильнейший электрический разряд, приводящий человека в бессознательное состояние и вызывающий у него судороги. Врачи утверждают, что парализующее действие тазера может вызвать тяжелое поражение нервной системы и даже смерть, как это и случилось с ювелиром из Нью-Йорка. Однако фирма «Тазер системз» не собирается прекращать выпуск своего, как она говорит, «мирного оружия».

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

ПОД ВОДОЙ СТАНЕТ БЕЗОПАСНЕЕ

Спасательную веревку для аквалангистов изобрели французские конструкторы.

Эластичная веревка находится в барабане, который прикрепляется к туловищу водолаза. На другом конце шнура буй. При погружении спасательная веревка разматывается. При уменьшении глубины погружения эластичная веревка автоматически наматывается обратно на барабан.

С помощью этого устройства можно точно определить местонахождение спортсмена в воде и в кратчайший срок помочь, если ему плохо или он ранен. Особенно важно, что не надо тянуть за собой спасательную веревку, как было раньше. А ведь слабо натянутая веревка под водой может представлять серьезную опасность для жизни водолаза...

«ТЕХНИКУС», ГДР

Летающий утюг

Летать может всякая плоскость, если она снабжена достаточно мощным мотором. Словно бы в подтверждение этих слов многие авиамоделлисты, участвовавшие в международной выставке в ФРГ, представили необычные летающие конструкции—плоскости из пластмассы, алюминия, дерева, имеющие самые фантастические очертания либо, наоборот, форму самых обычных предметов—тарелок, тачки... Англичанин Питер Волл сконструировал «летающий утюг». «Утюг» имеет размеры 240 на 120 сантиметров и снабжен двигателем внутреннего сгорания емкостью 10 кубических сантиметров, позволяющим развивать скорость до 50 километров в час. Расчет и постройка таких летающих курьезов—довольно трудная задача. Их управление обычно телемеханическое. Все они летят при большом угле атаки, то есть несущая плоскость сильно приподнята.

«МЛОДЫ ТЕХНИК»,
ПОЛЬША

УНИКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В ТАРАССЕ

Город Тарраса расположен в известном своим текстильным производством Каталонии. Именно здесь возник более тридцати лет назад музей, не имеющий себе подобных. В нем собрано свыше 10 тысяч ценных экспонатов—текстильного сырья, тканей, одежды... В залах его можно увидеть изысканные шелковые изделия французского, испанского, китайского и японского производства, обрядовые уборы, украшенные золотом эпохи готики и Ренессанса, образцы египетско-коптских, персидских, турецких текстильных изделий, военную форму различных времен и народов.

Более всего привлекают внимание посетителей редкостные восточные ковры, гобелены—экспонаты из Индии, изделия мастеров Филиппин и Африки. Самыми ценными экспонатами являются, несомненно, обрывки ткани из гробниц фараонов, изготовленной между 2000 и 1500 годами до нашей эры, а также образцы ткани, датированные VI веком до нашей эры, найденные недавно в Испании.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Одураченные рыцари

1961 год внес знаменательный поворот в жизнь обанкротившегося генуэзского торговца парфюмерией Энрико Виго: с кипой старинных документов в руках он вынул главного судью одного сицилийского городка официально объявить, что он, Энрико Виго, является потомком последней византийской династии Палеологов и правомочен раздавать титулы — барона, графа и т. п. Бывший торговец, теперь уже носящий громкое и длинное имя — Константин Энрико III де Виго Аларамико Палеолог, — тут же на месте наградил уступчивого судью титулом графа.

После обнадеживающего начала последовало еще более обнадеживающее продолжение. «Его величество» перенесли свою резиденцию в Австрию и обосновались в замке Фушль. Здесь Виго женился на хозяйке косметического салона, пожаловал тестю титул графа, шуринов сделал баронами, а потом объявил всему миру, что он является великим магистром рыцарского ордена Константинопольского Святого Креста и может посвятить в рыцари любого, готового пожертвовать определенную сумму на увеличение блеска его двора.

В замок началось подлинное паломничество. Прибывали члены старых богатых семейств и нувориши, возжелавшие за пачку банкнот купить себе «голубую кровь», тщеславные христианско-демократические политики, молодые люди, поставившие целью завоевать сердца, вернее, кошелек богатых дам...

Впрочем, в замке появились и подлинные аристократы. Чтобы стать после соответствующего обряда рыцарем ордена, вставали на колени перед «магистром» члены известных дворянских семей. Константин Энрико III де Виго посетил венский резидент Мальтийского рыцарского ордена. В рыцари пожелал посвятить себя даже американский космонавт Гленн. Дела у новоявленного магистра шли так успешно, что греческие монархисты вели с ним переговоры о возможных вариантах вступления на королевский престол...

Но, как гласит пословица, «где с кувшином по воду ходит, там ему разбитому и быть». В данном случае разбился не кувшин, а стеклянная пепельница — о голову «его величества», которого супруга застала с одной из колл-герлз. Однако рукоприкладства не в меру ревнивой «ее величеству» показалось недостаточно. Она вызвала журналистов и выложила им все карты. Пусть каждый узнает, заявила она, что все это обман и мошенничество, что пергаментные документы и прочие «доказательства» были сфальсифицированы. Подлинным был лишь меч, который Виго украл в свое время в Милане.

Добавим от себя, что подлинными были также деньги, извлеченные из карманов простаков, мечтающих о титулах.

«МЛАДЫ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НАСКАЛЬНЫЙ РИСУНОК РАССКАЗЫВАЕТ О ЗВЕЗДАХ

Наскальный рисунок, найденный археологами на стене одной из пещер Северной Калифорнии, заставил ученых призадуматься. Что может означать стилизованное изображение лунного серпа и рядом с ним — крупной звезды? Примерная датировка рисунка — 800—1000 год нашей эры. Видимо, наблюдатели каменного века (1000 год в Америке — это еще каменный век) изобразили какое-то привлекшее их внимание небесное событие. Сходные рисунки, показывающие такое же положение Луны по отношению к звезде и относящиеся приблизительно к тому же времени, были найдены и в Аризоне.

Расчеты астрономов, заинтересовавшихся этими находками, показали, что наскальные рисунки отражают вспышку Сверхновой в созвездии Быка. 900 лет назад эта звезда, на месте которой впоследствии образовалась Крабовидная туманность, для земного наблюдателя была расположена поблизости от Луны. Удалось даже установить месяц вспышки Сверхновой. Два-три дня, спустя после новолуния Луна находилась на фоне рисунка созвездий, характерных для позднего лета Северной Америки, значит, зафиксированное древними астрономами событие произошло в начале августа. Что же касается года, то специалисты полагают, что это был 1054 год — именно тогда китайские астрономы, как сообщают старинные хроники, отметили, что на небе засияла новая яркая звезда, которую до этого никто не видел.

«ВЕДА А ЖИВОТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Фабрика... бросает якорь

Из Японии отправилась в долгое трехмесячное плавание «первая плавучая целлюлозная фабрика в мире». Ее более чем 26 000-километровая трасса ведет через Тихий и Индийский океаны в Атлантику и через Атлантику к берегам Бразилии. Здесь фабрика войдет в реку Амазонку и бросит якорь в самом сердце ее девственных лесов. Плавучая фабрика начнет перерабатывать на месте амазонскую древесину в целлюлозу и поставлять ее крупным бразильским бумажным фабрикам. Бразильские специалисты подсчитали, что производство в центре джунглей гораздо удобнее и экономичнее. «Плавучую фабрику» построили в Хиросиме. Длина судна-фабрики 220 метров, ширина 45 метров.

«НАУКА И ТЕХНИКА
ЗА МЛАДЕЖАТА»,
БОЛГАРИЯ

В СЕМЬЕ 1301 ЧЕЛОВЕК!

В конце прошлого века у жителей Аргентины супругов Анны и Лоренцо Фачелло родилось пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Проходили годы, дети выросли, женились и выходили замуж, в свою очередь, обзаводились семьями из детей... И вот недавно, когда старый Фачелло вместе с девяностопятилетней женой

праздновал свое девяностовосьмилетие, со всех уголков страны к ним съехались дети, внуки, правнуки и праправнуки. Кому-то пришлось в голову сосчитать, сколько потомков пришло на день рождения Фачелло. Оказалось, что из 1301!

«МАГАЗИН»,
РУМЫНИЯ

Преступление Птолемея

Сколько лет может просуществовать научная теория? Что касается астрономии, то рекордом в этом отношении стала геоцентрическая система мира древнегреческого ученого Клавдия Птолемея. В соответствии с этой теорией все видимые движения небесных тел объяснялись их обращением вокруг неподвижной Земли. И теория эта безраздельно царствовала в астрономии почти полторы тысячи лет. Изложена она была Птолемеем в трактате «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» («Альмагест»), который считался непревзойденным образцом обобщения всей совокупности астрономических знаний. И лишь в начале XVI века с появлением на научной арене Коперника, Тихо Браге, а позднее Кеплера и Галилея отношение к этому сочинению Птолемея резко изменилось — начала утверждаться гелиоцентрическая система мира.

Итак, ясно, что система Птолемея была неправильной. Но, как оказалось, дело не только в этом. Недавно известный американский астрофизик Роберт Ньютон, тщательно проанализировав «Альмагест», установил, что все числовые величины в этом монументальном произведении попросту... сфабрикованы Птолемеем, чтобы подтвердить его теорию.

Используя математический аппарат современной астрономии, Роберт Ньютон сделал вывод, что Птолемею не только искусно подогнал данные к своей теории, но и сознательно искажал в свою пользу открытия и выкладки своих предшественников, в частности крупного ученого древности Гиппарха. Книги Птолемея были приняты тогдашним научным миром очень благожелательно и быстро канонизировались, поэтому подвергать их критическому анализу

никому не приходило в голову. А может, кому и приходило, да подвергать сомнению теории признанного корифея науки было делом довольно безнадежным и отнюдь не безопасным. К тому же мало кто из ученых того времени обладал колоссальной эрудицией Птолемея и его сильной убеждения.

Данные, основанные на фальсифицированных выкладках Птолемея, были приняты Коперником, и поэтому его прогрессивная гелиоцентрическая система оказалась гораздо более сложной, нежели это было возможно. Те же излишние сложности, по мнению Роберта Ньютона, оказали весьма существенное влияние на развитие теоретических основ современной астрономии. Роберт Ньютон утверждает также, что если бы Птолемею не написал свой «Альмагест», то сохранились бы многие открытия древнегреческой астрономии, которые по его вине оказались безвозвратно утраченными. Впрочем, не исключено, что Птолемею не столько фальсифицировал чужие результаты, сколько производил их тенденциозный отбор. Сущность дела это, однако, не меняет.

Налицо научное преступление, утверждает Роберт Ньютон. Оно заключается в том, что Птолемею нарушил этические нормы ученого, навсегда лишив человечество фундаментальных знаний в важной отрасли астрономии. Что же было мотивом его действий? Вероятно, жажда славы, стремление увековечить себя на страницах истории науки в качестве величайшего астронома всех времен и народов, которым он не был ни по своим способностям, ни по уровню теоретических знаний, заключает Роберт Ньютон.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

КАРАШКА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой события продолжали развиваться еще быстрее: конфликты привели к третьей жертве. Сержанта Вильямса злонамеренно запирают в кладовой. Читателям со слабыми нервами рекомендуется в этом месте прервать чтение, так как мы не несем ответственности за возможные последствия.

Неделя прошла без каких-либо событий. Эрвин так и пропал. Эванс был тихо похоронен на старом кладбище. Адвокат Локридж вычеркнул его из списка наследников, а долю Эванса разделил между оставшимися в живых.

Инспектор Бейли был вынужден с огорчением признать, что он по-прежнему топчется на месте, хотя круг подозреваемых сузился. С одной стороны, подозреваемы были все, с другой — никому из них нельзя было что-либо инкриминировать, так как не было улик, дающих право арестовать преступника. Почти каждый день Бейли рыскал по Карентину, исследовал каждый уголок запущенного парка, допрашивал жителей, изучал материалы о прошлом подозреваемых.

Этот случай вызвал немалый интерес прессы. Репортеры осаждали бюро инспектора, торчали в «Кровавой кузнице», сновали вокруг замка. Один из них, решив, что он хитрее других, проник в замок, нарядившись трубочистом. Но он наткнулся на Патрицию, накинущуюся на него с половником, которым она помешивала в кастрюле гороховое пюре. Репортер бежал быстрее лани, к счастью, не получив никаких повреждений.

Следующей жертвой коварного завещания Роберта Торпа оказалась Стелла Грэди.

После ужина с Дороти и полковником — ужин сервировал Фишер, а Патриция возилась на кухне — Стелла Грэди встала и вышла на террасу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Грэди взглянула на окно своей комнаты, там горел свет, хотя она могла поклясться, что, уходя, выключила его.

В Стелле были все качества эгоистки, но трусливой она не была. Правда, на всякий случай она приобрела разрешение на право ношения оружия и купила пистолет, который постоянно носила в своей сумочке.

От террасы до черного хода было всего лишь несколько шагов. Стелла тихо поднялась по лестнице и остановилась перед дверью своей комнаты.

Из комнаты не доносилось ни звука. Грэди рванула дверь и чуть было не закричала: в комнате было темно. Она инстинктивно потянулась к выключателю, но в это время почувствовала, как кровь стечет в ее жилах. Кто-то одной рукой закрыл ей рот, а другой вырвал пистолет. Хриплый голос прошептал, что если она издаст хоть один звук, ей придет конец. Преступник затащил Стеллу в массивный дубовый шкаф и захлопнул дверь.

— Я почти задохнулась, потому что боялась даже дышать, — рассказывала Грэди позже инспектору и всем, кто хотел выслушать ее рассказ.

Хотя ничего ужасного и не произошло, страху она натерпелась. В шкафу висело несколько пальто и шуб, еще с зимы пересыпанных нафталином. Там было душно, нафталин набился Стелле в нос, и она огромным усилием воли заставила себя ни разу не чихнуть.

— Если бы я хоть раз чихнула, меня уже не было бы в живых, как это случилось с бедным Эвансом и Эрвином Конроем, — сказала она Бейли, вместе с которым осматривала комнату.

Ничто не свидетельствовало о том, что таинственный преступник что-то искал. Если бы у Стеллы не был прижат пистолет, то инспектор едва ли поверил ей.

Стелла Грэди отвечала колкостями, но вскоре умолкла и стала задумчива. Декстер попытался объяснить случившееся вмешательством сверхъестественных сил, но Стелла набросилась на него:

— Прекратите наконец этот вздор! Я готова пойти на все, принимать участие в спиритических сеансах,

ЗАМКА

КАРЕНТИН

РОМАН-ПАРОДИЯ

Перевод Галины
и Юрия ЖАРОВЫХ.

если это доставляет удовольствие. Но когда речь идет о моей жизни, то здесь не до шуток.

Стелла сидела, как обычно, в кресле-качалке Декстера, который в это время бегал из угла в угол по комнате.

— Но, моя дорогая, я не хотел тебя обидеть. Я просто беспокоюсь за тебя. — Полковник жалко улыбнулся.

— Если твоя фантазия доходит лишь до того, что какой-то призрак закрыл меня в шкафу, то я предпочитаю, чтобы ты помолчал. Теперь я буду говорить, — заявила она, когда полковник попытался возразить ей. — Ты до сих пор еще не понял, о чем идет речь, — сказала Грэди, постучав жилистым пальцем по лбу. — Ведь теперь на очереди мы. Если мы ничего не предпримем, она отправит нас на тот свет с таким же хладнокровием, с каким только что на кухне разделывала карпа.

— Кто? Патриция?

У Стеллы Грэди мелькнули две мысли. Первая: если бы он был даже единственным мужчиной на всем белом свете и вдвое моложе, то все равно никогда и ни за что она не вышла бы за него замуж. Это было бы хуже, чем вместо чая пить каждый день чернила. Вторая: надо заставить этого идиота отправить Дороти на тот свет. Например, насыпав ей в чашку с чаем индийского яда.

— Патриция? Не будь наивен. Эта безобидная жирная особа не может без рыданий поставить даже мышеловку. Нет, единственно, о ком может идти речь, так это о Торп. И хотя я люблю эту бывшую сельскую учительницу так же, как ячмень в своем собственном глазу, я должна признать, что она энергична и целеустремленна. Подумать только, как она сумела убраться Конроя. Ведь я находилась в прихожей, не дальше десяти шагов от места происшествия. Все это граничит уже с...

— Ужасно! И происходит же такое на свете... — Полковник не успел закончить фразу, ибо Грэди наступила ему на ногу металлическим каблуком-шпилькой и спокойно продолжала:

— Я не могу просто понять, как он мог исчезнуть. Бейли и его люди перерыли весь дом. Но, видимо, инспектор глупее, чем я думала. Кроме того, эта сельская учительница отравила его портером, поэтому он не будет ее уличать. А это означает, что теперь на очереди один из нас или мы оба.

— Ты это серьезно? — Голос Декстера, обычно гнусавый, даже когда он потружился в воспоминания о бравых походах, задрожал от страха.

— Настолько серьезно, Гарри, что я уже вижу себя покупающей венки на твою могилу.

— Прекрати нести вздор! — Полковник замахал руками. — Ты знаешь, что я четырежды перенес малярию. С тех пор мои нервы сдали. Не таким я был, когда мы душили индийских повстанцев.

— Во всяком случае, мы должны что-то предпринять, а для этого нужны железные нервы.

— Ты считаешь, что мы должны... Нам нужно... — заикаясь, промолвил Декстер.

— Что нам еще остается? — Грэди испытующе посмотрела на полковника и поняла, что тот трусит. Как бы про себя она сказала: — Я боюсь смерти.

Когда я думаю о кладбище в Уолсе, то чувствую себя истлевшей и сгнившей.

Декстер нервно кивнул головой. — И как ты себе это представляешь? — спросил он.

Грэди придвинулась к нему, положила свою жилистую руку на его руку и ласково сказала:

— У тебя есть маленькая ампула, о которой ты мне рассказывал, и ты ведь храбрый мужчина. — Она указала на фотографию, где Декстер был изображен с убитым королевским тигром. И тихо добавила: — Ты понимаешь, что мы тогда сразу же распорядимся всем наследством.

Декстер снова кивнул, выражая согласие с планом Грэди, при этом его губы вытянулись в прямую линию.

— Ведь мы в самом деле должны защищаться, — сказал он наконец неуверенно. — Если она убийца, а она таковой является, и если Бейли идиот, который не может ее изобличить, то мы должны действовать. Наш долг положить конец проискам этой особы. Да, это наш долг!

Стелла Грэди облегченно вздохнула, и они договорились, как реализовать свой план.

Чай, как обычно, готовила Патриция, а Фишер подавал его в серебряных чайниках. На одном из них был выгравирован герб династии Торпов, и этим чайником имела право пользоваться только хозяйка. Иногда, правда, желая подразнить Патрицию, Грэди брала чайник себе. Именно это спасло Дороти жизнь.

Когда Фишер накрыл на стол и поставил чайник, Дороти и Стелла Грэди находились в своих комнатах. Полковник вылил содержимое ампулы в чайник, который стоял на месте, где обычно сидела Дороти, и вышел на террасу. Дворецкий пригласил дам к чаю. Патриция, желая, как всегда, удостовериться, правильно ли сервирован стол, сразу заметила, что Фишер допустил ошибку или, возможно, намеренно нарушил свои обязанности. Он поставил чайник с гербом рядом с прибором Грэди, а на месте, где сидит ее хозяйка, стоял чайник без герба. Сердито сопя, она поменяла их местами.

Послеобеденный чай прошел, как обычно, при полном молчании. Лишь было заметно, что Декстер и Грэди пристально поглядывали на леди Торп, листавшую какой-то журнал. В нем было несколько красочных фотографий загорелых веселых людей на водных лыжах в одной из бухт Адриатики. На других фотографиях они были изображены вечером под синим звездным небом на террасе дома в мавританском стиле, где слушали музыку, пили охлажденные напитки и беседовали. Такая жизнь была мечтой Дороти.

Она бросала недружелюбные взгляды на своих соседей по столу и думала о том, как было бы хорошо отделаться от них.

Это случилось быстрее, чем она могла надеяться. Первой исчезла Грэди. На старом «фиате» полковника она врезалась в липу, росшую на обочине дороги перед поворотом на Уолс. Дереву было около пятисот лет, и на стволе висела дощечка, на которой значилось, что дерево посажено королем Ричардом

Рисунки Сергея ТЮНИНА

III в 1484 году в знак того, что на этом месте святой Патрик помог ему спастись от лап огромного медведя.

Ни Патрик и ни другой святой не предупредили, однако, Грэдди, и она со скоростью в семьдесят километров въехала на крутой поворот, поскольку уже была в бессознательном состоянии, вызванном медленно действующим ядом. В нескольких метрах от липы у нее потемнело в глазах, она пыталась нажать на тормоз, но было уже поздно.

Мотор загорелся, и пламя мгновенно охватило всю машину, а затем взорвался бензобак. Когда к месту аварии, оглашая округу воем сирены, подъехал наряд транспортной полиции, автомобиль и водитель уже обуглились.

Получив по телефону сообщение об аварии, Бейли сначала потерял дар речи, затем пришел в себя и с такой силой стукнул кулаком по столу, что чернильница и ручка взлетели к потолку. Побелев от ярости, он позвал Вильямса.

Когда растерянный сержант вбежал в комнату, Бейли посмотрел на него так, как разъяренный бык смотрит на неопытного тореро, намереваясь поддеть его на рога и пронести по арене.

— О чем вы думали, когда начали служить в полиции?—спросил он Вильямса тихим, вкрадчивым голосом.—Вы хотите стать инспектором или даже старшим инспектором, а может быть, и суперинтендантом, не так ли? Вы умны, вам нельзя отказать в добросовестности и прилежании. У вас есть необходимые связи, а почтенный сэр Арчибальд является вашим дядюшкой.—Бейли сделал паузу, несколько раз глубоко вздохнул и сказал с явным сарказмом:—И все же вы никогда не станете ни инспектором, ни старшим инспектором, ни суперинтендантом! Из вас ничего не получится. А почему? Потому что вас с треском выгонят из полиции! И меня тоже.

— Что, собственно, случилось, сэр?—отважился наконец спросить Вильямс.

— Третья жертва в замке Карентин.

— Убийство?

— Якобы автомобильная авария.

— Кто же на этот раз?

— Грэдди.

— Если это была автомобильная авария, сэр, тогда...

— Не будьте идиотом, Вильямс. Провалилась мне на этом месте; если это была автомобильная авария. Но мы опять ничего не можем доказать, считайте, что труп исчез. В бензобаке было сорок литров бензина. На том месте, где ее нашли, удалось наскрести лишь горсть золы.

— Если вы позволите, я хотел бы задать один вопрос, сэр.

— Послушайте, вы тоже начинаете говорить таким же нелепым языком, как этот Фишер!—заорал на него инспектор.—И не стойте как жердь, словно у вас срассос позночник. Это действует мне на нервы! Что вы хотите спросить?

— Я хотел бы знать, как вы можете с такой уверенностью утверждать, что несчастный случай вовсе не несчастный случай.

— Понятия не имею. Но, черт возьми, я убежден в этом! Этого вам не достаточно?

— Нет.

— Гм,—пробурчал Бейли, как обрывающаяся басовая струна виолончели.—Хорошо. Давайте подумаем вместе. Возьмем факты, только факты, и ничего, кроме фактов.

— Согласен, сэр, только факты,—ухмыльнулся Вильямс.

— Послушайте, Вильямс, я запущу сейчас вот этой чернильницей в вашу голову. Бегайте тогда целую неделю синекожим.

— Если вы позволите заметить, сэр, то на этом свете нет синекожей расы.

Вместо того, чтобы признать это несомненно правильное замечание, Бейли сделал что-то невероятное. Он схватил чернильницу, встал, подошел к Вильямсу и медленно, с наслаждением вылил ее содержимое на его голову. Потом, как когда-то Лютер, он разбил чернильницу о стену, хотя ему и не почувдился там черт. Он сделал это скорее потому, что неожиданно его осенила мысль, которая была настолько же абсурдна, как говорил позднее сам, насколько абсурдной может быть иногда сама истина.

— Вот видите, все же есть синекожие люди,—обратился он к Вильямсу, который стоял, поджавши хвост.

Вильямсу было лет двадцать пять, он не курил, был здоров, холост и поэтому свободен от всяких забот. Бейли считал Вильямса излишне серьезным. Оказалось, что он ошибался.

— Вы убедили меня, сэр.—Молодой сержант посмотрел на себя в висевшее над умывальником зеркало.—Но шутка будет стоить вам десять фунтов. Эту сумму вы переведете на счет общества антиалкоголиков «Легко на сердце без виски» в Уолсе. В противном случае я сейчас же сажусь за стол и пишу остатком чернил жалобу. И у вас есть недруги, причем не только в полицей-президиуме, но и в прессе.—Он сказал это на полном серьезе, но потом вынужден был рассмеяться.—Вот будет спектакль, если я в этом виде попаду на первую полосу ливерпульской газеты! Заголовок: «Инспектор освящает своих подчиненных чернилами!» Фото вызовет сенсацию по всей Англии.

Бейли проглотил слезы. Он был шотландцем и поэтому, если верить преданию, немного скуповат. Но он обладал достаточным чувством юмора.

Молча вытащил он из кошелька десять фунтов и положил их на стол. Из портмоне он достал один шиллинг и добавил его туда же.

— Это на чистку. А теперь убирайтесь прочь с моих глаз и возвращайтесь лишь после того, как вновь будете принадлежать к белой расе.

Когда Вильямс вернулся, его расовую принадлежность нельзя было точно определить. На лбу, затылке и висках кожа отсвечивала зеленым цветом, щеки отдавали в желтизну, а подбородок приобрел фиолетовый цвет.

Инспектор посмотрел поверх очков.

— Если вы основательно отмоетесь, то расовая проблема для вас будет решена,—заметил он. Потом неожиданно выпалил:—Этот Фишер совсем не пятидесятилетний человек независимо от того, имеет он отношение к этим убийствам или нет.

— У вас есть доказательства?—донимал Вильямс инспектора точно так же, как это было в начале беседы, когда Бейли утверждал, что бывшая начальница почты погибла не случайно.

— Доказательства, доказательства!—передразнил его инспектор.—Нет у меня доказательства, но зато у меня есть интуиция, вы, синяя борода.

— Для судебных следователей интуиция пустое слово. Это ведь ограниченные, то есть логические думающие люди.—Вильямс почесал подбородок.

— Послушайте!—Бейли поднял толстый указательный палец.—А что вы подумали бы обо мне, если бы я, например, сказал: «Сэр, я приложил максимум усилий, чтобы сохранить в этом сосуде кофе при температуре, которую вы предпочитаете». Ну, как?

— Я бы счел вас идиотом. Или...—У Вильямса началось просветление мозгов.—Вы считаете, что такой высокопарный слог дворецкого Фишер усвоил из книг? В действительности же он никогда не был ни дворецким, ни стоардом, ни кем другим?

— Именно так. А из этого следует, что данные его биографии, по крайней мере за последние десять лет, неверные. Не исключено, что он провел их в тюрьме, сумасшедшем доме или в другом каком-либо изолированном заведении.

— Однако при проверке данные подтвердились.

— Ничего не подтвердилось, вернее, другое: человек по имени Фишер действительно работал стоардом на указанных судах. Но кто вам скажет, что наш Фишер и был тем стоардом?

— Вы правы. Мы должны немедленно направить фотографию Фишера в международную полицию «Интерпол»,—горячился Вильямс.—Но если даже

выяснится, что Фишер совсем не Фишер, а какой-то гангстер, мы еще долго не сможем его изобличить. У него нет-ни малейшего мотива отправлять на тот свет наследников этого сумасшедшего Роберта Торпа. Вероятнее всего, он хотел провести последние годы жизни спокойно и поэтому нанялся садовником в Карентин.

— А если он и леди Торп заодно? Можете ли вы доказать обратное? Мы не можем доказать ничего, абсолютно ничего!—Инспектором вновь овладело чувство негодования.—Даже то, что этот дурень, почтенный сэр Роберт, умер естественной смертью. Вполне возможно, что серия убийств началась с него.

— Вы считаете, что мы должны провести эксгумацию?

— Конечно, это вызовет много шума, но и без того этот случай уже наделал столько шума, что при одном воспоминании о нем у меня раскалывается голова. Итак, поставьте вопрос об эксгумации, но перед этим получите согласие леди Торп. Кстати, что нам известно о Торп? Мы знаем, что у нее есть мотив, я бы сказал, идеальный образец мотива. И возможностей у нее тоже хватало. Это же относится и к Декстеру. Что касается Конрой, то я просто не знаю, что подумать.

— Конрой?—спросил удивленно Вильямс.—Вы считаете...

— А почему бы, собственно, нет? Вполне даже возможно, что он, так же как я или вы, ходит по земле. Кровь на кафеле? В человеке шесть литров этого добра, и если в нем будет на какой-то литр больше или меньше, это не имеет значения. Но если его не убили...

— То его жена должна знать об этом. А она не производит такого впечатления. Она была действительно потрясена.

— Бээ!—Инспектор от неожиданности чуть не заблеял.—Чего захотели! Она хотя и никудышная актриса, но изобразить сцену отчаяния—для этого не нужно большого таланта. Даже я, который никогда не ступал на скрипящие подмости, мог бы разыграть такую же сцену.

— Итак, предположим, что Конрой жив. Сразу возникает вопрос, где он находится. Почему он скрывается или почему его прячут?

— Он наверняка в замке.

— Есть ли у вас доказательства на этот счет? Об этом, видимо, можно не спрашивать.

— Ну вот что, моя просьба прислать помощника из Ливерпуля не удовлетворена. Там все заняты нашедшей историей с похищением человека, за которого потребовали выкуп. Так что вам придется пожить в замке и бодрствовать ночами напролет.

Вильямс глубоко вздохнул.

— Я очень люблю спать, сэр. Если я не посплю девяти часов, сэр, я просто погибаю. Это мука для меня.

— Мука?—Бейли закатил глаза.—А как вы считаете, что значит для меня вся эта история? Думаете, это не мука? С тех пор как я занялся этим делом, я набрал шесть фунтов веса, ибо постоянно пью портер. Мне придется пройти курс лечения—три недели питаться только овсяным отваром и морковью.

— А как быть с экономкой Патрицией Хайсмит?—перебил инспектора Вильямс.

— Она наверняка не имеет никакого отношения к убийству,—парировал Бейли.

— И вы это можете доказать?

— Да, могу,—пробурчал Бейли.

— И все же я позволю одно замечание, сэр. Если вы подозреваете всех и каждого, то почему исключаете Хайсмит? Я надеюсь, это не связано с портером, которым эта дама так щедро потчует вас.

— В кулинарии она смыслит. Каждый раз, когда я появляюсь в Карентине, Патриция догадывается, о чем тоскует мой желудок.

Бейли отогнал гастрономические мечты, которые не давали ему покоя, и примирительно заметил:

— Конечно, нам не следует забывать и о Патриции.

Обсудив с Вильямсом все вопросы, он дал ему последний совет:

— На вашем месте я принял бы сначала горячую ванну и обработал свою физиономию порошком для чистки кастроль, иначе вас могут принять за существо с того света.

— Вы можете довольно часто получать удовольствие, разбивая на моей голове чернильницу, но каждый раз вам это будет стоить десять фунтов,—примирительно заметил Вильямс.

Большую часть своей жизни человек проводит при дневном свете, поэтому у него врожденный страх перед темнотой. Это чувство было присуще и Вильямсу. В течение дня он все рассматривал трезвыми глазами бдительного полицейского чиновника. Но когда наступала темнота и он украдкой пробирался в замок, то самоуверенность покидала его. Скрип раскачиваемых ветром ставен заставлял

его вздрагивать; игра света и тени от луны и проплывающих облаков казалась ему такой же жуткой, как блеск топора палача. Как-никак, а трое в этом замке уже погибли при странных обстоятельствах. Как знать, может быть, и его ждет та же участь...

Комната Декстера находилась на втором этаже в конце коридора. Свет не горел. Вильямс уже хотел открыть дверь в комнату, как до него донеслось покашливание. Дверь вдруг открылась. Вильямс включил карманный фонарик и начал осматривать помещение. В темноте что-то щелкнуло, и когда мимо него просвистела пуля, он почувствовал холодок около правого уха. Реакция была молниеносной. Вильямс бросился на пол, выключил фонарик и пополз в угол между шкафом и стеной. Поскольку он точно помнил обстановку в комнате, то знал, что здесь он в безопасности.

— Я знаю, куда вы заползли, — раздался хриплый голос Декстера со стороны книжной полки.

— Прекратите стрелять как сумасшедший. Я послан сюда защищать вас, — прошипел сержант вне себя от ярости.

— Кто вы?

— Вильямс. Вы что, не узнаете меня?

Полковник включил настольную лампу и вышел из своего укрытия, все еще держа в руке пистолет со звукоглушителем.

— Вы были на волосок от смерти. Быть бы вам на том свете вместе с другими.

Декстер обессиленно плюхнулся в кресло. Его бесцветные нависшие глаза были полны страха и обреченной решимости любой ценой защитить свою жизнь.

— Я вижу и в темноте, когда стреляю, — похвально сказал он. — Этому учатся во время охоты в джунглях. Пуля не должна была ни на сантиметр отклониться от вашего виска. Вас спасло только инстинктивное отклонение головы. В противном случае у вас была бы круглая дырка в голове.

— И вы избавились бы от необходимости жить здесь ближайшие десять лет и сидели бы в другом месте.

— Как я мог знать, что это вы? — Полковник, шумно дыша, с трудом закурил сигарету; его рука дрожала так, что он едва мог поднести ее ко рту. — Я ждал не вас, а убийцу.

— Вы привязали шнур к ручке, чтобы рвануть дверь, если кто-нибудь появится?

— Разумеется. Кто стреляет первым, тот живет дольше.

Декстер хихикнул. После смерти Грэди он находился в состоянии душевного смятения, что сильно отражалось на его и без того не очень живом уме. Об этом свидетельствовало также его очередное замечание.

— Самое печальное состоит в том, — прошептал он доверительно, — что я совсем не убежден, что убийца — существо во плоти.

Вильямс, который был весьма земным существом, полагал, что полковник просто дурачит его. Но когда он увидел странное выражение глаз бывшего офицера колониальной армии, то убедился, что перед ним полудиот.

— В Пенджабе нам пришлось ночевать в полуразрушенном храме бога Шивы, — продолжал шепотом Декстер, — и там тоже происходили странные вещи. Когда мой ординарец Гопкинс вошел в зал храма, от потолка оторвалась каменная плита и, вы не поверите, упала прямо бедняге на голову. А у него дома жена и пятеро детей.

— Почему я не должен вам верить? — поспешил заявить Вильямс. — Но сейчас для вас лучше всего принять успокоительную таблетку, отдать мне пистолет, закрыться на ключ и лечь спать. Утром мы поговорим поподробнее.

— Насчет успокоительной таблетки — мысль хорошая, — согласился полковник, — что касается пистолета — плохая. Без пистолета под подушкой я не могу глаз сомкнуть. — Глухо хихикнув, он продолжал: — Если во время обхода вам кто-либо подвернется, скажите ему о моем предупреждении. Во второй раз я не промахнусь.

— Об этом я скажу, не беспокойтесь. — С этими словами Вильямс быстро удалился. До его слуха донесся звук поворачиваемого ключа. Сержант осторожно поднялся на третий этаж. Перед дверью спальни Дороти Торп он остановился, там было тихо.

— Шах и мат, — услышал он еле слышимый шепот. Кто-то тихо разговаривал. Потом приглушенный голос, который, без сомнения, принадлежал Торп, сказал:

— Они не смогут ничего доказать, а это самое главное.

Вильямс решительно постучал в дверь. Когда Дороти наконец открыла, сержант, отстранив ее, вбежал в комнату.

Комната была пуста. Не удалось никого обнаружить и в соседней комнате, а также в ванной.

— Кто вас послал сюда? — неожиданно любезным тоном спросила Дороти.

— Я послан сюда защищать вас, — смущенно ответил сержант. — Кто находился в вашей комнате?

— Учитывая мой возраст, вам не следовало задавать подобные вопросы, молодой человек, — добродушно заметила Дороти. — Тем более, что вы ошибаетесь, я все время была одна.

— Мой слух меня не обманывает, — пробурчал Вильямс. Он открыл шкаф, заглянул под диван, бросил взгляд в ванную.

— Я гожусь вам в матери, Вильямс, даже в бабушки, если бы вы были на пять лет моложе, а я на пять лет старше.

Дороти налила в рюмку ликер и протянула его Вильямсу. Это смутило его: он не знал, как быть — опрокинуть рюмку или сделать вид, что не заметил угощения.

— Кроме мухи, которая уже несколько ночей мешает мне спать, вы никого здесь не обнаружите. Вильямс понимал, что Дороти обманывает его, издевается над ним, но не знал, как быть.

Пронзительный крик, донесшийся с первого этажа, помог избежать позорного отступления.

Вильямс стремглав ринулся по лестнице. Второй, слегка приглушенный крик заставил его направиться в царство Патриции — на кухню.

Патриция стояла посреди комнаты в ночной рубашке, отделанной черной тесьмой. Когда Вильямс влетел в комнату, Патриция как раз собиралась снова завопить, призывая на помощь.

Все эти события настолько взвинтили нервы Вильямса, что он грубо набросился на Патрицию, требуя, чтобы она перестала визжать.

— Я, я... — лепетала та, — как христианка, могу поклясться, что по замку бродит призрак.

— Где вы его видели? Как он выглядел? — рявкнул Вильямс.

— Сэр, я никого не видела, но это и есть самое таинственное во всей истории, — прошептала Патриция, пугливо озираясь.

— Перестаньте пороть чушь! — Нервы все больше отказывали Вильямсу. Не хватало ему еще этой истеричной дамочки, как он назвал Патрицию про себя. — Значит, вы ничего не видели? Может быть, вы слышали хотя бы шаги?

Нет, шагов она тоже не слышала.

Тем временем на крик прибежали Фишер, Роза и Дороти Торп. Вильямс прогнал их спать.

— Вы знаете, что я сделаю с вами? — грозно прошипел он побелевшей от страха круглоглазой экономке. — Я велю арестовать вас за нарушение ночного покоя и введение в заблуждение полиции.

Конечно, он не собирался этого делать, но должен же он был как-то реагировать на ситуацию. Патриция же восприняла его слова весьма серьезно и возмущенно возразила:

— Вы несправедливы ко мне, мистер Вильямс. Хотя я всего лишь бедная, несостоятельная вдова, но требую, чтобы полиция защищала меня так же, как если бы я была герцогиней или даже самой королевой, — заявила она не без величия.

Вильямс рассмеялся.

В длинной ночной рубашке, с платком вокруг головы, как у восточной принцессы, в плюшевых лилового цвета тапочках с вышитыми на них ландышами Патриция выглядела весьма комично.

— Ну хорошо, — благодушно сказал Вильямс. — Как же вы обнаружили привидение? Вы распознали его по запаху или наткнулись на него в потемках?

— Господин сержант, я бедная, несостоятельная вдова...

— Это я уже слышал, — отрезал Вильямс. — Ответьте на мой вопрос.

Патриция решительно направилась к кладовой, открыла ее и показала на большое блюдо с начатым куском жареной телятины. Затем она направила свой указательный палец на миску с пудингом, которая была наполовину пуста, и, наконец, на банку с маринованной селедкой.

— Вот ответ на ваш вопрос. Пересчитайте, пожалуйста, количество селедок! Сегодня вечером их было одиннадцать, теперь только семь. И от телятины отхвачен ломоть толщиной в три пальца. Да, сэр, отхвачен! По-другому нельзя назвать, когда так безобразно обращаются с мясом. А пудинг? Я думаю, что его цапали руками! Тот, кто может отличить ложку от вилки, не обращался бы так дурно с пудингом.

Описав подробно зловония призрака, обессиленная Патриция опустила на стул.

— Вы действительно убеждены, что кто-то пожирает ваши запасы? — уточнил сержант.

— Абсолютно убеждена. Уже второй раз я обнаруживаю свежие следы преступления, — заявила решительно Патриция. — И не думайте, что я сумасшедшая. Этот замок, — она показала на кладовую, — изобретение покойного доктора Эванса. По-

смотрите, ключ выглядит совсем просто. — Она поднесла его к самому носу сержанта. — И все же никто не может им пользоваться, не зная его секрета. Доктор Эванс был гений!

Вильямс осмотрел ключ, вставил его в замок, но когда он хотел закрыть дверь кладовой, то ему это не удалось — ключ не поворачивался. Он срабатывал лишь в том случае, если при каждом из четырех поворотов ключом манипулировали, просовывая его то вглубь, то выглатывая вверх.

— Черт возьми, зачем вам такой ключ для кладовой? Ведь не храните же вы там драгоценности.

— А кувшин с грушевой водкой, которую я готовлю по особому рецепту и которую кто-то крадет у меня? Я даже приобрела линейку и точно измеряла, сколько убывает водки. Один раз это составило восемь миллиметров, другой — целых три сантиметра! Я тотчас же сказала себе: либо это Фишер — грабитель банков, либо полковник — этот скрытый вымогатель наследства. Покойный доктор Эванс...

— Сколько ключей было сделано для кладовой? — прервал Патрицию Вильямс.

— Только один.

— А кто знаком с его особенностями?

— Леди Торп и я.

— Вы убеждены, что именно сегодня вечером вы закрывали этим секретным ключом замок?

— В этом я могу поклясться. — Обычно, когда Патриция клялась, она устремляла свой взор в потолок.

— Это как будто яено, — констатировал Вильямс. — Вы прокрались сюда, чтобы охранять свои кастрюли с мясом. А почему вы визжали?

— Мне показалось, что я слышу шорох. — Патриция продолжала содрогаться при одной мысли об этом. — Было ужасно страшно. Шур, шур, шур — как будто по кафелю ползает ядовитая змея. И все это совсем рядом. Но вдруг погас свет, и я... бедная, несостоятельная вдова... Было очень страшно.

— Знаете что, миссис Хайсмит, у меня есть подозрение, которое так же ужасно, как ваше предположение. А что, если этой ядовитой змеей был я, Вильямс? Я ползаю по дому с тех пор, как стемнело.

— Но это был кто-то, кто... кто посягал на мою жизнь!

— Скорее на вашу телятину и грушевую водку, — хладнокровно предположил Вильямс. Неожиданно у него промелькнула одна мысль, но он промолчал, лишь сказав Патриции: — А теперь идите спать, я покараулю вашу кладовую.

Сержант взял висевший над плитой маленький топор для разделки мяса и потряс в воздухе этим опасным оружием в знак предупреждения всем видимым и невидимым грабителям телятины.

Когда Патриция вышла из кухни, он задумался: неожиданно возникшее подозрение не давало ему покоя. Кто бы ни был у Дороти Торп перед этим, он не мог спрятаться без ее ведома в Карентине, может быть, даже в одной из ее комнат. Это наверняка был сообщник леди Торп. Сам он вряд ли мог бы догадаться, как пользоваться секретным ключом.

Вильямс встал и подошел к кладовой. Как же все-таки работает ключ? При первом повороте вставить его лишь до середины замка, при втором — до щелчка...

Как и все, кто бился с пути праведного, катятся по наклонной плоскости, так покатылся и Вильямс. Когда он после нескольких напрасных попыток открыл дверь, то вспомнил, что с самого обеда ничего не ел. Жареная телятина так и манила, казалось, что она прямо-таки и ждала быть съеденной. Точно так же вели себя селедки в банке и пудинг...

Тягие шаги, раздавшиеся из кухни, заставили Вильямса обернуться. Но было уже поздно. Дверь с шумом захлопнулась, и он, жертва своего неумного аппетита, стал пленником. Для сержанта было невыносимым представить себе, как он будет выглядеть утром, когда Патриция найдет его в кладовой, и что скажет на это Бейли. Сержант решил избавиться от душевных мук. Это позволило бы ему по крайней мере найти какую-то отговорку, и он начал стучать в закрытую дверь. Сначала несколько нерешительно, затем нетерпеливо и все громче. Бум, бум, бум — раздавалось в тишине. Капли пота проступили у Вильямса на лбу, но это был единственный результат его стука. Никто не слышал его или не хотел слышать. Правда, стены замка были метровой толщины, а на нижнем этаже никто не спал. Но чем могли помочь ему все эти рассуждения! По крайней мере семь-восемь часов ему придется торчать в этой камере пыток.

В конце концов Вильямс присел в углу на корточках и задремал. Но и во сне его преследовали кошмары. Ему снилось, что покойный сэр Роберт, глотая телячью косточку, барабанит в крышку гроба и кричит, что жена хочет его убить, а полиция не защищает его. Затем появилась Грэди с черным,

как уголь, лицом, поскольку она ведь сгорела, но на этот раз казалась живой и сидела за рулем автомашины. Грэдзи прошептал, что ее, а также и других убила Патриция. Эрвин Конрой появился в образе огромного кота с маринованной селедкой во рту. Он промяукал, что не Вильямс, а он отравил пудинг, жертвой чего стала Грэдзи. И в заключение на пороге кладовой появился Фишер. Он тянул за собой корыто на четырех колесиках, в котором плавал пароходик.

Вильямс уже собрался спросить, не является ли это корыто на колесиках изобретением Эванса, как вдруг проснулся от скрипа.

Через узкое окно в кладовой пробивался утренний свет. Дверь кладовой была открыта, и в кухне уже не во сне, а наяву высилась чинная фигура Фишера, а за ним чуть поодаль — Патриция, закрывавшая от ужаса лицо руками.

— Ночью я совершал обход замка, и кто-то запер меня здесь, — сказал Вильямс, отвечая на вопросительный взгляд дворецкого. При этом он попытался придать своему голосу по возможности деловой тон.

Однако это получилось не очень убедительно. Поскольку Фишер был образцом дворецкого, по его благородному лицу проскользнула лишь едва заметная улыбка. Но про себя он, конечно, злобно ухмылялся.

— Если вы разрешите, сэр, я хотел бы приготовить вам завтрак. Вы, наверно, очень голодны, — сказал он, глядя на жаркое, и попятился, поскольку благоуханный дворецкий никогда не поворачивается к господам или гостям спиной.

Бедная вдова Патриция уселась за кухонный стол и безмолвно качала головой...

Вильямс хранил молчание. Его преследовала лишь одна мысль: что скажет Бейли о его промахе.

Когда Вильямс рассказал ему о своем вынужденном ночлеге в кладовой, при этом несколько скрыв истину, Бейли сразу же понял, что произошло в действительности.

— Но я надеюсь, что вам по крайней мере понравилась жаркое и грушевая водка? — поинтересовался он с безобидной миной.

— Мне пришлось думать кое о чем другом, нежели о жарком и водке, — солгал Вильямс. Но потом, устыдившись своей моральной мелочности, он признался: — Было очень вкусно. Вместе с тем я полагаю, что Декстера мы можем вычеркнуть из списка подозреваемых. Тот, кто с пистолетом в руке сидит в темной комнате и ждет убийцу, едва ли сам может быть убийцей.

— Это уже что-то новое, — одобрительно кивнул Бейли. — Но если Декстер выбывает из числа подозреваемых, то улики против Торп возрастают. Прежде всего потому, что она хотела вас обмануть, заявив, что в ее комнате никого не было. Он задумался. — А вы заглянули в постельный ящик диван-кровать, когда осматривали комнаты?

— Постельный ящик?.. — У Вильямса сделалось глупое лицо.

Бейли взглянул на него почти с состраданием и проворчал:

— Это делают при первом же визите, сразу после приветствия. Ну, а теперь наденьте на себя что-нибудь черное в знак уважения к покойнику. Эксгумация назначена на пять часов. Посмотрим, что она покажет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

в которой читатель посетит склеп весьма почтенного сэра Роберта Торпа, так как ни один английский детективный роман немислим без присутствия в нем мрачного ЗАМКА ПРИЗРАКОВ и кладбища. В остальном же непредвиденные обстоятельства подвергнут новому серьезному ТЕСТУ нервы оставшихся в живых героев романа.

Любое кладбище — это участок земли, который уже сам по себе навеивает печаль даже на людей с веселым нравом. Кто бы ни лежал в этой земле и как бы брэнна ни была человеческая жизнь, можно легко стать меланхоликом. Это касается большинства людей.

Большинства, но не отцов города Уолс, которые привыкли мыслить коммерческими понятиями.

Этот маленький городок, который так гордился своим прошлым, потому что был много раз окружен, разграблен и сожжен дотла, мирно дремал до недавнего времени. Это привело к плачевному состоянию канализацию, освещение и улицы города.

И вот на основе какой-то пожелтевшей грамоты, подлинность которой никто не мог доказать, отцы

города решили наконец, что их городишко представляет собой в первую очередь для туристов жемчужину английской истории. Стены много раз сожжены и вновь восстановленной церкви были построены во времена Ричарда Львиное Сердце, но уж если не сами стены, то по крайней мере тumba перед церковью. Аналогичная легенда была придумана и о кладбище. Как значилось в путеводителе, на нем захоронены целых шесть епископов и, кроме того, бывший убийца туристов, владелец таверны «Кровавая кухня». Но самое жуткое было непосредственно связано с семейным склепом светлейших Торпов.

Вход в склеп охраняли два каменных ангела, но опять-таки, согласно путеводителю, это были необычные ангелы. В ночь на страстную пятницу они были крыльями, чтобы вознестись на небо. На вопрос, почему они хлопали крыльями, путеводитель ответа не давал. Но одно воображение, что каменные фигуры весом в пять центнеров могли, как птицы, парить в воздухе, шокировало туристов, равно как и средства для пыток в трактире Билла Шеннона.

Будучи трезвым и не обладающим фантазией человека, инспектор Бейли по весьма прозаическим причинам взглянул на небо.

— Именно сейчас, как назло, пойдет дождь, — пробурчал он, поднимая воротник пальто. — Надо было захватить зонтик.

Вильямс, который взял напрокат у своей хозяйки черное пальто ее умершего и похороненного тоже на этом кладбище мужа, несколько раз чихнул.

— Странно, но есть люди, которые клянутся, что видели, как летают эти каменные ангелы, — обратился он к инспектору.

Бейли взглянул на него, словно усомнился, все ли у Вильямса дома.

— Если вы собираетесь шутить, то поищите другое место, другое время и прежде всего другого собеседника, безбожник вы эдакий. А сейчас лучше последите за скорбящей и глубоко потрясенной вдовой.

Вильямс посмотрел на людей, собравшихся по обе стороны склепа. Среди них рядом с Патрицией стояла леди Торп.

Она решила, видимо, бросить вызов всему миру. На скорбящей вдове была кокетливая, лилового цвета шляпка и светло-серый костюм. Но самым вызывающим был зонтик, который она держала раскрытым. Своими яркими красками он мог бы порадовать глаз на пляже, а не на древнем кладбище, на котором нашли свой последний покой целых шесть епископов, убийца-трактирщик и ее собственный супруг. Зонтик был оскорбительным вызовом обществу.

Когда показался гроб, весьма массивный и сделанный из дорогого дерева, и двое рабочих начали его открывать, инспектор высказал мысль, с которой, наверное, был согласен каждый из присутствовавших:

— Сейчас бы я выпил чего-нибудь крепкого. Сознание того, что все мы через сто лет будем выглядеть вот так же, несколько омрачает мысль, не так ли?

— Думаю, что это так, — поддержал его Вильямс. — Только зачем мы мучаемся над тем, чтобы выяснять, как ушел человек из жизни? Разве это так важно?

— Не говорите чепуху. С такими взглядами вы не только не станете старшим, но и простым инспектором, — предупредил его Бейли. — Если человек хочет продвинуться и сделать карьеру, он должен все, что делает, делать с надлежащей серьезностью. Даже если он давит блоху.

Им обоим надлежало подойти к открытому гробу и взглянуть на останки сэра Роберта. Вместо этого они молча отошли в сторону, за ними последовали Дороти Торп, ее экономка и два представителя прокуратуры. У гроба остались лишь двое рабочих кладбища, представитель судебно-медицинской службы и врач.

Через полчаса процедура закончилась. Черный лимузин с гробом скрылся в направлении Ливерпуля. Инспектор и Вильямс сели в полицейскую машину. На ближайшем углу у пивной они остановились, чтобы подкрепиться.

Прошлым вечером Вильямс вымыл свое лицо очищающим лосьоном, а затем обычным мылом. На этот раз его кожа приобрела желто-зелено-фиолетовый оттенок. Бессонная ночь в кладовой, пребывание на кладбище и эксгумация тела сэра Роберта привели к тому, что на лице Вильямса, как шутливо заметил Бейли, пропали все краски.

— Не унывайте, — сказал он саркастически, — потому что самое страшное еще впереди. И вот тут вы должны проявить себя по-настоящему.

— Вы считаете, что в Карентине еще кто-нибудь будет убит?

Инспектор задумчиво покачал головой.

— Почему бы и нет? Для убийцы сейчас уже

неважно — одним больше, одним меньше. Во всяком случае, плюньте на все глупые предписания и возьмите с собой пистолет. Это может, правда, стать концом вашей карьеры, но спасет вам жизнь. А какая польза от повышения, если вы ничего не сможете от этого иметь, кроме, может быть, того, что у вашей могилы будут нести почетный караул два каменных ангела?

— Мне сегодня вечером снова надо дежурить в Карентине? — спросил Вильямс упавшим голосом.

— Да. И особенно следите за леди Торп. Она либо преступница, либо очередная жертва.

Такой вывод совершенно логично вытекал из предыдущих событий. Но даже такой опытный сыщик, как инспектор Бейли, не мог предполагать, что в этот вечер в замке произойдут такие события, которые не поддаются ни логике, ни здравому человеческому разуму.

Во время ужина в Карентине, в котором принял участие в качестве гостя Вильямс, царил молчание. И если кто-либо что-нибудь произносил сдавленным голосом, то все вздрагивало, как от булавочного укола.

Разрушения от взрыва в зале были в основном ликвидированы, в камине потрескивали толстые поленья, огонь отражался в стеклянных дверях витрин, в которых стояли старинные фарфоровые фигурки, японские чайные чашки, серебряные бокалы для вина. Но основную ценность составляли позолоченные напольные часы восемнадцатого века. Каждый час они проигрывали приятную мелодию. Охраняющий стадо пастух играл на флейте, овцы склонили от наслаждения головы, красавица крестьянка с коромыслом и двумя ведрами грациозно поворачивалась, словно в танце, а шедший за ней парень протягивал руки, чтобы обнять ее.

Шел дождь. Из прохуdivшегося водосточного желоба лилась вода. Сквозь стеклянные двери была видна терраса, обрамленная паранетом. Раньше здесь в теплые летние вечера, наверное, отмечали праздники: небольшой оркестр исполнял веселую музыку, дамы и кавалеры в вышитых платьях и белых париках молча наслаждались, мечтая об охотничьих и любовных похождениях, или обменивались галантными шутками.

Но эти времена канули в Лету. Плиты заросли мхом и травой, фонари около дома бросали тусклый свет на мокрые камни. Все было серым и скучным: Вильямс вспомнил кладбище, склеп, каменных ангелов, запах гнили...

— Приятный вечер. А что, если мы для общего оживления немного сдвинем столики и попытаемся вызвать духов? — Такой не очень остроумной шуткой Дороти попыталась поднять настроение.

— Только без меня. Меня трясет от всех этих ужасов, я и без того не сомкну глаз всю ночь, — с возмущением отклонила шутливое предложение своей хозяйки Патриция.

— Есть люди, крепкие задним умом, — проскрипел Декстер.

— Вы имеете в виду меня? — язвительно спросила Дороти.

— Из своего окна я наблюдал, как вы в свои пятьдесят три года, разукрашенная, как танцовщица варьете, направилась на кладбище. Немудрено, что у вас там не возникло мысли, для чего живет человек и как он продолжает жить после смерти.

— Было бы прекрасно, если бы мы оказались с вами в разных мирах, чтобы больше никогда не встретиться.

Вильямс уже начал подумывать, как ему подключиться к этой задуманной беседе, но в это время раздался телефонный звонок. Вошел Фишер и сказал, что инспектор Бейли просит серванта к телефону.

Когда Вильямс вернулся в зал, он уже знал результат вскрытия: Роберт Торп умер естественной смертью.

— Вполне возможно, что мисс Грэдзи стала жертвой несчастного случая, — сказал беззвучным голосом полковник. — У нее во время поездки мог случиться приступ или могло отказать управление... В любом случае не ясно, постигло ли ее то же самое, что произошло, например, с доктором Эвансом или Конроем, который сейчас зарыт в земле.

— Что касается Эрвина Конроя, — сказала Патриция, — то я знаю точно, что он жив. Вчера ночью я видела его во сне, а мне снятся только живые люди...

— Прекратите эту болтовню! — У Дороти лопнуло терпение. — Так можно постепенно и нормального человека свести с ума...

Последнее слово застряло у нее в гортле. Следующий за ее взглядом Вильямс вдруг открыл рот. У Фишера из рук выпал прибор, который он собирался положить на стол. Патриция схватилась за сердце и издала жалкий писк. Лицо Декстера побледнело, было слышно его хриплое дыхание.

Продолжение следует.

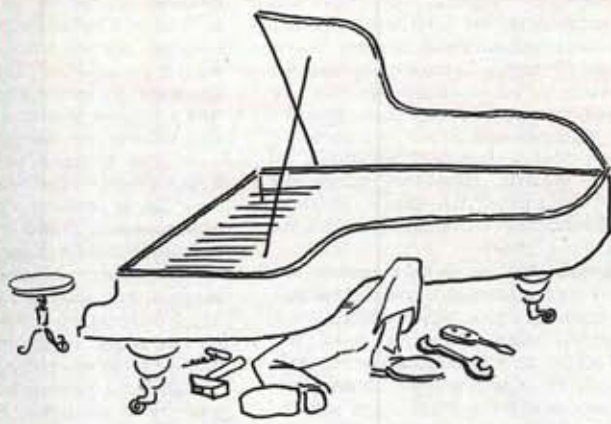

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

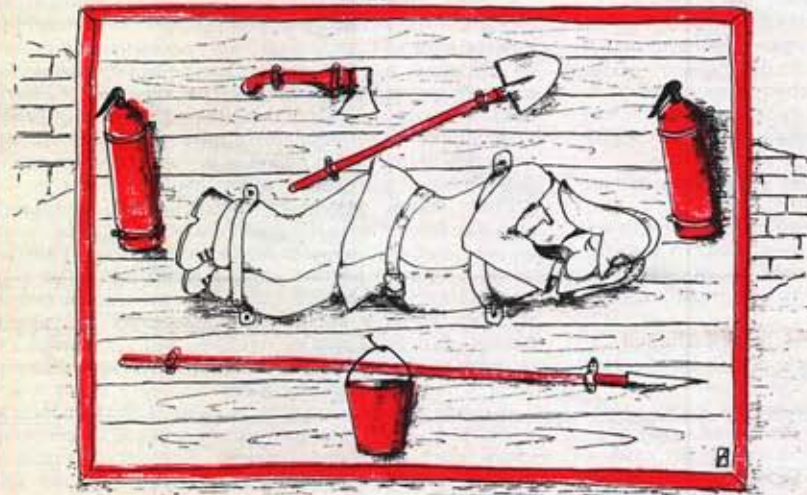
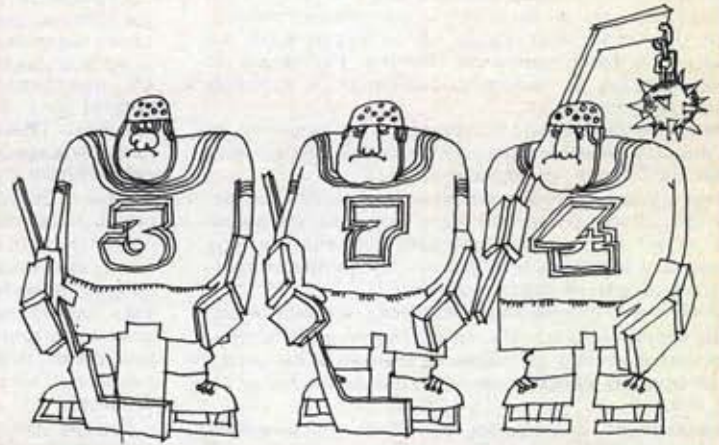

Рисунок Александра ЕЛИСЕЕВА

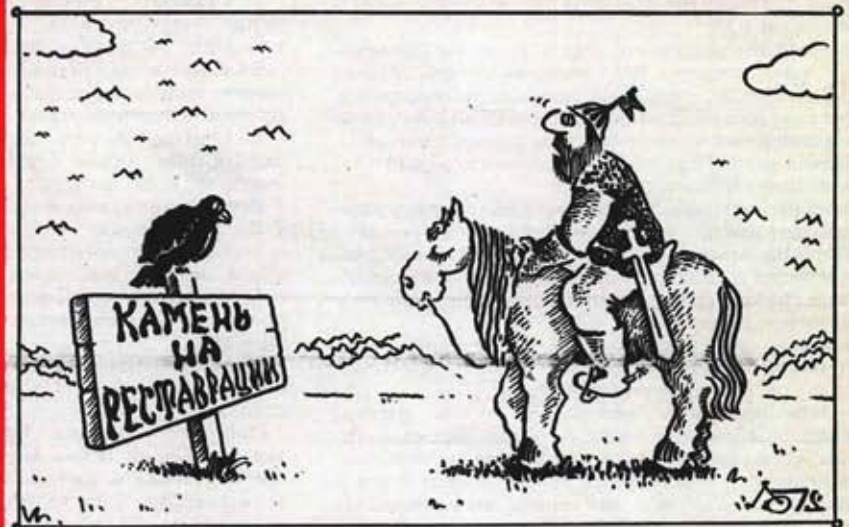

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПОТЕНИРУЙТЕСЬ ПЕРЕД ОЛИМПИАДОЙ

Предлагаем читателям «Смены» попробовать свои силы в решении не сложных, но весьма изящных композиций из области так называемых «сказочных» шахмат. Подобные задания встречаются в наших олимпиадах и конкурсах.

ОБРАТНЫЙ МАТ В ДВА ХОДА

В задачах на обратный мат, или киперганг (от французского qui perd gagne! — кто проигрывает, тот выигрывает), белые начинают и заставляют черных дать своему (белому) королю мат в обусловленное число ходов.

КООПЕРАТИВНЫЙ МАТ В ДВА ХОДА

В задачах на кооперативный мат одна сторона (как правило,

черные) начинает и помогает партнеру в определенное количество ходов дать мат своему королю.

О тех любителях шахмат, которые первыми пришло верные ответы на приведенные выше композиции, мы сообщим в журнале. Запомните срок отправления открыток с решениями—10 марта с. г.

ПОБЕДИЛА СБОРНАЯ СССР

На последней Всемирной шахматной олимпиаде в Буэнос-Айресе сборная женская СССР завоевала победу. Наши шахматистки-гроссмейстеры чемпионка мира Майя Чибурданидзе, Нона Гаприндашвили, Нана Александрия (все трое—Тбилиси) и Елена Ахмыловская (Красноярск) добились отличного результата—36,5 очка из 42 возможных—и на со-

лидную дистанцию опередили ближайших соперниц из Венгрии, ФРГ и Югославии, не говоря уж о командах других стран.

У всех советских шахматисток на олимпиаде в столице Аргентины высокие индивидуальные показатели. Особенно выделяется спортивный итог представительницы Восточной Сибири, 22-летней комсомолки Е. Ахмыловской, которая выиграла на этом ответственном состязании все девять (!) своих поединков. Ниже мы приводим запоминающееся окончание ее партии с известной шахматисткой из Болгарии В. Асоновой.

На диаграмме вы видите обоюдоострую позицию, создавшуюся после 28-го хода белых. Е. Ахмыловской, у которой были черные фигуры, удается осуществить план действий, связанный с образованием проходной пешки на ферзевом фланге.

28. ...Kb6—d7! 29. Le5—e1 g7—g6 30. Kf5—g3 Kd7—f6 31. Ca5—c3 Kf6—d5 32. Cc3—b2 c5—c4 33. b3:c4 b5:c4 34. Kg3—e4 Cf8—b4 35. Ke4—c3 Kd5—f4 36. Lc1—d1 Lc8—d8.

Здесь белые не выдерживают напряженной борьбы и ошибочно идут на невыгодный для них размен ладей. Необходимо было пойти 37. Le4!

37. Ld1:d8? Le8:d8 38. Le1—d1 Ld8:d1+ 39. Kc3:d1 c4—c3!

Удовлетворительной защиты за белые не видно. Например, 40. Ca1 Ke2+ 41. Kph2 Cf5 42. C:f5 gf 43. Ke3 Kd4 44. f4 c2 45. Cb2 Cd2 и т. д. В цейтноте же они не замечают коневой «вилки» и теряют слона.

40. Cb2—c1 Kf4—e2+, и белые капитулировали.

АТАКУЕТ НИНО ГУРИЕЛИ

Одной из наиболее колоритных фигур недавнего зонального турнира женского первенства мира во Фрунзе была, несомненно, 17-летняя шахматистка из Тбилиси Нино Гуриели. Она не только завоевала одну из пяти заветных путевок на предстоящие нынешним летом межзональные соревнования, но и продемонстрировала весьма импонирующий острокомбинаторный стиль игры.

Перед вами занятный миттельшпиль, имевший место после 19-го хода черных в партии турнира во Фрунзе между Гуриели и москвич-

кой Татьяной Чеховой, у которой были черные. Нино смело пожертвовала пешку на одном фланге, а на другом—осуществила энергичный прорыв.

20. a4—a5! Фb6:a5 21. f2—f4 Cc6—d7 22. Kd6:f7! Lf8:f7 23. f4:e5 Cd7—e8 24. Ld1:d4 Фa5—b6 26. Ld4—d6 Фb6—c7.

Теперь же белые красивым, надолго запоминающимся тактическим ударом ставят соперницу перед лицом неразрешимых проблем. В итоге бурной схватки черные теряют качество, а в цейтноте—еще и коня.

26. Ld6—d7!! Фc7—b6 27. Ld7:f7 .Kc5—e6+ 28. Lf7—f2 Ce8—f7 29. Kpg1—h1 Ke6—f4 30. e5—e6! Cf7:e6 31. Ch3:e6+ Kf4:e6 32. Фc4—d5 La8—d8 33. Фd5—f5 h7—h6 34. Фf5—f7+ Kpg8—h8 35. Фf7—g6 Фb6—d6 36. Lf2—f7 a7—a5 37. Фg6—f5 Фd6—d4? 38. Фf5:e6, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.01.79. Подписано к печати 18.01.79. А 01007. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1:150000 экз. Изд. № 308. Заказ № 56. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

МАТРОФЕЕВУ, СЪОБРАТНО.

Т. КОФЕЕВ

Родная земля

Стихи Леонида ДЕРБЕНЕВА.
Музыка Вячеслава ДОБРЫНИНА.

Край любимый, край заветный мой,
Край, что я зову родной землей,
Лишь в твои просторы возвращаясь,
Я знаю, что вернулся я домой.

Вот опять, как в детстве, я смотрю
На твою огромную зарю,
И уходят прочь мои печали,
И вновь я говорю,
С волнением и любовью говорю.

Припев:
Родная, родная, родная земля,
Холмы и равнины, леса и поля.
Ты доброй судьбою на счастье дана,
Одна ты на свете и в сердце одна.

Как люблю, земля, твои луга,
Вольных рек крутые берега.
Снежною зимой и щедрым летом
Ты сердцу дорога, земля моя,
Ты сердцу дорога.

Припев.

Много стран на белом свете есть,
Где чудес невиданных не честь,
Много стран на свете есть, но знаю,
Что счастлив только здесь,
Что счастлив быть могу я только здесь.

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. КРАВЧЕНКО,
военнослужащий

По горизонтали:

5. Горная порода, содержащая кристаллы драгоценных металлов. 7. Процесс получения благородных металлов высокой чистоты. 11. Вид многоголосия в музыке. 12. Историческая область в Испании. 14. Спортивная принадлежность. 15. Приток реки Костромы. 16. Роман Т. Драйзера. 17. Река в Якутии. 19. Представительница народности, населяющей Дагестан. 21. Наука о птицах. 24. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 26. Элементарная частица. 29. Спортивный снаряд для метания. 31. Один из Больших Антильских островов. 32. Картина А. Пластова. 33. Точные часы. 34. Аппарат для переработки молока. 35. Публичное исполнение музыкальных произведений. 36. Действующее лицо оперы Т. Хренникова «В бурю».

По вертикали:

1. Город в Молдавии. 2. Помощник профессора, преподаватель в вузе. 3. Раздел метеорологии. 4. Точка небесной сферы, из которой исходят видимые пути метеорного потока. 6. Вид литературных произведений. 8. Плата за перевозку груза водным транспортом. 9. Панист, Герой Социалистического Труда. 10. Старинный балльный танец. 13. Знания, полученные в результате обучения. 18. Головной убор. 20. Город в Томской области. 22. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 23. Постоянная величина в математике. 25. Состязания на спортивных судах. 26. Образец поведения, достойный подражания. 27. Съедобный гриб. 28. Прибрежное морское судноходство. 30. Герой повести А. Гайдара. 32. Пьеса М. Горького.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3.

По горизонтали:

5. Самосуд. 7. Жолобов. 9. Селлигер. 10. Углерод. 11. Корф. 13. Качество. 14. Аренский. 15. Портретист. 17. Стилистика. 22. Гравилат. 24. Ковентри. 26. Охра. 27. Актриса. 28. Титовка. 29. Страхов. 30. Экватор.

По вертикали:

1. Зарема. 2. «Мужество». 3. Конгресс. 4. «Дороги». 6. Оливер. 8. Одесса. 11. Контральто. 12. Фантастика. 15. Пирс. 16. Тура. 18. Телескоп. 19. Кувшинка. 20. Сварка. 21. Ингода. 23. Ракета. 25. Ректор.

ВОЗДАТЬ В ГРАНИТЕ ПАМЯТЬ

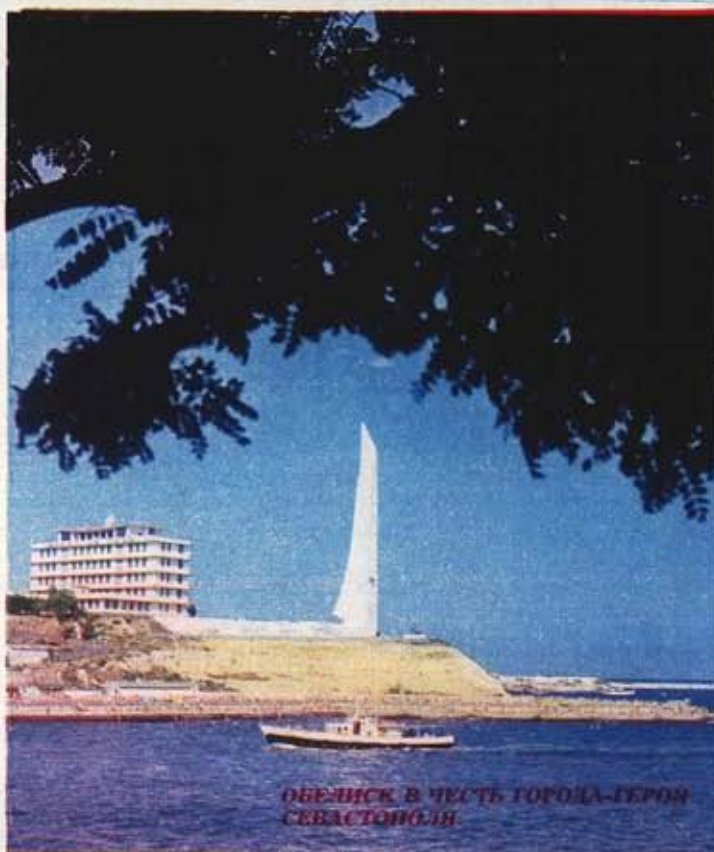
АДМИРАЛ Ф. С. ОКТЯБРЬСКИЙ.

ТРЕВОГА.

ШЕЛ СОЛДАТ.

ОБЕЛИСК В ЧЕСТЬ ГОРОДА-ГЕРОЯ СЕВАСТОПОЛЯ

СКУЛЬПТОР СТАНИСЛАВ ЧИЖ.

ПАМЯТНИК КОМСОМОЛЬЦАМ—
ЗАЩИТНИКАМ СЕВАСТОПОЛЯ.

В конце 50-х годов Севастопольский горком ЛКСМ Украины объявил конкурс на проект памятника — защитникам Севастополя. Матрос Станислав Чиж решил принять в нем участие. За плечами у него была учеба в Ленинграде в Высшем художественно-промышленном училище имени В. И. Мухоморова и Одесском художественном училище. Станислав знакомился с историей комсомольской организации города, подвигами моряков-черноморцев, беседовал с ветеранами — участниками событий...

Его проект был принят. И вот поднялись гранитной скалой солдат, матрос и девушка. Они на огненной черте, за ними Севастополь. Ни шагу назад! Скульптор будто выхватил сцену прямо из боя.

Эта композиция стала началом творческой биографии скульптора Станислава Чижа. Биографии, многие строки которой вписаны морем. Годы службы на Черноморском флоте в учебном отряде имени адмирала Ф. С. Октябрьского во многом определили путь молодого скульптора. Редкие свободные часы на море использовал Станислав для рисования и лепки. Военная служба, боевая учеба современного флота подсказали сюжеты композиций «Тревога», «Впередсмотрящие», «Баллада о матросах»...

Лучшей работой Станислава был признан проект памятника неизвестному матросу на Малаховом кургане (совместно с архитектором А. Шеффером и художником И. Белицким).

В каждом образе скульптор стремится к предельной выразительности. Вот боцман О. Безродный. Обожженное ветрами дальних широт лицо. Человек, знающий, что такое война, потери друзей. И с полным правом он может сказать: «Этот день мы приближали, как могли».

Устремленный в морскую даль пристальный взгляд военачальника. Не просто принять решение в боевых условиях. Нужны твердая воля, острое чувство ответственности, непреклонная вера в мужество и мастерство подчиненных. Таким предстает портрет адмирала Ф. С. Октябрьского.

...В праздничные вечера тысячи севастьянцев и гостей города собираются на мысе Хрустальный. И в тот миг, когда яркие лучи прожекторов и разноцветные огни салюта освещают окрестность, открывается величественный обелиск. Созданный группой киевских и севастьянских творческих работников в честь города-героя, он страстно рассказывает о подвиге его защитников в годы Великой Отечественной войны. В трех барельефах этого обелиска: «Оборона», «Подполье», «Освобождение». Станиславу Чижу удалось ярко и образно показать героический путь советского народа к победе. В лицах воинов — мужество и непоколебимая воля к жизни. Они не покорились врагу. Выстояли. Победили.

Таков «Борец подполья» — новая работа Станислава. Известный кинорежиссер Булат Мансуров, увидев ее, сказал:

— Встать бы рядом с этим патриотом. Увидеть, как он приклеивает листовку. И помочь ему. Увидеть, что приближаются к нему гитлеровцы. И предупредить его...

Высокие нравственные критерии несет в себе творчество скульптора Станислава Чижа. Ведя поиск активной и яркой выразительности в искусстве, он работает в лучших традициях героико-патриотической темы. И творчество художника благодаря этому находит горячий отклик в сердцах людей.

Борис ГЕЛЬМАН
капитан 3-го ранга.